

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 4, № 4, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДАЕМОСТЬ В СЕМЬЯХ МИГРАНТОВ: ДАННЫЕ, ГИПОТЕЗЫ, МОДЕЛИ
(ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ШКОЛАХ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ
**ЕКАТЕРИНА ДЕМИНЦЕВА, ДАРЬЯ ЗЕЛЕНОВА, ЕЛИЗАВЕТА КОСМИДИС,
ДМИТРИЙ ОПАРИН**

ДАТЫ РОЖДЕНИЙ И ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
У ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВ, ДАРЬЯ РАЗУМОВА, АЛЕКСЕЙ КНОРРЕ

ПОЧЕМУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЖДЕНИЙ ПО ДАТАМ У ПРАВОСЛАВНЫХ
И НЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЧТИ НЕ РАЗЛИЧАЮТСЯ

НИКОЛАЙ САВЧЕНКО

ДИНАМИКА УСТАНОВОК РОССИЯН В СФЕРЕ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛАРИСА КОСОВА

УКРАИНЦЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1897-2010 ГГ. В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ:
ОТ ЯДРА «ЗЕЛЕНОГО КЛИНА» ДО АССИМИЛЯЦИИ

РЕНАТ ТЕМИРГАЛЕЕВ

[АРХИВЫ](#)

ПЕРВАЯ ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАРОДОНАСЕЛЕНИЮ
ГЛАЗАМИ ДВУХ РУССКИХ УЧАСТНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ

МАРК ТОЛЬЦ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.И. КУЗЬМИН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. KUZMIN
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

**All manuscripts are obligatory peer-reviewed.
Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Декабрь 2017, Т.4, №4

РОЖДАЕМОСТЬ В СЕМЬЯХ МИГРАНТОВ: ДАННЫЕ, ГИПОТЕЗЫ, МОДЕЛИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	6-79
<i>Константин Казенин</i>	
ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ШКОЛАХ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ	80-109
<i>Екатерина Деминцева, Дарья Зеленова, Елизавета Космидис, Дмитрий Опарин</i>	
ДАТЫ РОЖДЕНИЙ И ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ У ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ	110-120
<i>Виталий Григорьев, Дарья Разумова, Алексей Кнорре</i>	
ПОЧЕМУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЖДЕНИЙ ПО ДАТАМ У ПРАВОСЛАВНЫХ И НЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЧТИ НЕ РАЗЛИЧАЮТСЯ	121-126
<i>Николай Савченко</i>	
ДИНАМИКА УСТАНОВОК РОССИЯН В СФЕРЕ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ	127-149
<i>Лариса Косова</i>	
УКРАИНЦЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1897-2010 ГГ. В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ: ОТ ЯДРА «ЗЕЛЕННОГО КЛИНА» ДО АССИМИЛЯЦИИ.....	150-169
<i>Ренат Темиргалеев</i>	
 <u>Архивы</u>	
ПЕРВАЯ ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАРОДОНАСЕЛЕНИЮ ГЛАЗАМИ ДВУХ РУССКИХ УЧАСТНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ	170-190
<i>Марк Тольц</i>	

CONTENTS

December 2017, 4(4)

FERTILITY IN THE FAMILIES OF MIGRANTS: DATA, HYPOTHESES, AND MODELS (FOREIGN LITERATURE REVIEW)	6-79
<i>Konstantin Kazenin</i>	
ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN IN THE SCHOOLS OF MOSCOW AND THE MOSCOW REGION	80-109
<i>Ekaterina Demintseva, Daria Zelenova, Elizaveta Kosmidis, Dmitry Oparin</i>	
ORTHODOX SELF-IDENTIFICATION AND THE DISTRIBUTION OF BIRTHDAYS OF VK USERS	110-120
<i>Vitaly Grigoriev, Daria Razumova, Alexey Knorre</i>	
WHY THERE IS NO SIGNIFICANT DIFFERENCE BETWEEN THE DISTRIBUTIONS OF BIRTHS BY DATES OF ORTHODOX CHRISTIANS AND OF NON-ORTHODOX	121-126
<i>Nikolai Savchenko</i>	
DYNAMICS OF ATTITUDES IN THE SPHERE OF INTIMATE RELATIONSHIPS IN RUSSIA	127-149
<i>Larisa Kosova</i>	
DEMOGRAPHIC HISTORY OF THE UKRAINIANS OF PRIMORSKY KRAI 1897-2010: FROM THE «ZELENY KLIN» CORE TO ASSIMILATION	150-169
<i>Renat Temirgaleev</i>	
<u>Archive</u>	
THE FIRST WORLD POPULATION CONFERENCE THROUGH THE EYES OF TWO RUSSIAN EMIGRANT PARTICIPANTS	170-190
<i>Mark Tolts</i>	

РОЖДАЕМОСТЬ В СЕМЬЯХ МИГРАНТОВ: ДАННЫЕ, ГИПОТЕЗЫ, МОДЕЛИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

Исследованиям рождаемости среди мигрантов в последние десятилетия в демографии уделяется немало внимания. Это связано прежде всего с ростом мировой миграции, обеспечивающим данной научной проблематике немалую практическую актуальность в связи с задачами демографического прогнозирования. Одновременно тема рождаемости мигрантов приобретает все больший междисциплинарный теоретический интерес, поскольку она имеет отношения к таким важным для современных социальных наук явлениям, как взаимодействие культур, трансформация поведенческих норм и др.

В отечественной науке тема рождаемости мигрантов до сих пор остается достаточно периферийной (несмотря на богатство эмпирического материала по данной теме, доступного для исследований в России). Цель настоящего обзора – первоначальное систематическое знакомство с литературой, посвященной рождаемости среди тех, кто совершил миграцию, и среди их детей.

Обзор состоит из трех частей. В первой части представлены основные имеющиеся гипотезы о влиянии миграции на рождаемость, в наиболее общем виде обсуждаются возможности их проверки, а также их общетеоретический контекст. Во второй части рассматриваются особенности применения количественных методов и методов статистического моделирования для исследования рождаемости среди мигрантов. В третьей части представлены избранные исследования по рождаемости мигрантов в отдельных странах, дающие представление о разнообразии динамики рождаемости в переселенческих сообществах.

Ключевые слова: миграция, рождаемость, адаптация мигрантов, брачно-репродуктивное поведение.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия).

Статья поступила в редакцию в июле 2017 г.

Статья основана на результатах исследования по НИР РАНХиГС 2017 г. «Факторы рождаемости и динамика демографических процессов среди мигрантов-мусульман Северного Кавказа»

СОДЕРЖАНИЕ

1. ГИПОТЕЗЫ О ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

1.1. Гипотеза адаптации

1.2. Гипотеза социализации

1.3. Гипотеза разрыва

1.4. Гипотеза селективности

1.5. Предсказания четырех гипотез о динамике показателей рождаемости

1.6. Общая теоретическая рамка гипотез – «анализ жизненного пути»

2. ПОКАЗАТЕЛИ И МОДЕЛИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

2.1. Использование коэффициентов рождаемости при изучении взаимосвязи рождаемости и миграции

2.2. Исследования, основанные на моделях пропорциональных рисков

2.3. Другие методы моделирования, используемые для изучения рождаемости среди мигрантов

3. РОЖДАЕМОСТЬ МИГРАНТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА: ОБЗОР ИЗБРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. «Вклад» мигрантов в европейскую рождаемость [Sobotka 2008]

3.2. Исследования рождаемости потомков международных мигрантов

3.3. Рождаемость мигрантов в Великобритании

3.4. Рождаемость мигрантов в Германии

3.5. Рождаемость мигрантов в Швеции

3.6. Рождаемость мигрантов в Италии

3.7. Рождаемость мигрантов в Испании

3.8. Рождаемость мигрантов в США

3.9. Рождаемость мигрантов в Австралии

3.10. Внутристрановая миграция и рождаемость: исследования по отдельным странам

КРАТКИЕ ИТОГИ

БЛАГОДАРНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

Исследование рождаемости среди мигрантов, выявление ее тенденций, а также факторов, ее предопределяющих, становится все более важной задачей по мере роста географической мобильности населения в современном мире. Понимание взаимосвязей, имеющих между

рождаемостью и миграцией, важно не только для оценки будущих изменений численности населения на принимающих территориях, но во многих случаях и для предсказания изменений его этнического состава, связанных с этими изменениями социокультурных сдвигов и конфликтов.

На сегодняшний день в мировой демографии исследование рождаемости среди мигрантов и их потомков занимает очень большое место. Сформирован набор гипотез о возможной взаимосвязи миграции и рождаемости. Накоплен большой опыт эмпирических исследований, имея который уже невозможно не критически относиться к распространяемым многими политиками и СМИ «алармистским» представлениям о том, что якобы из-за повышенной рождаемости мигрантов в ближайшее время ожидается радикальное изменение этно-конфессионального состава населения принимающих стран. Разработаны статистические модели, в которых учитываются специфические проблемы, возникающие при анализе данных о рождаемости среди мигрантов. Можно сказать, что на рубеже XX-XXI веков исследования рождаемости среди мигрантов в какой-то степени образовали самостоятельную «научную дисциплину» внутри демографии со своими стандартами исследовательской работы, научными авторитетами и др. Вместе с тем результаты этих исследований никак нельзя считать внутренним делом демографии. Рождаемость – лишь один из многих поведенческих аспектов мигрантов, на основании которых исследователь может судить о степени их интеграции в принимающее сообщество, о том, каковы социальные последствия того смешения жизненных укладов и культур, к которому неизбежно ведет миграция. Поэтому результаты исследования рождаемости мигрантов имеют явно междисциплинарное значение, будучи актуальными для целого спектра социальных наук, на стыке которых сейчас исследуется феномен миграции. Такое значение этих результатов и делает актуальной задачу ознакомления с ними отечественного читателя.

В настоящем обзоре мы не стремимся отразить все разнообразие имеющейся литературы по рождаемости среди мигрантов. Обзор преследует три цели. Во-первых, представить основные имеющиеся в литературе общие гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости (раздел 1). Во-вторых, охарактеризовать основные статистические модели, используемые в литературе для оценки взаимосвязи миграции и рождаемости (раздел 2). В-третьих, на основе исследований, выполненных для некоторых стран, показать случаи подтверждения каждой из этих гипотез (раздел 3).

1. ГИПОТЕЗЫ О ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

В этом разделе представлены основные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости, имеющиеся на сегодня в научной литературе. Прежде, чем перейти к рассказу о них, важно сделать одну оговорку. Ни одна из этих гипотез даже большинством авторов, выдвигающих ее, не рассматривается в качестве единственного варианта взаимосвязи миграции и репродуктивного поведения. Каждая из гипотез, по сути, говорит об одном из возможных сценариев изменения рождаемости в связи с миграцией, не исключая при этом других сценариев. Гипотезы выдвинуты на основе анализа разных миграционных потоков, и совместное рассмотрение этих гипотез дает картину того разнообразия динамики

рождаемости в переселенческих сообществах, которое известно на сегодняшний день. Сравнение предсказательной силы гипотез можно осуществлять применительно к конкретным "кейсам" миграции, но оно не имеет смысла применительно к мировой миграции в целом (сопоставление рассматриваемых ниже гипотез см. в [Kulu, Gonzalez-Ferrer 2014, Kulu 2005, Захаров, Сурков 2009]).

1.1. Гипотеза адаптации

Гипотеза адаптации (*adaptation hypothesis*) состоит в том, что мигранты, оказавшись в новой для себя среде, усваивают характерные для нее поведенческие нормы, в том числе и касающиеся репродуктивного поведения (а также брачности). В случае, если миграция идет с территории, характеризующейся более высокой рождаемостью, на территорию с более низкой рождаемостью (эта ситуация наиболее распространена в современном мире), гипотеза адаптации предполагает снижение репродуктивной активности у мигрантов по сравнению с населением их "исторической родины". Первоначально гипотеза адаптации была, по-видимому, выдвинута для внутристрановой миграции – миграции из сел в города в Малайзии и Таиланде [Goldstein, Goldstein 1983], однако затем была подтверждена и на многих примерах межстрановой миграции. В [Kulu 2005; 2006] она подтверждается для внутренней миграции в трех европейских странах (Австрии, Польше и Эстонии) для поколений, родившихся после Второй мировой войны: в этих работах показано, что при переезде из села в город или из города в село представители этих поколений в указанных странах в целом воспроизводили уровень рождаемости, имевшийся на принимающей территории (отметим, что сам по себе регулярный контраст между сельским и городским населением по уровню рождаемости был, разумеется, известен задолго до появления исследований влияния миграции на рождаемость, но именно эти исследования делали акцент на рождаемости у населения, совершающего миграцию из села в город или наоборот).

При этом среди исследователей, выдвинувших данную гипотезу, нет согласия относительно того, что заставляет мигрантов усваивать новые для них нормы в сфере рождаемости. Так, в [Lee, Farber 1985] применительно к миграции из села в город в Южной Корее показано, что уменьшение рождаемости после миграции в города связано главным образом с изменением экономических условий, в которых находятся мигранты (точнее, те из них, которые находятся в репродуктивном возрасте): увеличением возможностей для женщин на рынке труда, изменением величины и структуры затрат на детей и др. А, например, в [Schultz 1976] решающим фактором, способствующим восприятию сельскими мигрантами «городских» норм рождаемости, названо улучшение медицинских условий в городе по сравнению с селом, вследствие которого сокращается детская смертность и, соответственно, уменьшается «запрос» на рождение детей.

Гипотеза адаптации получила подтверждение и на примере международной миграции, в частности, миграции в Канаду [Ram, George 1990], Германию [Mayer, Riphahn 2000], Швецию [Andersson 2004]. В большинстве таких исследований в фокусе внимания – вероятность перехода к рождению ребенка того порядка, к которому достаточно редко переходят коренные жители страны пребывания (например, переход к третьему ребенку среди мигрантов из азиатских стран в Западной Европе). Подтверждением гипотезы

адаптации служит факт уменьшения вероятности рождения ребенка данного порядка у мигрантов пропорционально давности их переезда.

Если предположить, что адаптация по рождаемости к новой среде пребывания имеет место, то логично ожидать, что в определенных случаях этот процесс будет идти быстрее, чем в других. В литературе получили подтверждение, в частности, следующие гипотезы об "ускоряющих" факторах адаптации:

1. «Усвоение» мигрантом репродуктивных норм страны пребывания идет быстрее, если супруг/партнер является уроженцем данной страны. Соответственно, разница по рождаемости между «смешанными» семьями и семьями, в которых оба партнера – мигранты, может служить подтверждением гипотезы адаптации. Это предсказание подтвердилось, например, для Германии. В [Yeter, Stichnoth 2013] на основе анализа данных микропереписи, проведенной в Германии в 2008 г. (микроперепись охватила 1% населения), показано, что среди женщин, прибывших в эту страну из стран с высокой рождаемостью, многодетность наименее вероятна у тех, чей партнер не является их соотечественником.
2. Тематикой некоторых новейших исследований стало влияние на адаптацию по репродуктивному поведению особенностей расселения мигрантов и их потомков. Например, в [Wilson, Kuha 2016] показано, что уровень рождаемости среди мигрантов второго поколения в Великобритании связан, среди прочего, с тем, какую долю в населенном пункте или квартале, где они проживают, составляют выходцы с их исторической родины и иностранные мигранты в целом (или потомки таковых). Чем больше пространственная «отделенность» мест проживания мигрантов и коренных жителей страны (residential segregation), тем вероятнее адаптация мигрантов к этой стране по репродуктивному поведению.

Суть гипотезы адаптации состоит именно в сознательном принятии норм репродуктивного поведения, с которыми мигранты сталкиваются на принимающей территории. Поэтому не всякий факт уподобления мигрантов коренным жителям по характеристикам рождаемости (числу рожденных детей на одну женщину, таймингу деторождения) говорит в пользу гипотезы адаптации, как и отсутствие такого уподобления не всегда служит контрпримером к этой гипотезе. Дело в том, что на степень «сближения» мигрантов с коренными жителями принимающей территории по количественным характеристикам рождаемости может влиять не только то, в какой мере мигранты готовы воспроизводить репродуктивное поведение своих новых соседей. Могут быть важны характеристики мигрантского сообщества, которые, как ожидается, оказывают влияние на рождаемость (уровень образования, концентрация в сельской местности или в городе и др.). Если, например, мигранты из какой-либо страны сохраняют высокую рождаемость в принимающей стране, где рождаемость коренного населения низкая, это может быть свидетельством отсутствия их адаптации к новым для них нормам репродуктивного поведения, но может происходить и от того, что мигранты в основном имеют низкий уровень образования или проживают главным образом в сельской местности, и т.д. Для некоторых сообществ мигрантов исследователи приводят аргументы за то, что фиксируемое статистикой отсутствие сближения с коренным населением страны по рождаемости следует рассматривать не как опровержение гипотезы адаптации, а как

следствие именно таких «структурных» особенностей переселенческого сообщества ([Hill, Johnson 2004, Frank, Heuveline 2005] для мигрантов из Мексики и их потомков в США; подробнее см. раздел 3).

1.2. Гипотеза социализации

Гипотеза социализации (*socialization hypothesis*) предполагает, что определяющими для рождаемости среди мигрантов будут репродуктивные установки, полученные ими в детстве. Для мигрантов первого поколения эта гипотеза прямо противоречит гипотезе адаптации и отличается от нее по предсказаниям. Основное предсказание гипотезы социализации состоит в том, что различия по рождаемости у мигрантов с территорий, отличающихся уровнем рождаемости, будут сохраняться даже при длительном проживании на новой территории. Подтверждение этому находится на материале различных мигрантских сообществ. Например, в [Milewski 2010] показано, что среди мигрантов, проживающих в Германии, сохраняются различия по рождаемости в зависимости от того, из каких стран они прибыли (рассматриваются мигранты из Турции, бывшей Югославии и стран Южной Европы). Аналогичные выводы делаются для внутристрановой миграции в Индии, при которой сохраняются различия по рождаемости между выходцами из разных штатов [Guilmoto, Rajan 2001], и для международной миграции из европейских стран в Австралию [Abbasi-Shivazi, McDonald 2002].

Хотя гипотезы социализации и адаптации не согласуются друг с другом, на практике возможной и даже довольно частой оказывается ситуация, когда рождаемость в мигрантском сообществе подтверждает обе эти гипотезы одновременно. Так, в последние десятилетия сохранение контрастов по рождаемости между выходцами из разных азиатских стран в Западной Европе наблюдается на фоне снижения рождаемости у выходцев практически из всех этих стран по сравнению с рождаемостью на их родине (см. на примере Германии [Milewski 2010], на примере Великобритании [Dubuc 2012]; подробнее см. раздел 3). Общее снижение рождаемости в этом случае может трактоваться как эффект адаптации, а сохранение различий между выходцами из разных стран – как эффект социализации.

Особый интерес представляют предсказания гипотезы социализации и результаты проверки этих предсказаний для мигрантов второго поколения. Из гипотезы социализации следует, что рождаемость второго поколения мигрантов будет зависеть от той среды, в которой проходила их первоначальная социализация: если они росли в достаточно замкнутой переселенческой общине, то их отличия по рождаемости от основного населения "принимающей" территории будут большими, чем в случае, если они росли в более "открытой" среде (подробнее о проверке этих предсказаний применительно к некоторым странам см. раздел 3). Многочисленные исследования, в которых рождаемость мигрантов второго поколения рассматривается отдельно, показывают, что уровень рождаемости в этой группе мигрантов, как правило, ниже, чем у мигрантов первого поколения ([Abbasi-Shavazi, McDonald 2002, Milewski 2010, Dubuc 2012, Krapf, Wolf 2015 и мн. др.]; подробнее см. раздел 3). Однако обнаружены и свидетельства того, что конкретные особенности социализации мигрантов второго поколения могут быть значимы для их дальнейшего репродуктивного поведения. Например, овладение в детстве языком принимающей страны в некоторых случаях статистически связано с бóльшим уподоблением населению

принимающей стороны по репродуктивному поведению [Pailhé 2015]; могут быть значимы для рождаемости среди мигрантов второго поколения и другие обстоятельства их детства и юности [Haller et al. 2011].

Если мигранты попадают при переезде в иноэтничную среду (а это имеет место в большинстве случаев межстрановой миграции, а иногда и при внутристрановой миграции – например, миграция населения Северного Кавказа в другие регионы РФ), то вопрос о том, почему у них может сохраняться рождаемость, отличная от коренного населения, тесно смыкается с вопросом о причинах «особой» рождаемости у национальных меньшинств, не являющихся мигрантами. Исследованию последнего вопроса посвящена большая литература. В основном все подходы к объяснению отличий репродуктивного поведения меньшинств сводятся к трем "прототипическим" вариантам (как и гипотезы о влиянии миграции на рождаемость, эти подходы не исключают один другого: каждый из них концентрируется на одной группе факторов, но фактически все эти факторы могут влиять на рождаемость нацменьшинств одновременно):

1. На рождаемость этнического меньшинства влияет его низкий социальный статус. Признаются два прямо противоположных направления, в которых может идти это влияние. С одной стороны, низкий социальный статус, в котором находится этническое меньшинство, может заставлять его представителей снижать рождаемость из-за стремления достичь большей социальной мобильности (так называемая "гипотеза меньшинств"/minority group hypothesis – [Goldscheider 1971]; рассмотрение возможных причин "пониженной" рождаемости у нацменьшинств в США представлено также в известной работе [Goldscheider, Uhlenberg 1996]). Интересное подтверждение этой идее находится, например, в [Gore, Carlson 2010], где показано, что брачность у турецких курдов, в сельской местности превышающая брачность турок, резко снижается и даже отстает от брачности турок в городах. Это авторы объясняют стремлением представителей данного нацменьшинства, переезжающих в города, использовать все возможности для получения образования и поиска хорошей работы, для чего вступление в брак и последующее деторождение видится препятствием. Признается в литературе, однако, и возможность прямо противоположного влияния низкого социального статуса этнического меньшинства на рождаемость, а именно "политически мотивированного" повышения рождаемости с целью укрепить положение своего этноса в обществе. Интересный пример такого рода рассматривается в [Booth 2010]: после того, как в 1940-е годы на островах Фиджи в результате многолетней трудовой миграции индийцев коренное население оказалось в меньшинстве, у него в течение нескольких десятилетий сохранялась высокая рождаемость. У индийцев Фиджи коэффициент суммарной рождаемости с 1966 по 1996 гг. снизился почти в два раза (с 4,9 до 2,5), а у коренного населения – значительно меньше (с 5,3 до 3,9). Возможным объяснением такого контраста между индийцами и коренными жителями Фиджи автор называет стремление коренного населения обеспечить себе более значительную долю в общем числе жителей государства.
2. Отличия по рождаемости обусловлены исключительно "структурными" особенностями этнических меньшинств (уровнем образования, уровнем дохода и др.). В качестве наиболее свежего примера работы, объясняющей этнические различия по рождаемости

такими факторами, можно упомянуть статью [Stonawski et al. 2016], рассматривающую рождаемость ряда мусульманских меньшинств в Европе: как коренных (турок в Болгарии, турок и албанцев в Греции), так и образовавшихся в результате недавней миграции (выходцев из мусульманских стран в Испании). В статье показано, что все эти меньшинства существенно "отстают" от остальной части населения своих стран по уровню образования, и именно этим авторы предлагают объяснять их более высокую рождаемость. Отметим, однако, что "свести" этнические контрасты по рождаемости к различиям социальных характеристик этносов удается далеко не всегда. Имеется немало примеров исследований, в которых при моделировании рождаемости этническая принадлежность не теряла значимости в модели и после того, как в нее были включены такие параметры, как образование, проживание в селе/в городе и др. (напр. [Gore, Carlson 2010, Gyimah 2005 и мн.др.]) В целом идея "сводимости" различий по рождаемости между этносами к различиям их социальных характеристик никак не может считаться на сегодня общепринятой и универсально подтверждаемой имеющимся материалом.

3. Особенности репродуктивного поведения меньшинства связаны с доминирующими в нем культурными нормами (см. [Arnaldo 2004] на примере рождаемости разных этносов в Мозамбике). Ссылки на различия "культурных норм" весьма распространены в работах по межэтническим различиям в области рождаемости, однако нередко вызывают критику. Так, в [Forste, Tienda 1996] отмечается, что, приписывая различия по рождаемости "культурным различиям", исследователи часто не проясняют, благодаря каким именно механизмам первые предопределяются вторыми. Там же обосновывается предположение, что на деле этнические или "расовые" различия по репродуктивному поведению могут быть следствием одновременно и экономических, и "ценностных", т.е. культурных различий. Так, большая доля внебрачных рождений среди потомков африканцев, живущих в США, может быть объяснена как низким уровнем жизни в их среде, из-за которого многие мужчины избегают женитьбы, так и низкой ценностью семейных отношений для этой группы населения (возможно, восходящей еще к временам рабства). То есть культурологические объяснения могут переплетаться с экономическими.

На наш взгляд, учет этого разнообразия факторов, значимых для рождаемости нацменьшинств, необходим при оценке гипотезы социализации, когда речь идет о рождаемости среди мигрантов, образующих этническое меньшинство на принимающей территории. Приведенный выше краткий обзор возможных причин «особой» рождаемости нацменьшинств показывает, что эта «особость» может быть связана не только с нормами, которые представители нацменьшинства усваивают в детстве, но и со многими другими обстоятельствами.

Вместе с тем иногда длительному сохранению отличий мигрантов по рождаемости предлагаются интересные объяснения, не связанные с перечисленными подходами к рождаемости меньшинств, но и не укладывающиеся в гипотезу социализации. Так, в уже упомянутой работе [Abbasi-Shivazi, McDonald 2002] показано, что сохранение отличий между коренным населением Австралии и мигрантами, в том числе второго поколения, из

Греции в конце XX века может быть объяснено необычайно интенсивными контактами, которые последние сохранили со своей исторической родиной.

1.3. Гипотеза разрыва

Гипотеза разрыва (*disruption hypothesis*; среди первых работ, в которых она была высказана, [Massey, Mullan 1984, Ribe, Schultz 1980]) предполагает, что влияние миграции на рождаемость в основном проявляется в первый послемиграционный период, в котором изменения в рождаемости связаны с теми или иными обстоятельствами обустройства на новом месте. Эта гипотеза предполагает снижение влияния фактора миграции на рождаемость после окончания достаточно короткого (длиной менее 5 лет) периода после переезда.

Интересно, что исследования, в которых защищается данная гипотеза, различаются по тому, какое именно влияние на рождаемость (повышающее или понижающее) они приписывают обстоятельствам переезда. Так, в [Goldstein, Tirasawat 1977] на примере миграции из села в город в Таиланде показано, что в период переезда и обустройства мигрантов действует ряд особых факторов, ведущих к более низкой рождаемости. Эти факторы прежде всего касаются экономических трудностей, которые заставляют мигрантов откладывать деторождение. С другой стороны, в ряде работ отмечается противоположная тенденция – всплеск рождаемости в первые годы после миграции. Такой эффект описан, например, для Германии и Швеции, где рождаемость мигрантов из некоторых стран Азии и Африки очень высока в первые 1-2 года после миграции, а затем постепенно снижается [Andersson 2004, Milewski 2010]. Было предложено как минимум два объяснения таких "всплесков". Во-первых, рождение детей в "принимающей" стране может рассматриваться мигрантами как средство укрепить там свой статус, облегчить себе легализацию (оправданность таких надежд зависит от законодательства конкретных стран). Во-вторых, повышенная рождаемость в первые годы после переезда ожидается в тех мигрантских сообществах, где распространена "брачная" миграция, т.е. миграция женщин с целью заключения брака в новой стране (такая миграция в последние полтора-два десятилетия составляла большую долю, например, в миграционных потоках в Западную Европу из Турции, Марокко, также распространена "брачная" миграция из Мексики и ряда стран Карибского бассейна в США; более подробное обсуждение и ссылки см. в разделе 2).

Легко видеть, что гипотеза разрыва, по сути, объемлет набор очень разных явлений, не сходных между собой как по самой динамике рождаемости, так и по возможным причинам этой динамики. Общим для них является лишь "необычное" репродуктивное поведение в первые годы после переезда на новую территорию с последующим его изменением (например, уподоблением по рождаемости "принимающей" территории в соответствии с ожиданиями гипотезы адаптации).

1.4. Гипотеза селективности

Гипотеза селективности (*selectivity hypothesis*) была первоначально выдвинута, по-видимому, в [Goldstein 1978] (см. также [Zarate, de Zarate 1975, Courgeau 1985]). Ее исходное предположение состоит в том, что миграция – это выбор, который не является равновероятным для всех членов некоторого социума: как правило, существует набор таких

характеристик семьи или индивида (касающихся социально-экономического положения, образования и многого другого), которые повышают вероятность миграции. Например, миграция из села в город может быть наиболее вероятной для таких семей, взрослые члены которых нацелены в первую очередь на успешную профессиональную карьеру, а также для таких семей, которые по своему составу наиболее подготовлены к бытовой адаптации в городе. Обе эти характеристики связаны с относительно небольшим числом детей в семье. Гипотеза селективности предсказывает, что будущие мигранты будут отличаться по своему репродуктивному поведению от соседей еще до миграции, т.е. будет иметь место "селекция" будущих мигрантов по числу детей.

Некоторые исследователи, развивающие гипотезу селективности применительно к миграции из сельской местности в города, показывают, что релевантность этой гипотезы может быть разной на разных исторических стадиях миграции. В частности, когда миграция с какой-либо сельской территории в города только начинается, она сопряжена с наибольшими трудностями для мигрантов, которые не могут воспользоваться в городе опытом своих земляков, связями с ними и т.д. На этом этапе «селективность» миграции наиболее высока: с большой вероятностью в город поедут семьи с малым числом детей, взрослые члены которых нацелены главным образом на профессиональную реализацию в новой среде. Однако на последующих этапах «требования» к мигрантам могут снизиться, и объяснительная сила гипотезы селективности может уменьшиться (см. [Hendershot 1971] для миграции из сел в города на Филиппинах).

1.5. Предсказания четырех гипотез о динамике показателей рождаемости

Каждой из перечисленных гипотез соответствуют свои подтверждающие признаки в количественной динамике рождаемости мигрантов. Достаточно очевидны эти признаки для гипотез адаптации, социализации и разрыва.

Гипотеза адаптации предполагает, что рождаемость у мигрантов с одной и той же территории будет разной в зависимости от того, как долго они пребывают на принимающей территории: чем дольше это пребывание, тем меньше отличий по рождаемости от коренного населения. Также эта гипотеза предсказывает, что мигранты во втором поколении по характеристикам рождаемости в общем случае будут меньше отличаться от населения принимающей территории, чем мигранты в первом поколении. Для мигрантов так называемого «полуторного» поколения, т.е. тех, кто совершил миграцию до совершеннолетия (обычно в качестве «точки отсечения» рассматривается достижение на момент миграции 16 лет), гипотеза адаптации также предсказывает большее подобие населению принимающей территории по репродуктивному поведению, чем у тех, кто совершил миграцию в более старшем возрасте.

Гипотеза социализации предполагает, напротив, что длительность пребывания на принимающей территории не будет оказывать заметного влияния на рождаемость мигрантов и что их рождаемость будет подобна рождаемости, наблюдавшейся в период их детства и юности в том сообществе, в котором они росли. Предсказания гипотезы социализации для мигрантов второго поколения не столь очевидны: их рождаемость

зависит от того, в какой среде на принимающей территории провел человек свою детство и юность. Например, если детство и юность были проведены в основном в замкнутом окружении соплеменников-мигрантов, то можно ожидать, что рождаемость будет заметно отличаться от жителей принимающей территории, иначе ожидаются меньшие отличия.

Гипотеза разрыва предполагает, что рождаемость мигрантов в первые годы пребывания на принимающей территории в ту или иную сторону заметно отличается от рождаемости тех же мигрантов в последующие годы.

Что касается гипотезы селективности, то вопрос о возможности ее подтверждения количественными данными менее ясен. Вообще говоря, для ее подтверждения требуется анализ рождаемости на территории, откуда совершена миграция, с демонстрацией различий между домиграционной рождаемостью покинувших ее и рождаемостью жителей тех же возрастных групп, оставшихся на родине. Однако даже если количественные данные такого рода удастся получить (что на практике происходит далеко не всегда), возможность подтвердить ими гипотезу селективности проблематична, ведь среди оставшихся на родине могут быть и те, кто готовится совершить миграцию в ближайшее время или намеревался совершить ее в недавнем прошлом, но не смог это сделать по каким-то причинам и пр. Для таких групп ожидалась бы рождаемость, сходная с "домиграционной" рождаемостью мигрантов, но выделить эти группы или хотя бы оценить их численность среди оставшихся на родине практически невозможно.

Отметим, что если определить подтверждающие количественные признаки гипотез (кроме гипотезы селективности) достаточно легко, то «замер» этих признаков на практике для всех четырех гипотез представляет собой непростую задачу. Проблемы, связанные с проверкой гипотез статистическими методами, обсуждаются в разделе 2.

Несмотря на эти сложности проверки, на сегодняшний день накоплено и проанализировано достаточно много данных, позволяющих судить о том, какие из рассматриваемых гипотез подтверждаются фактами. В разделе 3 будут подробно представлены эти результаты для некоторых стран. Здесь мы отметим, что в целом имеющиеся результаты полностью подтверждают, что ни одна из гипотез не предсказывает адекватно всего разнообразия динамики рождаемости в сообществах переселенцев. Хорошая иллюстрация того, как разные гипотезы могут находить подтверждение для «соседних» друг с другом миграционных потоков или даже одновременно подтверждаться для одного и того же миграционного потока, содержится в обзорной статье [Kulu, Gonzales-Ferrer 2014]. В ней обсуждаются результаты и перспективы исследований брачности и рождаемости среди мигрантов в европейских странах по состоянию на начало 2010-х годов. Важнейшие выводы, которые авторы делают на основе рассматриваемых ими исследований, можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, для мигрантов из большинства неевропейских стран в Европе характерен заметный всплеск рождаемости в первые несколько лет после миграции, причем этот всплеск обеспечивается в основном рождением первых детей. Естественное объяснение этого всплеска состоит в том, что значительная доля миграции женщин в Европу – это «брачная» миграция. Данный факт, очевидно, подтверждает гипотезу разрыва.

Во-вторых, по рождаемости после первых нескольких лет в принимающей стране, а также по интенсивности рождений второго, третьего и последующих детей разные группы мигрантов в Европе довольно существенно отличаются друг от друга. Наиболее распространенная тенденция состоит в том, что после первых лет в принимающей стране мигранты начинают в большей степени уподобляться по репродуктивному поведению коренным жителям, и что по второму и последующим детям уровень рождаемости у мигрантов не так сильно отличается от коренного населения, как по первому ребенку. То есть в целом подтверждается гипотеза адаптации. Однако к этому имеется немало количество контрпримеров: мигрантских сообществ, в которых женщины вне зависимости от давности миграции демонстрируют значительно более высокую рождаемость, чем в принимающей стране (некоторые из таких контрпримеров мы подробно рассмотрим в разделе 3).

В-третьих, среди мигрантов второго-третьего поколений общим трендом можно считать более полное, по сравнению с их родителями, уподобление репродуктивному поведению населения принимающей страны, что также подтверждает гипотезу адаптации. Но и здесь есть немало исключений. В частности, высокая рождаемость сохраняется у второго и третьего поколений мигрантов с Ближнего Востока в Швеции, нет полного уподобления рождаемости коренных жителей и у потомков мигрантов из Турции в Германии и т.д. То есть процесс адаптации к нормам репродуктивного поведения европейских стран не всегда затрагивает мигрантов второго-третьего поколения единообразно.

При этом, как констатируется в обзоре Кулу и Гонсалес-Феррер [Kulu, Gonzales-Ferrer 2014], остается неясным, по каким именно причинам в некоторых сообществах мигрантов в Европе адаптационный сценарий реализуется, а в некоторых – нет. В целом между собой конкурируют два объяснительных подхода. Один возводит сохраняющие отличия по рождаемости к социокультурным факторам, к сохранению у мигрантов тех репродуктивных установок, которые они восприняли на родине (такой подход в целом соответствует гипотезе социализации). Другой подход объясняет отсутствие адаптации особыми социально-экономическими условиями, в которых находятся мигранты в принимающей стране, например, ограниченным доступом женщин-мигранток к получению образования и работы, высоким уровнем сегрегированности мигрантских общин, не позволяющим им воспринимать жизненные практики коренного населения и др. (такой подход соответствует распространенным в литературе объяснениям репродуктивных особенностей этнических меньшинств, не обязательно мигрантских, см. раздел 1.2).

1.6. Общая теоретическая рамка гипотез – «анализ жизненного пути»

Прежде чем перейти к конкретным методикам и результатам проверки гипотез о влиянии миграции на рождаемость, необходимо отметить, что все представленные выше гипотезы предполагают рассмотрение рождаемости в рамках методологического подхода, который в последние десятилетия применяется в социальных науках и для исследования большого количества других явлений. Этот подход – так называемый анализ жизненного пути (*life course analysis*). В наиболее общем виде суть этого подхода состоит в том, что жизненный

путь человека рассматривается как последовательность переходов из одного дискретного состояния в другое, причем в качестве условий для того или иного перехода могут выступать как текущее состояние (или предшествующие состояния), в котором находился человек, так и «внешние» по отношению к человеку обстоятельства, такие как, например, жизненные обстоятельства других членов его семьи, социальные условия в местности, в которой он проживает и др. Анализ жизненного пути предлагает динамический подход к описанию условий наступления того или иного события в жизни человека, при котором важно взаиморасположение разных событий, а также внешних обстоятельств во времени (об общих теоретических основах анализа жизненного пути см. [Elder 1985, Giele, Elder 1998]; обзор применения данного подхода к демографическому поведению мигрантов см. [Kulu, Milewski 2007]).

Каждая из четырех гипотез, представленных в настоящем разделе, хорошо вписывается в теоретические рамки анализа жизненного пути, поскольку ставит рождение детей в зависимость от предшествующих событий и обстоятельств жизни человека, таких, как миграция, социальные связи в детстве и юности и пр. Отметим, что в рамках анализа жизненного пути в литературе рассматриваются и другие события в жизни мигрантов. Например, в [Kley 2011] этот метод применяется для исследования процесса принятия решения о миграции. В ряде работ он также используется для исследования брачности среди мигрантов (напр., [Holland, Valk 2013] для мигрантов в разных странах Европы, [Cortina et al. 2008] для мигрантов в Испании, [Dribe, Lundh 2011] для мигрантов в Швеции, [Huschek et al. 2012] для мигрантов турецкого происхождения в европейских странах).

Отметим, что в рамках анализа жизненного пути связь между двумя событиями всегда носит асимметричный характер: одно из событий рассматривается как условие для последующего наступления другого. Из четырех рассматриваемых здесь гипотез одна (гипотеза селективности) связывает миграцию с рождаемостью, имевшей место до события миграции, а три других – миграцию и последующую рождаемость. Определенность временной последовательности событий – обязательное требование анализа жизненного пути.

2. ПОКАЗАТЕЛИ И МОДЕЛИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МИГРАЦИИ И РОЖДАЕМОСТИ

В настоящем разделе речь пойдет о технике анализа данных при исследовании взаимосвязи миграции и рождаемости. В подразделе 1 рассматриваются проблемы с использованием стандартных коэффициентов рождаемости для мигрантских сообществ. В подразделе 2 представлен тип моделей, наиболее часто используемый для исследования рождаемости в контексте миграции – модели пропорциональных рисков. Наконец, в подразделе 3 представлены некоторые альтернативные способы моделирования взаимосвязи миграции и рождаемости.

В начале раздела необходимо сделать одно замечание общего характера. Изложенные в предыдущем разделе гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости в идеале предполагают сопоставление рождаемости мигрантов как с жителями

принимающей территории, так и с жителями той территории, откуда совершена миграция. Действительно, для полноценного подтверждения, например, гипотезы адаптации необходимо показать, что с годами проживания на принимающей территории рождаемость мигрантов «отдаляется» от рождаемости на территории, откуда они прибыли, и «приближается» к рождаемости их новых соседей. На практике, однако, так получается далеко не всегда. В особенности распространена ситуация, когда при изучении международной миграции исследователь располагает достаточно детальной информацией только о рождаемости мигрантов и коренных жителей принимающей территории, но не жителей страны, откуда совершена миграция. Это особенно часто имеет место при исследовании миграции в Европу из Африки и некоторых стран Ближнего Востока, где текущая демографическая статистика находится в неудовлетворительном состоянии. Поэтому часто удается сопоставить рождаемость мигрантов только с рождаемостью коренного населения страны, в которую они прибыли. О том, как в этих условиях осуществляется проверка гипотез, речь в основном и пойдет ниже. (В качестве значимых исключений назовем следующие работы по международной миграции, в которых производится сравнение рождаемости мигрантов и их соотечественников, оставшихся на родине: [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002] – о рождаемости мигрантов из разных стран Европы в Австралии, [Klimek 2017] – о рождаемости польских мигрантов в Ирландии, [Vogovos et al. 2008] – о рождаемости мигрантов из ряда балканских стран в Греции; в работах, исследующих внутрискановую миграцию, сопоставление рождаемости мигрантов и жителей территорий, откуда совершена миграция, встречается чаще, некоторые примеры см. в разделе 2.10).

2.1. Использование коэффициентов рождаемости при изучении взаимосвязи рождаемости и миграции

Самым простым способом сопоставления рождаемости у мигрантов и других категорий населения является сравнение у них показателей рождаемости, например, коэффициент суммарной рождаемости (КСР). Однако в действительности использование КСР для изучения взаимосвязи миграции и рождаемости весьма затруднено.

Наиболее детально проблематичность сравнения КСР для коренных жителей и мигрантов аргументируется в [Toulemon 2006]. Автор рассматривает рождаемость среди иммигрантов во Франции с 1945 по 1998 гг. и замечает два важных факта. Во-первых, рождаемость у мигрантов в это время имела тенденцию к заметному «скачку» в первые два-три года после въезда в страну, а после этого постепенно снижалась (выше мы видели подобное на примере ряда других стран). На рисунке 1 показано соотношение шансов¹ деторождения у мигрантов разных когорт въезда во Францию (с контролем на возраст). Во-вторых, этот «скачок» рождаемости в первые годы после въезда может иметь разные масштабы в зависимости от возраста, в котором женщина совершает миграцию. На рисунке 2 показаны разности возрастных коэффициентов рождаемости у мигранток, въехавших в страну в разных возрастах, и возрастных коэффициентов рождаемости коренных жительниц Франции. Видно, что у мигранток превышение рождаемости по сравнению с

¹ Определение понятия «соотношение шансов» см. в разделе 2.2.

коренным населением в первые годы миграции, как и на последующих этапах, может быть разным.

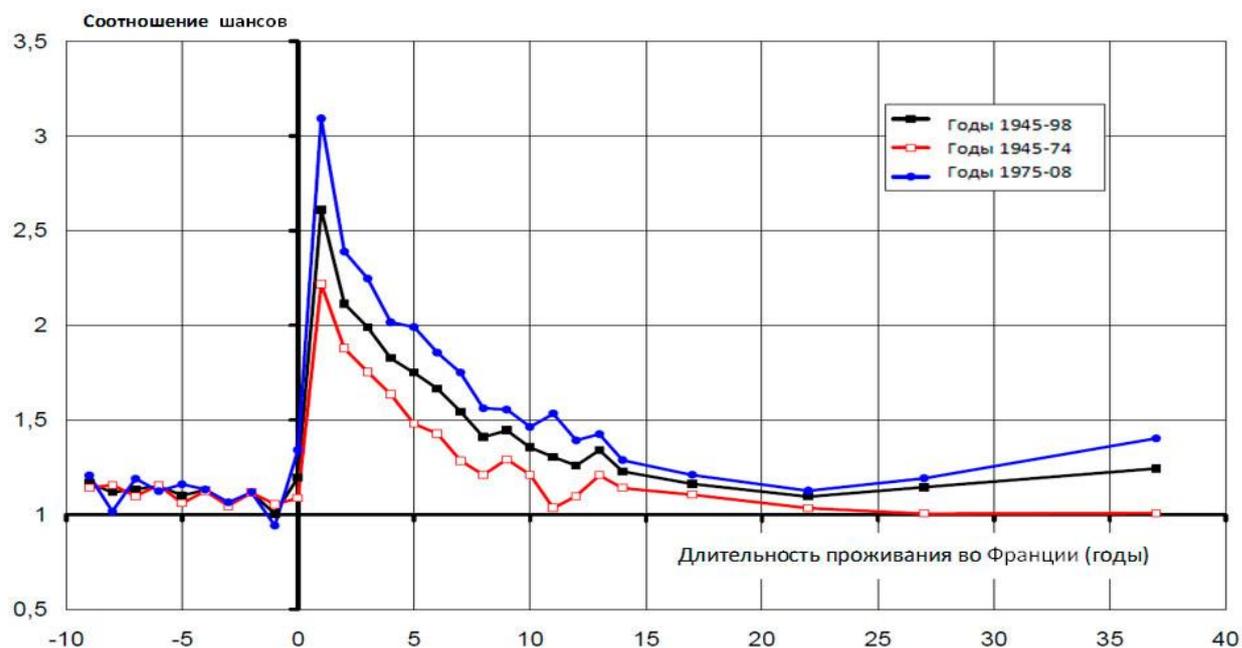

Рисунок 1. Влияние миграционного статуса женщины на общее количество детей у нее: соотношения рисков (odds ratio) в регрессии Пуассона у женщин разных лет въезда во Францию в зависимости от длительности проживания во Франции

Источник: [Toulemon 2006].

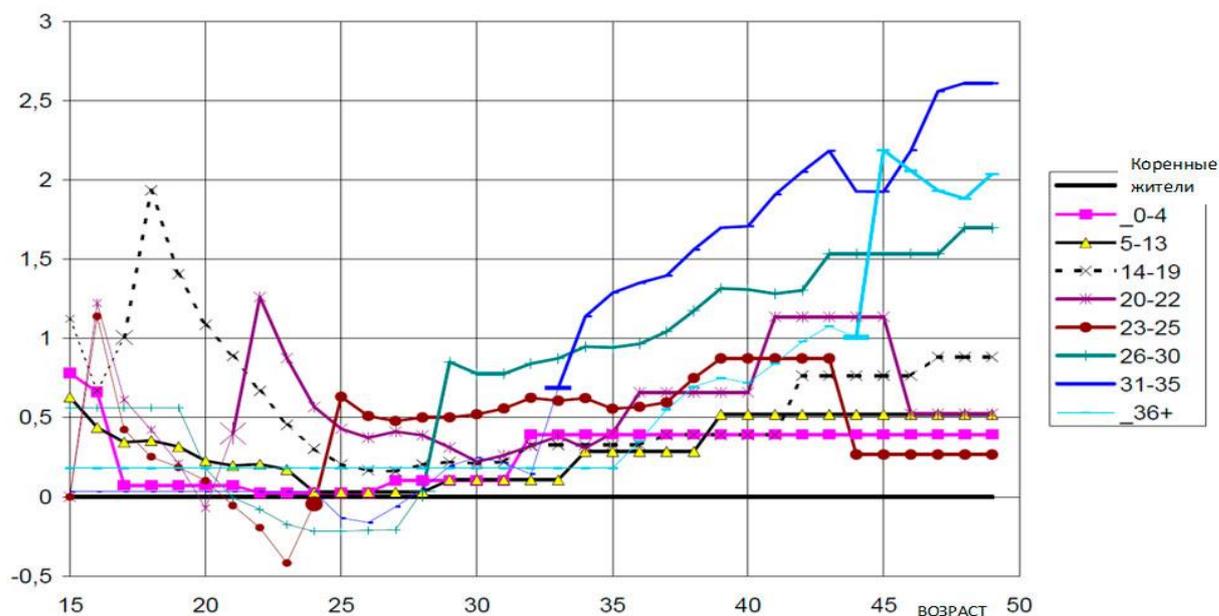

Рисунок 2. Разности возрастных коэффициентов рождаемости женщин, мигрировавших во Францию в разных возрастах, и коренных жительниц Франции, в среднем за 1975-1998 гг.

Источник: [Toulemon 2006].

На основе этих наблюдений Л. Тулемон [Toulemon 2006] делает вывод, что сравнение КСР коренных жительниц и мигранток может дать неверное представление о реальном соотношении их уровней рождаемости в принимающей стране. Действительно, поскольку коэффициент суммарной рождаемости – это сумма однолетних возрастных ее коэффициентов за соответствующий год, то значение этого коэффициента у мигранток может быть разным в зависимости от того, какова доля «новых» мигранток в той или иной возрастной группе, даже если все прочие величины, используемые при расчете КСР, останутся неизменными. Так происходит потому, что в разных возрастных группах различия по рождаемости в зависимости от давности въезда в страну, как показал Тулемон, могут быть неодинаковыми. Однако колебания КСР, вызванные исключительно изменениями долей «новых» мигранток в возрастных группах, не будут соответствовать реальным изменениям уровня рождаемости у присутствующих в стране женщин-мигранток.

В ряде исследований возрастные коэффициенты рождаемости для разных групп мигранток по возрасту въезда приводятся для периодов не только после, но и до миграции. Если есть только коэффициенты для возрастов, в которых мигрантки находились на принимающей территории, можно проверять гипотезы адаптации, социализации, разрыва. Если же имеются возрастные коэффициенты и для возрастов, в которых мигрантки еще не въехали в страну, то можно для каждого возраста въезда проверить и гипотезу селективности. На рисунке 3 приведены возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, въехавших в Испанию в разном возрасте, для 1987-2006 годов (средние коэффициенты для всех этих 20 лет, учитывающие миграцию из всех стран; [Devolder, Vueno 2012]). Видно, что у въезжающих в страну во взрослом возрасте не старше 32 лет в первые годы после въезда наблюдается кратковременный скачок рождаемости, что подтверждает гипотезу разрыва. У женщин, въехавших в возрасте 28 лет или старше, заметно снижение рождаемости в последние годы перед переездом, что подтверждает гипотезу селективности. Разная динамика рождаемости в зависимости от возраста въезда наблюдается и после достаточно длительного пребывания в Испании. Так, женщины, въехавшие в возрасте 23-27 лет, начиная с 35 лет мало отличаются по уровню рождаемости от уроженок Испании, а женщины, въехавшие в возрасте 28-32 года, в интервале 35-44 года превосходят коренных жительниц более чем в два раза. Этот контраст может быть объяснен эффектом адаптации, ожидаемо тем более полной, чем больше лет женщина провела в принимающей стране. На рисунке 3 можно увидеть и эффекты социализации: особенно ярко они проявляются у женщин, въехавших в страну в возрасте 18-22 лет, поскольку они заметно превосходят по рождаемости уроженок страны, даже после того, как прожили в Испании более 10 лет. Такое «переплетение» тенденций, соответствующих разным гипотезам, было бы невозможно увидеть, если бы возрастные коэффициенты рождаемости вычислялись для мигранток без различия времени въезда.

В ряде работ отмечаются и другие потенциальные проблемы для сопоставления рождаемости у мигранток и коренных жительниц через сравнение их КСР. Так, в статье [Roig Vila, Martín 2007], авторы, рассматривая рождаемость у мигранток в Испании, отмечают разницу в возрастных тенденциях рождаемости у коренных жительниц этой страны и у женщин, иммигрировавших в нее. В 2004 г. средний возраст матери при

рождении первого ребенка у коренных жительниц, перед этим длительное время повышавшийся, достиг 29,3 года, тогда как у выходцев из Африки, Латинской Америки, Азии он был на 2-3 года ниже и не имел тенденции к повышению по сравнению с предыдущими годами. Известный эффект уменьшения КСР в период повышения возраста старта материнства (fertility postponement; см., напр., [Sobotka, Lutz 2011]) мог искусственно увеличить разницу между коренным населением и мигрантами по этому показателю, делая сопоставление менее осмысленным.

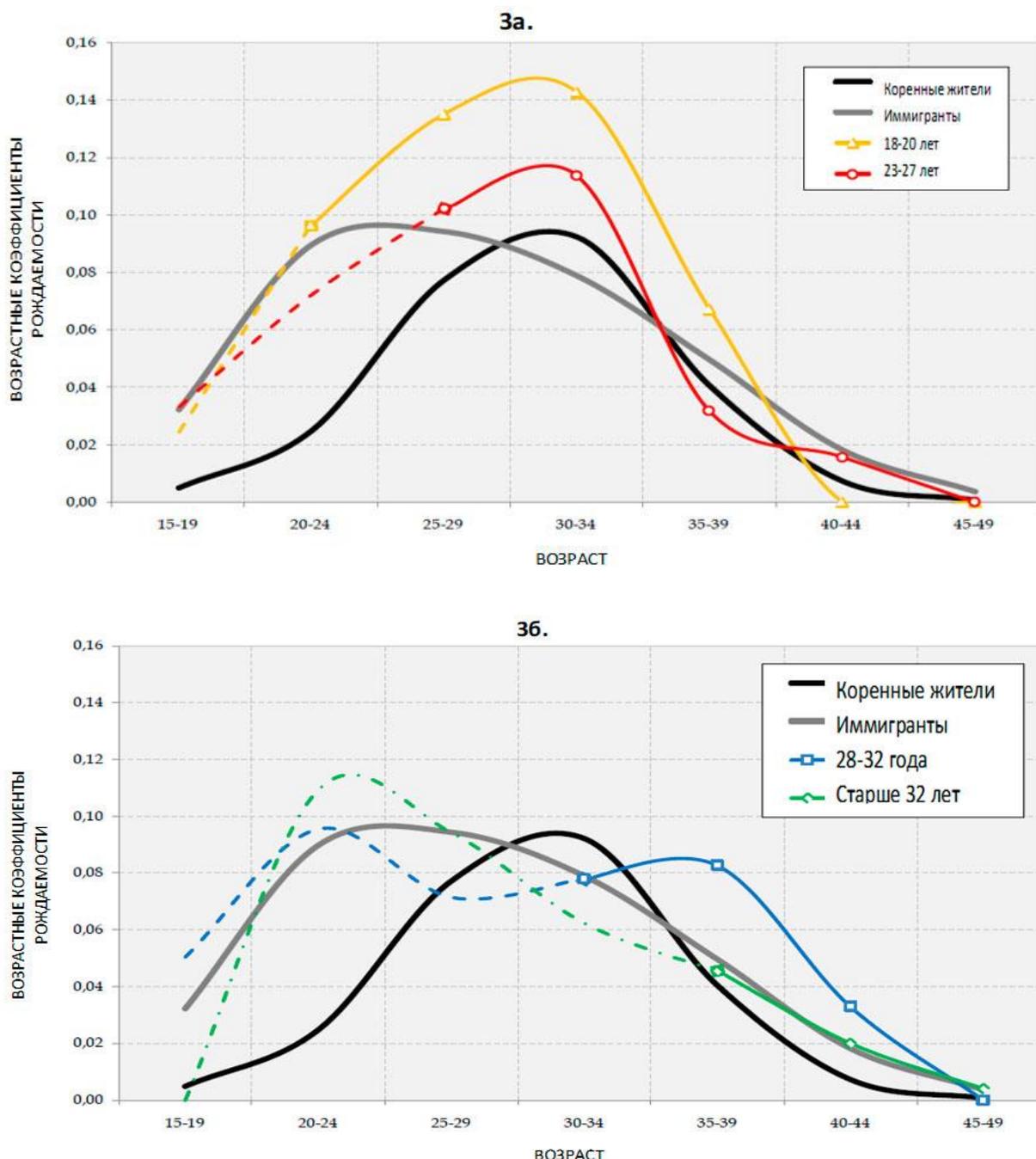

Рисунок 3. Средние возрастные коэффициенты рождаемости для коренных жительниц Испании и мигранток, 1987-2006 гг.

Источник: [Devolder, Bueno 2012].

В литературе имеется также ряд предложений по более «агрегированному» сопоставлению рождаемости мигрантов и коренных жителей, не требующему построения отдельных графиков для разных возрастов въезда. Одно из таких предложений содержится в уже упомянутой работе Л. Тулемона [Toulemon 2006]. Суть его в том, чтобы для мигранток, въехавших в страну в определенный год, отдельно для каждого возраста въезда определять (а) среднее число детей, рожденных до миграции (“before”; показатель для реальной миграционной когорты); (б) среднее число детей, рожденных в текущем году мигрантками, въехавшими в данном возрасте и в более старших возрастах (“after”; сумма периодных возрастных коэффициентов рождаемости для мигранток). Суммированием (а) и (б) получается число детей, ожидаемых к концу репродуктивного периода у мигранток, въехавших в страну в текущем году в определенном возрасте (это суммирование напоминает процедуру подсчета прогнозной итоговой рождаемости когорт, не закончивших репродуктивный период, методом Брасса – см. [Moultre et al. 2013]). Ожидаемое к концу репродуктивного периода число детей у мигранток, въехавших в страну в определенном возрасте, сопоставляется с соответствующим числом детей у коренных жительниц страны того же возраста. Последнее считается как сумма текущего когортного коэффициента рождаемости (before) и периодных коэффициентов более старших возрастов для исследуемого года (after). Такие прогнозные показатели для всего репродуктивного периода, очевидно, свободны от воздействия тех колебаний рождаемости, связанных с хронологическим расстоянием от события миграции, из-за которых затруднено использование КСР применительно к сообществам мигрантов. На рисунке 4 показано такое сопоставление для Франции за 1991-1998 гг.

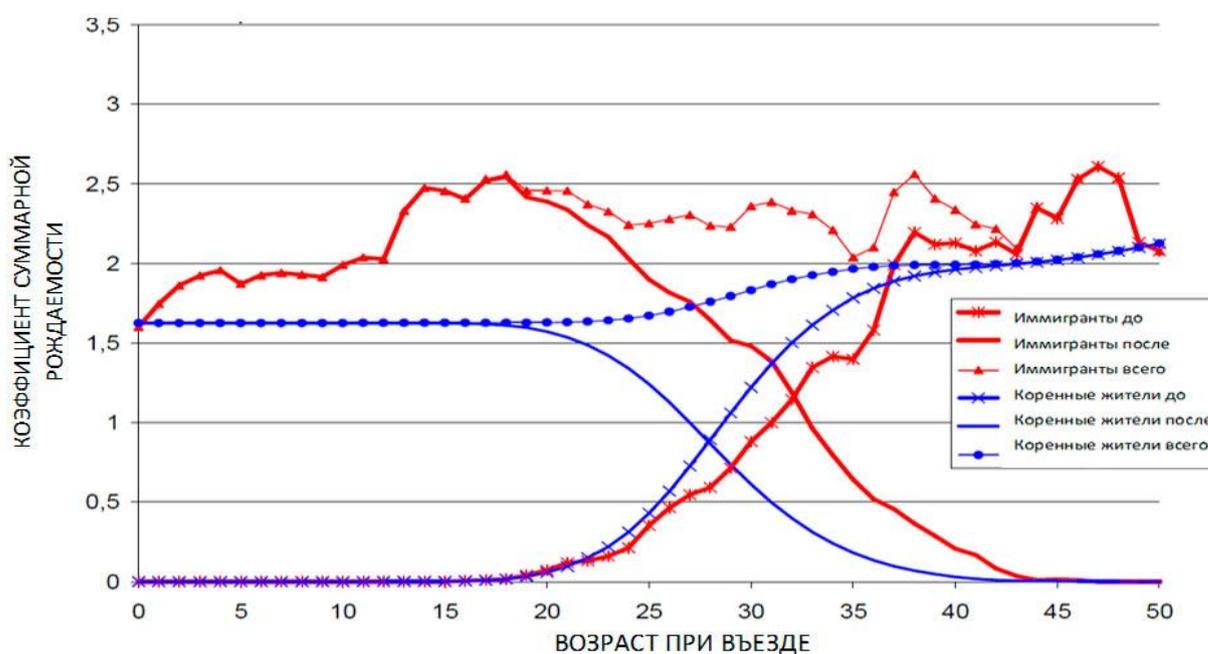

Рисунок 4. Накопленная рождаемость мигрантов до въезда во Францию и их прогнозируемая рождаемость после въезда в зависимости от возраста при въезде, в сопоставлении с накопленной и прогнозируемой рождаемостью коренных жителей тех же возрастов, 1991-1998 гг.

Источник: [Toulemon 2006].

В практике исследования рождаемости среди мигрантов такие показатели, однако, используются довольно редко. В разделе 3 мы увидим, что для сопоставления рождаемости среди мигрантов и немигрантов в той или иной стране, несмотря на все перечисленные проблемы, исследователи часто довольствуются обычным КСР для календарного периода. С учетом вышесказанного к таким сопоставлениям приходится относиться с осторожностью.

Кратко остановимся теперь на проблемах с использованием коэффициентов рождаемости реальных когорт при изучении репродуктивного поведения мигрантов. Эти проблемы, по-видимому, можно считать даже более серьезными, чем проблемы с использованием периодных коэффициентов. Действительно, предположим, что коэффициенты рождаемости для возрастных когорт, завершивших или завершающих свой репродуктивный период, отдельно вычисляются для женщин, мигрировавших из страны А в страну Б, и для женщин, родившихся и проведших весь репродуктивный период в стране А. Особенности миграционной истории каждой из женщин, мигрировавших из страны А в страну Б, в том числе возраст, в котором она совершила миграцию, при стандартном подсчете «итоговых» когортных коэффициентов рождаемости мигрантов, разумеется, не учитываются. Поэтому, если различия по этим коэффициентам между мигрантами и немигрантами обнаружены, по ним невозможно увидеть, что внесло основной «вклад» в эти различия: возникли ли они главным образом из-за постепенной адаптации к уровню рождаемости новой страны после переезда или из-за откладывания рождений в период до миграции, или из-за кратковременного «разрыва» детородной активности в начальные годы проживания в новой стране, или по совокупности каких-то из этих факторов. Иными словами, сопоставление когортной рождаемости само по себе не дает возможности оценить имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Даже если есть возможность вычислять не только «итоговые» когортные коэффициенты рождаемости, но и накопленную рождаемость когорт к разным возрастам, выявить влияние миграции на особенности рождаемости остается невозможным. На рисунке 5 показаны накопленные возрастные коэффициенты рождаемости по первому ребенку для разных возрастов коренных жительниц Греции 1950-1954-х и 1955-1959-х годов рождения и для женщин тех же годов рождения, мигрировавших в Грецию из Албании и Болгарии (на основе переписи населения Греции 2001 г.). На графиках легко увидеть значимые и весьма интересные различия: у мигранток из Болгарии, по сравнению с коренными жительницами Греции, выше уровень рождаемости первых детей в ранних возрастах, однако выше и доля женщин, оставшихся бездетными, а у мигранток из Албании, наоборот, рождаемость в ранних возрастах несколько ниже, чем у коренных жительниц Греции, но ниже и доля женщин, оставшихся бездетными к 45 годам. К сожалению, эти данные снова не позволяют ответить на вопрос о том, образовались ли такие различия в основном за счет домиграционного репродуктивного поведения женщин, прибывших из Албании и Болгарии, или же они поддерживались и после миграции. Единственный вариант, который авторам удастся исключить, - это возникновение различий в основном за счет постмиграционного репродуктивного поведения: оказалось, что похожие контрасты с коренными жительницами Греции по рождаемости первых детей демонстрируют и жительницы Албании и Болгарии указанных когорт, не мигрировавшие из своих стран.

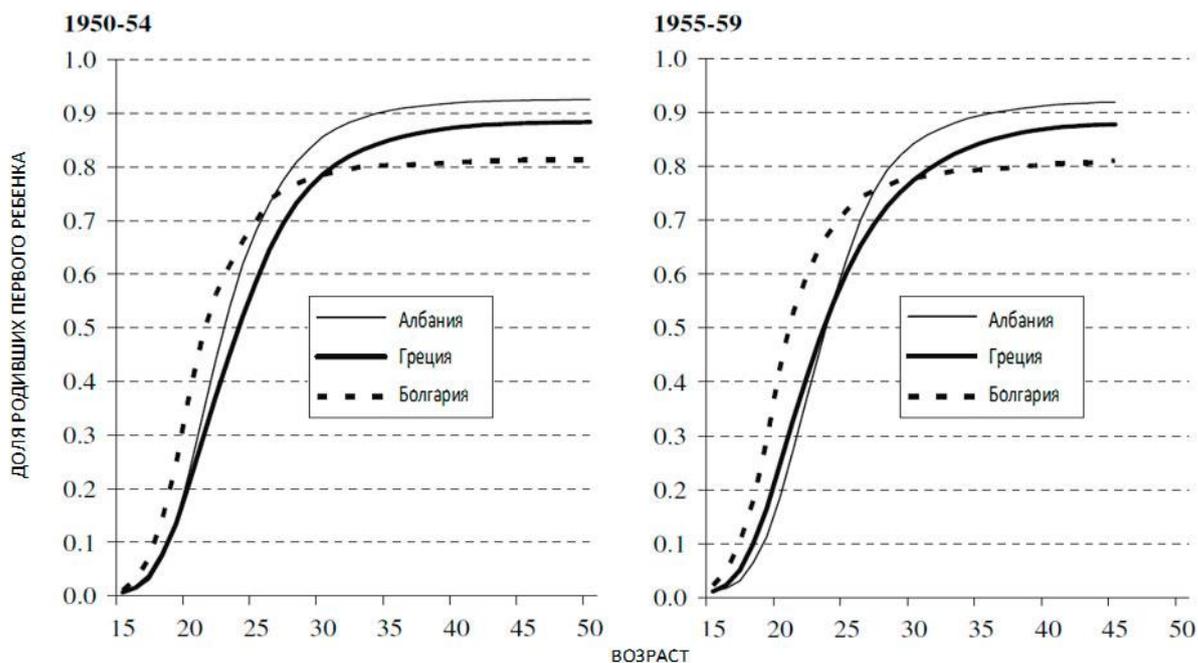

Рисунок 5. Кумулятивная рождаемость по первым детям (число первых детей на одну женщину к данному возрасту) для коренных жительниц Греции и женщин, мигрировавших из Албании и Болгарии, 1950-1954 и 1955-1959 годов рождения

Источник: [Bogovos et al. 2008].

Вместе с тем при использовании данных переписей, если в них не указаны возраст совершения миграции и возраста рождения всех детей, сопоставление «итоговых» когортных показателей мигрантов и коренных жителей часто является единственной возможностью. В этом случае определенный свет на взаимосвязь миграции и рождаемости может пролить анализ различных социальных параметров женщин-мигрантов и женщин, оставшихся в родной стране. Например, в указанной работе по миграции в Грецию [Bogovos et al. 2008] авторы обнаруживают, что у когорт 1950-1960-х годов рождения, мигрировавших в Грецию из Албании, уровень образования был в целом заметно выше, чем у когорт их соотечественниц, оставшихся на родине. У женщин тех же возрастных когорт, родившихся в Болгарии, соотношение обратное: у тех из них, кто мигрировал в Грецию, уровень образования в среднем ниже, чем у тех, кто остался дома. Параллельно с этими контрастами отличие «вниз» по накопленной рождаемости (по детям всех порядков рождения) у мигранток из Албании в Грецию, по сравнению с женщинами, оставшимися в Албании, в этих когортах было значительно более заметным, чем у мигранток из Болгарии в Грецию, по сравнению с женщинами, оставшимися в Болгарии (рисунок 6). Это позволило авторам говорить об эффекте селективности при миграции из Албании (но не из Болгарии): переезд из Албании в Грецию, по-видимому, совершался в основном женщинами, ориентированными на образование и карьеру и не рассматривавшими деторождение в качестве основного приоритета.

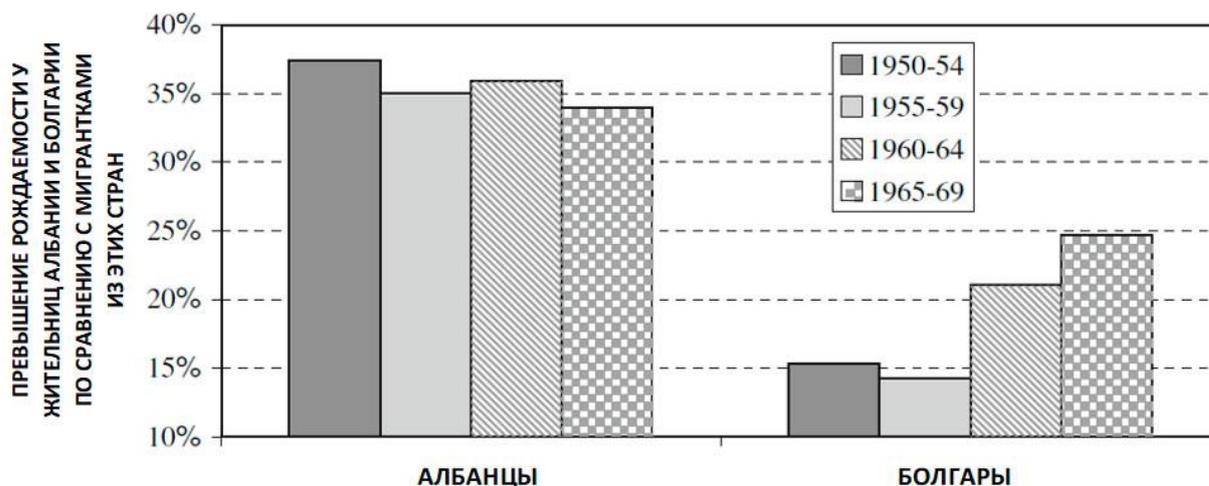

Рисунок 6. Превышение коэффициентов рождаемости у жительниц Албании и Болгарии по сравнению с мигрантками из этих стран в Греции, когорты 1950-54 – 1965-69 годов рождения, в %

Источник: [Bogovos et al. 2008].

Возможность в отдельных случаях получать подобные достаточно интересные результаты не снимает описанных выше проблем с использованием когортных показателей при изучении рождаемости среди мигрантов. Отметим, однако, что указанные проблемы с использованием когортных коэффициентов, разумеется, не возникают, когда сопоставляется рождаемость коренных жителей принимающей территории и живущих на ней мигрантов во втором поколении (см. «когортный» анализ рождаемости мексиканских мигрантов второго и третьего поколения в США в [Parrado, Morgan 2008] и рождаемости потомков русских мигрантов в Эстонии в [Puur et al. 2017])².

2.2. Исследования, основанные на моделях пропорциональных рисков

У женщин, совершивших миграцию во время репродуктивного периода, этот период, с точки зрения миграционного статуса, распадается минимум на две части – до и после миграции (а если женщина мигрировала в этот период более одного раза, то, соответственно, на три части или более). В силу этого при моделировании взаимосвязи рождаемости и миграции недопустимым упрощением было бы приписывать каждой женщине в выборке одно из значений бинарного признака «мигрант»/«немигрант». Очевидно, что в этом случае не удалось бы разграничить репродуктивное поведение женщины до и после миграции.

Модели, позволяющие наиболее полно отразить влияние изменений миграционного статуса женщины на ее репродуктивное поведение, – это так называемые модели пропорциональных рисков (proportional hazard models). В настоящем обзоре мы даем лишь

²Такие проблемы не возникают и в исследованиях рождаемости реальных когорт, в которых учитывается время совершения миграции. Обычно такие исследования основаны на данных выборочных опросов населения. Примером может служить «когортное» исследование взаимосвязи рождаемости и внутренней миграции среди жителей РФ по данным выборочных обследований РиДМиЖ и ОиЗ [Захаров, Сурков 2009].

самую краткую характеристику математического устройства этих моделей, ограничиваясь теми их свойствами, которые необходимы для понимания причин использования этих моделей в исследованиях рождаемости мигрантов. Для более подробного описания моделей пропорциональных рисков, ориентированного в первую очередь на их применение в демографических исследованиях, мы отсылаем читателя прежде всего к электронному ресурсу Generalized Linear Statistical Models (гл.7)³; из русскоязычных работ рекомендуем [Бурдяк 2007].

Определим сначала понятие риска. В его основе лежит так называемая функция дожития (survival function). Она определяется для разных точек во времени t , в которые может наступить некоторое событие. Момент наступления события обозначим как T . Пусть $f(t)$ – это функция, показывающая вероятность того, что событие произойдет именно во время t , а $F(t)$ – это функция, показывающая вероятность того, что некоторое событие наступит до момента t , т.е. $F(t) = Pr\{T < t\}$. Функция дожития $S(t)$ определяет вероятность противоположного положения дел, т.е. того, что событие не наступит раньше, чем момент t^4 :

$$S(t) = Pr\{T \geq t\} = 1 - F(t). \quad (1)$$

С помощью функции дожития может быть определена и функция риска (hazard function) $\lambda(t)$. Она равна соотношению вероятности того, что событие произойдет именно во время t , к функции дожития $S(t)$:

$$\lambda(t) = f(t)/S(t). \quad (2)$$

Функции риска, используемые в конкретных моделях, различаются по тому, являются ли отрезки времени t , на которых определяются функция дожития и функция риска, бесконечно малыми или дискретными (равными, например, году, месяцу и т.д.). Если длина отрезка t стремится к нулю, то функцию риска можно также определить следующим образом:

$$\lambda(t) = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} Pr\{t \leq T < t + \Delta t \mid T \geq t\} / \Delta t. \quad (3)$$

Если же временные отрезки являются дискретными, то часто на основе функции риска вычисляются так называемые шансы (odds), представляющее собой отношение вероятности наступления события во время t к риску его ненаступления в это же время при условии, что ранее оно не наступило: $p(t)/(1-p(t))$. Это соотношение (точнее, его логарифм) является зависимой переменной в логистических регрессиях. Преимущества его использования в моделях пропорциональных рисков при дискретных временных отрезках такие же, как преимущества его использования в логистических регрессиях (о последних см., напр., [Сток, Уотсон 2015: 399-424]).

³ URL: <http://www.data.princeton.edu/wws509> (дата обращения: 12.07.2017)

⁴ Название «функция дожития» связано с тем, что первоначально эта функция использовалась в демографии для исследования вероятности наступления смерти; в настоящее время, однако, несмотря на сохранение такого названия, функция используется для моделирования самых разных демографических событий, включая деторождение, вступление в брак, развод, совершение миграции и др.

В моделях пропорциональных рисков, используемых для исследования взаимосвязи рождаемости и миграции, зависимым параметром является, как правило, риск (или шанс – синоним, который представляется более уместным, когда речь идет о деторождении) деторождения у женщины на каком-либо временном отрезке. Независимые параметры – различные характеристики данной женщины, определяемые либо независимо от отрезка времени (например, национальность, год рождения, число родных братьев/сестер, является ли она уроженкой города или села и др.), либо отдельно для каждого отрезка времени (например, возраст, количество имеющихся детей, брачный статус, является ли женщина мигранткой на данном временном отрезке, сколько лет прошло после миграции или сколько лет осталось до миграции и т.д.). Очевидно, что временной период, исследуемый в такой модели, может быть разным по длине для каждой женщины: он зависит от ее возраста на момент исследования и от того, в каком возрасте у нее наступило событие, риск которого исследуется в модели. Например, если исследуется шанс рождения первого ребенка, то период времени, для которого этот шанс будет определяться для конкретной женщины, – это время между началом ее репродуктивного периода и рождением первого ребенка (если таковое произошло до времени исследования) или временем исследования (если первый ребенок до него не родился).

В наиболее общем виде модель рисков можно представить следующим образом:

$$\ln(\lambda(t)_i) = y(t) + \sum_l \alpha_l x_{il} + \sum_m \beta_m w_{im}(t) \quad (4)$$

где $\lambda(t)_i$ – шанс деторождения определенного порядка у женщины i на временном отрезке t при условии, что до отрезка t деторождения данного порядка у нее не было; $y(t)$ – функция от времени, значение которой не связано ни с какими другими независимыми параметрами (шкала времени строится отдельно для каждой женщины; ее нулевой точкой является либо начало наблюдений, либо переход женщины в состояние, когда у нее может наступить исследуемое событие, например, возможность родить второго ребенка наступает через определенный период после рождения первого); x_{il} – независимые параметры, характеризующие женщину i , не изменяемые во времени, $w_{im}(t)$ – значения для времени t характеристик женщины i , изменяющихся во времени, α и β – наборы линейных коэффициентов при независимых параметрах. Важное допущение модели состоит в том, что любой независимый параметр оказывает одинаковое влияние на шанс деторождения во все временные промежутки (что выражается тождеством коэффициента для заданного параметра во все моменты времени).

Если в модели вместо рисков в качестве зависимых параметров выступают шансы, то уравнение модели отличается от (4) только левой частью:

$$\ln(\lambda(t)_i / (1 - \lambda(t)_i)) = y(t) + \sum_l \alpha_l x_{il} + \sum_m \beta_m w_{im}(t). \quad (5)$$

Модель, представленная в (5), вообще говоря, не задает ограничений на длину временных промежутков, для которых она строится. Однако на практике эта длина не должна быть слишком большой. Абсолютное большинство исследований рождаемости, использующих модель (5), строят ее с месячным шагом. Нам неизвестны исследования, в которых удалось бы получить содержательные результаты при годовом шаге такой модели. А это значит, что построение моделей рисков требует весьма детальных данных о

жизненной истории включенных в выборку женщин с помесечной локализацией основных событий.

В большинстве исследований, использующих модель пропорциональных рисков для изучения взаимосвязи миграции и рождаемости, для презентации результатов моделирования используются так называемые соотношения рисков (*risk ratios*) или соотношения шансов (*odds ratios*). Эти соотношения отдельно определяются для каждого независимого параметра, включенного в правую часть уравнения (4) или (5). Например, если исследуется влияние на шансы деторождения во время t уровня образования женщины в это время, в презентации модели чаще всего будут содержаться не линейные коэффициенты, стоящие при дихотомических переменных «имеет начальное образование», «закончила среднюю школу», «закончила университет» и др., а соотношения этих коэффициентов, в которых один из них принимается за единицу.

Основной способ проверки гипотез социализации и адаптации в рамках таких моделей – это сопоставление шансов деторождения (а) у мигрантов на временных отрезках, более поздних, чем событие миграции, (б) у жителей, постоянно проживающих на принимающей территории, (в) у жителей, постоянно проживающих на территории, откуда была совершена миграция. Если риски (а) и (б) близки, а риск (в) от них значимо отличается, есть основания говорить о подтверждении гипотезы адаптации. Если, наоборот, риски (а) и (в) близки и значимо отличаются от рисков (б), это можно рассматривать как подтверждение гипотезы социализации. При этом, разумеется, в модели можно различать направления миграции. Так, в [Kulu 2005] на примере внутренней миграции в Эстонии женщин, родившихся с 1944 по 1973 г., показано, что у женщин, мигрировавших из сел в крупные города, шанс рождения (точнее, в построенной в указанной работе модели – зачатия) первого ребенка на временных промежутках после миграции ниже, чем у женщин, постоянно проживающих на селе, и статистически близок тому же шансу у женщин, постоянно проживающих в крупных городах. Это может рассматриваться как свидетельство эффекта адаптации. В этом же исследовании показано, что у женщин, совершивших миграцию в сельскую местность, шанс зачатия первого ребенка на временных отрезках после миграции выше, чем у жительниц сельской местности, миграции не совершивших. Если объяснить такое соотношение шансов тем, что миграция в сельскую местность предполагает наличие у женщины планов создания «большой семьи», то можно говорить о подтверждении гипотезы селективности (заметим, что похожие эффекты наблюдаются и в других странах: так, в [Захаров, Сурков 2009] отмечается повышенная рождаемость российских женщин 1930-х – 1960-х годов рождения, мигрировавших из города в село).

Важным тестом для любых гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости является введение в модели рисков различных параметров, не имеющих отношения к миграционному статусу женщины. Если различия рисков при разных миграционных статусах после этого сохраняют значимость, это становится важным подтверждением соответствующей гипотезы о влиянии миграции на рождаемость. В уже упомянутой статье Х. Кулу [Kulu 2005] показано, что после введения в модель таких параметров, как брачный статус женщины, уровень ее образования, наличие работы, количество братьев и сестер и др., различие рисков у мигрантов и не мигрантов в сельской местности теряет значимость,

а различие по рискам между сельскими жителями и мигрантами в городах сохраняется. Тем самым гипотеза адаптации для мигрировавших в города проходит дополнительную проверку, а гипотеза селективности для мигрантов в сельскую местность, согласно Кулу, – нет. В статье [Kulu, Hannemann 2016] аналогичной проверке подвергается гипотеза социализации для случая международной миграции в Великобританию. Для женщин, мигрировавших в Великобританию из Пакистана и Бангладеш, шансы рождения детей разных порядков на временных отрезках, проведенных в Великобритании, оказываются выше, чем для мигрантов из других стран. При введении в модель таких дополнительных независимых параметров, как исполнение женщиной основных обрядов, требуемых ее религией, количество у нее родных братьев и сестер, пол предыдущих детей (для порядков рождения, начиная со второго), место жительства в Великобритании, брачный статус на момент опроса и др., разница шансов деторождения в зависимости от страны происхождения остается значимой, что «укрепляет» гипотезу социализации.

Что касается проверки в моделях рисков гипотезы разрыва, то она возможна путем введения в модель параметра «число месяцев (или лет) после миграции». Например, упомянутое исследование по Эстонии показало, что у женщин, мигрировавших в крупные города, шансы деторождения тем ниже, чем меньше времени прошло от момента миграции, что подтверждает гипотезу разрыва.

Возможна в таких моделях и проверка гипотезы селективности. Один из способов ее проверки предлагается в [Lindstrom 2003], где для мигрантов из сел в города в Гватемале отдельно определяются шансы деторождения на временных отрезках до и после миграции (т.е. значение переменной миграционного статуса для таких мигрантов на отрезках, предшествующих событию миграции, – «мигрант из села в город до миграции», а на последующих отрезках – «мигрант из села в город после миграции»). Оказывается, что шансы деторождения у будущих мигрантов на момент их проживания в селе ниже, чем у жителей села, не мигрировавших в город, что подтверждает гипотезу селективности. Другой способ проверки гипотезы селективности предлагается в [White et al. 1995], где исследуется внутренняя миграция в Перу. Там предлагается строить модели, где зависимой переменной является шанс не деторождения, а миграции. Если оказывается, что имеющееся у женщины до миграции число детей значимо для риска миграции, это можно рассматривать как подтверждение гипотезы селективности.

Модель пропорциональных рисков позволяет также отследить разное влияние миграции на рождаемость в зависимости от цели миграции. Например, можно отделить влияние на рождаемость миграции, совершенной для вступления в брак, и миграции, совершенной семьей, уже имеющей детей. Варианты моделей, отличающих «брачную» и другие типы миграции, предлагаются, например, в [Hoem, Nedoluzhko 2008], где показана возможность исследовать в рамках модели рисков «треугольник» событий, включающий миграцию женщины, ее вступление в брак и деторождение. Моделируя шансы рождения ребенка, в качестве отдельных независимых параметров в модель пропорциональных рисков авторы предлагают ввести время, прошедшее с момента миграции, и время, прошедшее с момента вступления в брак. Это позволяет просто "развести" эффекты "расстояния" от этих двух событий до первой рождаемости. Также предлагается отдельно рассматривать влияние на деторождение трех видов миграции (рассматривая их в моделях

как три разных события): миграция до вступления в брак; миграция, одновременная со вступлением в брак; миграция после вступления в брак. Тем самым возможно проверить гипотезу о том, что влияние миграции на рождаемость может быть разным в зависимости от временного соотношения миграции и вступления в брак. При разных временных соотношениях можно отдельно проверять основные гипотезы о влиянии миграции на рождаемость.

Отметим, что попытки «отделить» брачную миграцию от других типов миграции в моделях рисков делались и ранее. В [Mulder, Wagner 1993] предлагается оригинальный метод исследования взаимосвязи миграции и брачно-репродуктивного поведения. В статье этот метод применяется для исследования взаимосвязи миграции и вступления в брак, но он точно так же может быть применен для изучения взаимосвязи миграции и деторождения. Авторы предлагают отдельно рассматривать шансы вступления в брак на том же самом временном отрезке, на котором совершена миграция, и шансы вступления в брак в другое время. Очевидно, что для этого требуется создание модели пропорциональных рисков с риском миграции, определенном на достаточно малых дискретных временных отрезках (например, на отрезках длиной в один месяц). Строя такую модель для миграции и брачного поведения жителей Германии 1939-1941 годов рождения (данные для модели основаны на социологическом исследовании German Life Histories Survey), авторы вводят тройственную характеристику каждого временного отрезка по брачному статусу респондента: «не имеет семьи», «имеет семью на начало данного отрезка», «создал семью на данном отрезке». Одновременно строится более «стандартная» модель, при которой параметр брачного статуса имеет всего два значения на каждом отрезке: «не имеет семьи», «имеет семью». Оказалось, что в модели с тремя значениями этого параметра наиболее высоки риски миграции именно на тех временных отрезках, на которых заключается брак. При этом значимость для рисков миграции возраста и расстояния переезда (рассматривалась только миграция внутри Германии) в модели с «тройственным» параметром брачного статуса была значительно меньше, чем в модели, где этот параметр имеет всего два значения. Очевидно, что при исследовании других сообществ мигрантов соотношения значимости в моделях может быть другим.

2.3. Другие методы моделирования, используемые для изучения рождаемости среди мигрантов

Для построения моделей пропорциональных рисков требуется весьма детальная информация о жизненном пути каждой женщины, включенной в выборку: необходимо знать не только ее возраст, число у нее детей и миграционный статус, но и достаточно точное (как правило, в пределах месяца) время основных событий ее «жизненной истории», включая вступление в брак, деторождения, переезды. Сегодня многие количественные полевые исследования рождаемости среди мигрантов нацелены на получение именно такой информации. Однако по объективным причинам получить надежную «хронологию» жизненных событий удается не всегда. В этом случае для выявления взаимосвязи миграции и рождаемости требуются модели иных типов, способные «работать» с более ограниченной информацией. Возможности таких моделей существенно скромнее из-за того, что они анализируют более «грубое» изображение реальности. Поэтому закономерно, что

моделирование рождаемости у мигрантов, не использующее модели рисков, находится сейчас за пределами научного «мейнстрима». Однако знание о таких моделях необходимо, потому что при качестве данных, не позволяющем строить модели рисков, актуальным становится вопрос об альтернативных способах моделирования.

Ниже рассмотрен ряд работ, в которых предлагаются модели рождаемости у мигрантов, не требующие детальной временной локализации жизненных событий. Начинается рассмотрение с работ, в которых явным образом предлагаются пути проверки четырех гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости.

В [Hervitz 1985] предлагается достаточно простая количественная оценка того, какая из имеющихся гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости верна для того или иного конкретного мигрантского сообщества. Эта количественная оценка является отношением разности уровня рождаемости (среднего числа детей на одну женщину) на территории, откуда идет миграция, и уровня рождаемости в данном мигрантском сообществе к разности рождаемости на территории, откуда идет миграция, и на территории, куда она идет (такое отношение автор называет *H*-статистика):

$$H = (F_1 - F_m) / (F_1 - F_2), \quad (6)$$

где F_1 – рождаемость на территории, откуда идет миграция, F_2 – рождаемость на территории, куда идет миграция, F_m – рождаемость в мигрантском сообществе. Данный показатель может вычисляться отдельно для разных миграционных когорт в одно и то же время в одном и том же сообществе мигрантов. Очевидно, что разные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости формируют разные ожидания относительно величины *H*-статистик для разных миграционных когорт. Если верна *гипотеза адаптации*, то *H*-статистика для недавних мигрантов должна быть близка к нулю, а при переходе к более старшим миграционным когортам она должна возрастать, постепенно приближаясь к единице (это связано с тем, что гипотеза адаптации предполагает постепенное приближение к уровню рождаемости на принимающей территории). Если верна *гипотеза селективности*, то *H*-статистика должна быть близкой к единице для мигрантов вне зависимости от того, как долго они проживают на принимающей территории, поскольку эта гипотеза утверждает "селекцию" для переезда на новую территорию тех, кто еще до переезда воспринял действующие на ней нормы репродуктивного поведения. *Гипотеза разрыва* заставляет ожидать разные значения *H*-статистики для недавних мигрантов и для других миграционных когорт. Наконец, *гипотеза социализации* предполагает значение *H*-статистики, близкое к нулю, независимо от давности миграции, поскольку эта гипотеза предсказывает малое различие между рождаемостью в мигрантском сообществе и на территории, откуда совершена миграция.

Вычисляя *H*-статистики и тем самым оценивая имеющиеся гипотезы для разных групп внутренних мигрантов в Бразилии, автор показывает, что их значение может быть разным даже для одного и того же направления миграции (например, из города в село) и одной и той же давности миграции. Различия могут определяться образованием мигрантов, а также социокультурными характеристиками территорий, откуда и куда идет миграция (автор предлагает, например, в контексте Бразилии различать "модернизированные" и "традиционные" города; для каждого типа города значение *H*-статистики может быть

своим). Основной содержательный результат, который автор получает с помощью метода Н-статистик, состоит именно в том, что в одной и той же стране разные группы внутренних мигрантов могут различаться по тому, как меняется у них рождаемость после миграции и, следовательно, какую из имеющихся гипотез подтверждает их репродуктивное поведение.

В ряде работ предлагается проверка гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости в рамках моделей с линейной регрессией или регрессией Пуассона, где зависимый параметр – число детей, рожденных в определенный период, а среди независимых параметров есть те, которые, с учетом имеющихся данных, отражают «жизненную историю» женщины. Пример такой модели содержится в [Lee, Farber 1984]. Для того, чтобы построить модель предложенного в этой статье типа, нет необходимости знать время миграции женщины и рождения ею детей с точностью до месяца, как это обычно требуется в моделях рисков. Достаточно иметь данные, которые позволяют определить общее число детей у женщины на момент исследования и в определенные годы до исследования, а также знать пятилетний период, на который приходится совершенная женщиной миграция. Очевидно, что данные такого рода во многих случаях получить легче, чем хронологию деторождений и переездов с месячной точностью.

Кратко опишем устройство модели, а затем проиллюстрируем, как модель позволяет оценить разные гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Модель представляет собой линейную регрессию с числом детей, рожденных женщиной в определенный пятилетний период, в качестве зависимого параметра. В совокупность включаются не только женщины, совершившие миграцию, но и, как контрольная группа, женщины, оставшиеся проживать на территории, откуда была совершена изучаемая миграция. Для формирования контрольной группы принципиальное значение имеет то, что из женщин-мигранток в совокупность включаются только вышедшие замуж до миграции и оставшиеся замужем на момент исследования. Это ограничение задает минимальный срок нахождения замужем для каждой миграционной когорты, включаемой в исследование. Например, изучая рождаемость у женщин, мигрировавших из села в город в Южной Корее, по данным исследования, проведенного в 1974 г., из женщин-мигранток авторы включают в рассмотрение только тех, кто был замужем как минимум с года миграции до 1974 г. Для женщин, совершивших переезд из села в город в 1964 г., это означает минимальный срок нахождения замужем в течение десяти лет. В качестве контрольной группы для женщин этого года миграции признаются женщины, родившиеся на селе, прожившие там без миграции в города до 1974 г. и также пробывшие к 1974 г. замужем минимум десять лет.

На практике в предложенной модели похожим способом строятся контрольные группы не для однолетних, а для пятилетних миграционных когорт. Также контрольные группы могут быть разными для разного периода деторождения одной и той же миграционной когорты. Дело в том, что для каждой пятилетней миграционной когорты уравнения общего числа детей строятся отдельно для разных пятилетних периодов. Например, для женщин, мигрировавших из села в город в Южной Корее в 1960-1964 гг., строятся уравнения для числа детей, родившихся у них в 1950-1954 и 1955-1959 гг. (домиграционные пятилетки), в 1960-1964 гг. (миграционная пятилетка), а также в 1965-

1969 и 1970-1974 гг. (послемиграционные пятилетки). Для каждого из этих уравнений в совокупность включаются также женщины, не мигрировавшие из села, если они были замужем с начала соответствующей пятилетки и до момента исследования.

Ключевая идея состоит в том, чтобы с помощью уравнения обнаружить для каждого пятилетнего периода каждой миграционной когорты влияние на число детей, рожденных в этот период, параметра миграции, который имеет значение «1», если женщина в какой-то момент жизни совершила миграцию, и значение «0» если не совершала. При этом, поскольку уравнения строятся отдельно для каждой миграционной когорты и отдельно для каждой ее «пятилетки» относительно миграции, с помощью уравнений можно зафиксировать повышающее или понижающее влияние миграции на число детей, рожденных как в периоды после нее, так и в периоды до нее. Именно коэффициенты при параметре миграции позволяют проверять имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости. В качестве примера рассмотрим коэффициенты при этом параметре для женщин, мигрировавших в Южной Корее из села в город в 1960-1964 гг. (таблица 1). Коэффициенты показывают, на сколько больше или меньше детей родилось у женщин данной миграционной когорты в ту или иную пятилетку по сравнению с женщинами из контрольной группы не мигранток (необходимо оговорить, что в уравнения, наряду с параметром миграции, включается большое количество других параметров, ожидаемо влияющих на рождаемость; это, в частности, возраст, число детей, родившихся в предыдущий пятилетний период, образование мужа и жены, уровень доходов мужа и жены и др.; контроль по этим параметрам позволяет отделить влияние на рождаемость миграции от влияния на нее других характеристик женщины и ее семьи).

Таблица 1. Влияние миграции на рождаемость в пятилетние периоды у женщин, совершивших миграцию из села в город в Южной Корее в 1960-1964 гг.: коэффициенты при дихотомическом параметре миграции в линейном уравнении, где зависимый параметр – число детей, родившихся за пятилетний период

Период	1950-54	1955-59	1960-64	1965-69	1970-74
Коэффициент	-0,06	0,10	-0,04	-0,47*	-0,35*

Примечание: $p < 0,1$

Источник: Расчеты на основе данных Korean World Fertility Survey 1974 [Lee, Farber 1984].

Легко видеть, что у этой миграционной когорты факт миграции не оказывает значимого влияния на рождаемость в пятилетки до миграции. Это показывает, что гипотеза селективности для данной миграционной когорты не подтверждается: значимых отличий от женщин, не совершивших миграцию, в домиграционный период нет. Нет этих отличий и в пятилетку, в которую данная когорта непосредственно совершала переезд в города (1960-1964 гг.). Это опровергает уже гипотезу разрыва для данной когорты. Зато значимые отличия от женщин, оставшихся в сельской местности, появляются в послемиграционные пятилетки. Это авторы рассматривают как подтверждение гипотезы адаптации. Отметим, что в указанной статье рассматриваются разные миграционные когорты, и для них результаты моделирования оказываются разными. В частности, для женщин, переехавших в города в 1970-1974 гг., значимо меньшей оказалась рождаемость в последние пять лет перед миграцией. Это позволяет говорить о подтверждении гипотезы селективности.

Представленная модель – пример того, как гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости могут быть оценены в условиях, когда информация о репродуктивной истории женщины менее подробна, чем требуется для моделей рисков (похожие модели, но уже для мигрантов в нескольких странах, строятся в [Lee, Pol 1993]). Проблемой при использовании данного типа моделей является то, что результаты моделирования существенным образом зависят от состава контрольной группы. В рассмотренной статье, как мы видели, при формировании контрольной группы принципиальное значение имеет длительность пребывания в браке. Однако такой принцип осмыслен, только если, как в этой статье, исследуется исключительно миграция замужних женщин. Если же расширить исследуемую совокупность, включив в нее женщин, вышедших замуж после миграции, то контрольную группу придется формировать иначе и принципы ее формирования потребуют отдельного обоснования.

В ряде исследований гипотеза селективности проверяется через изучение зависимости между миграцией женщины и числом у нее детей до миграции. В [Brockhoff, Eu 1993] исследуется взаимосвязь между миграцией женщин из сельской местности в города в различных странах Африки и числом детей у женщины до миграции. В исследовании используются данные медико-демографических опросов населения (*Demographic and Health Surveys*) в этих странах. Основным результатом состоит в том, что наличие у женщины двух и более детей во всех обследованных африканских странах связано с более низкой вероятностью миграции в город. Наличие только одного ребенка, а также наличие умерших детей не уменьшают вероятность переселения в город по сравнению с бездетными женщинами. Эти результаты авторы объясняют рядом факторов, среди которых – большие трудности переезда при наличии детей, а также высокий социальный статус многодетных матерей в африканской деревне, который может быть стимулом к отказу от миграции.

Представляют интерес и некоторые модели, которые не позволяют напрямую проверить действие ни одной из четырех рассматриваемых гипотез, но тем не менее дают возможность обнаружить интересные взаимосвязи между миграцией и репродуктивным поведением.

В [Bach 1981] обсуждается вопрос о том, может ли рождаемость среди женщин, мигрировавших с одной территории на другую, быть простой функцией от рождаемости на двух этих территориях. Подход, который признает такую возможность, автор называет аддитивным. Подход, конкурирующий с аддитивным, допускает, соответственно, включение в модель параметров, не связанных с рождаемостью на территориях, откуда и куда была совершена миграция.

Сравнительные достоинства двух подходов автор рассматривает на материале рождаемости среди внутренних мигрантов в Малайзии по данным выборочной переписи, проведенной в этой стране в конце 1966 – начале 1967 гг. Вопросы о миграции в этой переписи не предполагали выявления детальной миграционной истории женщины. Однако каждую респондентку спрашивали о том, в каком типе поселения (в деревне, в малом городе или в крупном городе) провела она большую часть жизни до замужества и большую

часть жизни после замужества. Те, у кого ответы на два эти вопроса не совпадали, и рассматривались автором в качестве мигрантов.

Проверка аддитивного подхода была основана на линейной модели, построенной в его рамках. В этой модели зависимой переменной было общее число рожденных женщиной детей (с контролем на возраст), а в качестве независимых дихотомических переменных выступали типы поселения, в которых проживала женщина до и после замужества (село, малый город, крупный город). Ожидаемое в рамках аддитивного подхода общее число детей у женщины в зависимости от этих типов поселений вычислялось затем как сумма общего среднего числа детей по выборке (взвешенного на возраст женщин) и коэффициентов, полученных в модели для соответствующих типов населенных пунктов. Например, переменная «проживание до замужества в крупном городе» получила в линейной модели коэффициент $-0,33$, а переменная «проживание после замужества в крупном городе» – коэффициент $-0,08$ (т.е. проживание в крупном городе на обоих жизненных этапах влияло на общее число детей негативно). При общем среднем числе детей по выборке $5,98$, ожидаемое число детей у женщин, живших до и после замужества в городах, вычислялось как $5,98 - 0,33 - 0,08 = 5,57$. Аналогичным образом вычислялось и ожидаемое число детей для женщин, проживавших до и после замужества в разных типах населенных пунктов, т.е. для мигранток. Затем ожидаемые средние для каждой категории сопоставлялись с наблюдаемыми средними для тех же категорий по выборке. Соответственно, чем меньше разница между наблюдаемыми и ожидаемыми средними, тем более адекватной можно считать аддитивную гипотезу.

Результаты статистического эксперимента оказались достаточно противоречивыми: разные группы респонденток по типам проживания до и после миграции показали весьма неодинаковые соотношения между ожидаемым в рамках аддитивного подхода и наблюдаемым средним числом детей. У мигранток из малых городов в большие, из сел в малые города и из городов обоих типов в село разница между ожидаемым и наблюдаемым средним числом детей оказалась очень мала. Наоборот, заметные отклонения ожидаемых средних от реальных зафиксированы у двух других групп: у мигранток из крупных городов в малые и из сел в крупные города. У обеих этих групп наблюдаемое среднее число детей оказалось заметно меньше ожидаемого. Автор утверждает, что при тех типах миграции, когда аддитивный подход «не работает», на уровень рождаемости влияют факторы, не связанные с рождаемостью в тех социумах, откуда и куда идет миграция. Например, низкая по сравнению с ожидаемой рождаемостью мигрантов, переехавших из села в крупный город, может объясняться тем, что такие мигранты ориентированы, в первую очередь, на карьеру в новом для себя месте и поэтому откладывают деторождение.

В методологическом отношении описанное исследование представляет интерес прежде всего как попытка найти такие варианты статистического анализа, которые позволили бы определить, в какой мере рождаемость у мигрантов определяется как бы «внешними» характеристиками миграции (в данном исследовании задаваемыми типами поселений, откуда и куда совершена миграция), а в какой мере – жизненными обстоятельствами и целями самих мигрантов.

В [Codjoe 2007] предлагается система линейных моделей рождаемости в социуме, в котором имеются мигранты. Центральным вопросом исследования заключается в том, является ли миграционный статус женщины самостоятельным параметром, влияющим на рождаемость или же связь миграции и рождаемости производна от различий между мигрантами и не мигрантами по каким-то другим параметрам, значимым для рождаемости. Очевидно, что дать на этот вопрос единый ответ, верный для мировой миграции в целом, вряд ли возможно. Автор предлагает способ исследования этого вопроса применительно к конкретным случаям миграции.

Как независимый параметр в предлагаемых автором моделях всегда присутствует «миграционный статус» (дихотомический параметр, показывающий, совершила женщина миграцию или нет), и могут добавляться группы других параметров. В качестве таких групп независимых параметров автор предлагает следующие:

- «Ближайшие детерминанты» (*proximate determinants*) рождаемости. Набор этих параметров стандартен для демографических исследований (брачный статус, возраст при рождении первого ребенка и др.).
- «Вторичные детерминанты» (*non-proximate determinants*⁵) рождаемости. К этой группе относятся в основном параметры, имеющие отношение к социальному статусу и жизненному пути женщины (например, образование, материальное положение семьи, религиозная принадлежность, наличие умерших детей и многое другое).
- Комбинированные параметры. Это параметры, образуемые «перемножением» параметра миграционного статуса и одного из «ближайших» или «вторичных» детерминантов. Например, таковым является дихотомический параметр «мигрант, имеющий умершего ребенка». Введение таких параметров в модель автор оправдывает тем, что эффект взаимодействия параметра миграции с другими параметрами модели может быть не только аддитивным, но и кумулятивным.

Автор предлагает последовательно вводить в модель в качестве независимого параметр миграционного статуса и параметры из числа ближайших и вторичных. Если значимость миграционного статуса в таких моделях сохраняется, это говорит о самостоятельном влиянии миграции на рождаемость. Другим свидетельством влияния миграции на рождаемость, с точки зрения автора, является значимость комбинированных параметров. Автор предлагает сравнивать значимость комбинированных параметров и соответствующих «ближайших» или «вторичных» параметров. Если, например, параметр «мигрант, имеющий умершего ребенка» более значим или имеет больший по модулю коэффициент, чем некомбинированный параметр «наличие умершего ребенка», это показывает, что параметр «наличие умершего ребенка» оказывает большее влияние на рождаемость у мигрантов, чем у не мигрантов. То есть модель позволяет не только оценивать самостоятельное влияние миграции на рождаемость, но и сопоставлять влияние разных параметров на рождаемость у мигрантов и не мигрантов в рамках одного социума.

⁵Отметим, что такое употребление терминов *proximate determinants* и *non-proximate determinants* отличается от их более общепринятого употребления в работах, посвященных рождаемости.

В указанной статье автор строит предложенную им модель для рождаемости мигрантов и не мигрантов в сельской местности Ганы (Центральная Африка). В числе отмеченных им результатов – значимость ряда комбинированных параметров, таких как «брачный статус/мигрантский статус» и «материальное положение семьи/мигрантский статус». Это автор интерпретирует как свидетельство большей значимости параметров брачного статуса и материального положения семьи для рождаемости именно среди мигрантов по сравнению с рождаемостью среди не мигрантов.

В [Singley, Lindale 1998] делается попытка построения такой модели рождаемости мигрантов, которая бы максимально учитывала связь миграции и вступления в брак. Выше мы видели возможности исследования связи миграции и брачности в моделях рисков (раздел 2.2). В данной статье авторы предлагают систему моделей, основанных на логистической регрессии, в которой исследуется вероятность рождения женщиной первого ребенка. По сравнению с моделями рисков, данная модель допускает меньшую детализацию данных о репродуктивной и миграционной истории женщины и на основе таких "усеченных" данных предлагает вариант исследования связи рождаемости с фактом миграции, временем ее совершения, а также с брачным статусом женщины. Для проверки четырех основных гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости во все модели предлагается вводить дихотомические переменные, различающие женщин в выборке по шести «миграционным» категориям: (1) не мигранты (проживающие на территории, откуда идет исследуемая миграция); (2) мигрировавшие меньше двух лет назад; (3) мигрировавшие 2-4 года назад; (4) мигрировавшие пять и более лет назад; (5) мигрировавшие в детстве (в возрасте до 15 лет; опрашиваются женщины 15-49 лет); (6) дети мигрантов, родившиеся после их миграции. Также в качестве обязательных параметров в модели вводятся переменные возраста и брачного статуса. Дополнительно в модель включаются параметры двух групп: (1) характеристики «семейной истории» женщины: число родных братьев и сестер, религиозная принадлежность родительской семьи и др.; (2) характеристики текущего статуса женщины: образование, работа, брачный статус. Через связь с рождаемостью шести перечисленных дихотомических переменных, отражающих миграционный статус женщины, можно простым способом проверить имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости (и их «устойчивость» при введении в модель дополнительных параметров). Например, если положительное значение параметра "миграция меньше двух лет назад" связано с меньшим числом детей, и связь эта более значима, чем у параметра "миграция 2-4 года назад", это говорит в пользу гипотезы разрыва. При этом авторы также предлагают отдельное построение моделей с указанным набором параметров для замужних и незамужних женщин. На исследуемом авторами материале (рождаемость женщин, мигрировавших из Пуэрто-Рико в США) оказывается, что влияние миграционного статуса на рождаемость женщины может быть разным в зависимости от того, замужем она на момент исследования или нет.

Итак, в настоящем подразделе мы рассмотрели некоторые из имеющихся возможностей статистического исследования взаимосвязи миграции и рождаемости без использования модели пропорциональных рисков. Рассмотренные здесь модели предлагают свои способы преодоления основной трудности изучения этой взаимосвязи – необходимости исследовать связь рождаемости не только с самим фактом миграции, но и с

расположением миграции во времени относительно деторождения. Представленные в этом подразделе модели различаются по тому, ответы на какие именно исследовательские вопросы они могут дать. Однако все они показывают, что статистический анализ, не основанный на модели пропорциональных рисков, также способен выявить некоторые нетривиальные аспекты рождаемости в мигрантских сообществах.

3. РОЖДАЕМОСТЬ МИГРАНТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА: ОБЗОР ИЗБРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящем разделе изложены результаты исследований рождаемости мигрантов в ряде стран мира. Обзор этих исследований не претендует на полноту ни по набору стран, в которых так или иначе исследовалась рождаемость среди мигрантов, ни по составу исследований, включенных в обзор по каждой из стран. При выборе исследований мы в первую очередь ставили целью дать читателю представление о многообразии «траекторий», по которым меняется рождаемость в разных переселенческих сообществах, и о том, как на практике переплетаются между собой сценарии, задаваемые различными гипотезами о влиянии миграции на рождаемость. Поэтому приоритет отдавался исследованиям, в которых данные о рождаемости среди мигрантов обсуждаются в свете представленных выше гипотез и из которых видно, что ни одна из этих гипотез в отдельности не может объяснить динамику рождаемости даже внутри одного потока мигрантов.

Обзоры избранных исследований сгруппированы по странам. Их предваряет изложение основных положений статьи [Sobotka 2008] как наиболее полного исследования «вклада» мигрантов в рождаемость в европейских странах на рубеже XX-XXI веков (среди тем, связанных с проблематикой настоящего обзора, увеличение доли детей, рожденных мигрантами в странах Европы, в последние годы привлекает повышенное внимание, в том числе за пределами чисто научного дискурса), а также обзор ряда исследований, показывающих необходимость отдельного изучения рождаемости мигрантов второго поколения (проблемы, внимание к которой в мировой демографии заметно увеличивается именно в последние годы). Далее в подразделе для каждой из стран содержатся краткие данные о миграции в нее в последние десятилетия. При изложении результатов исследований указываются источники данных, на основе которых они выполнены. В заключение каждого подраздела, посвященного какой-либо стране, дается вывод о том, как обнаруженная там динамика рождаемости среди мигрантов соотносится с четырьмя имеющимися гипотезами о влиянии миграции на рождаемость.

3.1. «Вклад» мигрантов в европейскую рождаемость [Sobotka 2008]

Статья [Sobotka 2008] стала одним из первых обобщающих исследований официальных статистических данных по рождаемости мигрантов в западноевропейских странах. Основной вопрос, которым задается автор, состоит в том, как в 1990-е – первой половине 2000-х годов миграция влияла на общий уровень рождаемости в Евросоюзе. Первоисточником данных служит информация статистических органов европейских стран за 1990-2000-е годы (в ряде случаев эти данные заимствуются из предшествующих научных

публикаций). Автор отмечает, что эта информация не единообразна по странам, что происходит, в частности, из-за разной трактовки понятия "мигрант" их органами статистики. Тем не менее доступные данные позволяют заключить, что в большинстве стран Евросоюза в исследуемый период рождаемость у женщин, мигрировавших из-за рубежа, была выше, чем рождаемость у уроженок этих стран (разница по КСР колебалась между 0,3 и 0,9). В таблицах 2 и 3 приведены данные о различиях между КСР у коренных жительниц и мигранток в ряде европейских стран в 1990-е – первой половине 2000-х годов (в таблице 2 содержатся данные по странам, в которых органы статистики отдельно измеряют рождаемость у женщин, родившихся в этой стране, и у женщин, мигрировавших в нее; в таблице 3 – данные по странам, в которых официальная статистика различает рождаемость у женщин, имеющих и не имеющих гражданство этой страны, независимо от их «миграционной истории»; во всех случаях для периодов, больших, чем один год, дается среднегодовое значение КСР). По оценкам автора, «вклад» мигранток в общую рождаемость стран "старой" Европы (т.е. стран, вступивших в Евросоюз до 2000 г.) в 2000-е годы составлял от 10 до 20 %.

Таблица 2. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	КСР уроженок страны	КСР мигранток	Разница
Дания	1999-2003	1,69	2,43	0,74
Англия и Уэльс	2001	1,6	2,2	0,6
Франция	1991-1998	1,65	2,50	0,85
Нидерланды	2005	1,65	1,97	0,32
Норвегия	1997-1998	1,76	2,42	0,66
Швеция	2005	1,72	2,01	0,29

Источник: [Sobotka 2008].

Таблица 3. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, имеющих гражданство данной страны, и у женщин, не имеющих его, в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	КСР женщин, имеющих гражданство	КСР женщин, не имеющих гражданства	Разница
Австрия	2001-2005	1,29	2,03	0,74
Бельгия	1995	1,49	2,12	0,64
Франция	1999	1,72	2,80	1,08
Италия	2004	1,26	2,61	1,35
Испания	2002	1,19	2,12	0,93
Швейцария	1997	1,34	1,86	0,52

Источник: [Sobotka 2008].

Отметим, что разрывы по уровню рождаемости между коренными жителями и мигрантами сохранились в западноевропейских странах и в более поздний период. Так, в одном из своих докладов в 2017 г. Т. Сobotка приводил данные по ряду стран на 2014 г., показанные в таблице 4 [Sobotka 2017].

В [Sobotka 2008] автор далее показывает, что в одной и той же европейской стране уровень рождаемости мигрантов из стран с разным уровнем рождаемости на рубеже XX-XXI веков мог быть разным. В большинстве рассмотренных в статье стран наибольшей рождаемостью характеризуются выходцы из Пакистана и Сомали (Таблица 5).

Таблица 4. Коэффициенты суммарной рождаемости у женщин, родившихся в данной стране, и у женщин, мигрировавших в нее, 2014

Страна	КСР уроженок стра	КСР мигранток	Разница
Бельгия	1,59	2,25	0,66
Франция	1,84	3,10	1,26
Великобритания	1,74	2,08	0,34
Норвегия	1,74	1,97	0,23
Швеция	1,83	2,18	0,35
Австрия	1,36	1,96	0,60
Германия	1,42	1,83	0,41
Швейцария	1,43	1,85	0,42
Италия	1,29	1,83	0,54

Источник: [Sobotka 2017].

Таблица 5. Коэффициенты суммарной рождаемости для мигрантов из разных стран в странах Западной Европы в 1990-е – первой половине 2000-х годов

Страна	Период	Сомали	Пакистан	Турция	Иран
Австрия	2000-2005			2,96	
Дания	1999-2003	5,21	3,58		1,84
Англия и Уэльс	2001		4,70		
Франция	1991-1998			3,21	
Норвегия	1997-1998	5,20	3,59	3,09	1,92
Швеция	2005	3,82		2,62	1,31

Источник: [Sobotka 2008].

Одновременно автор показывает, что среди женщин, мигрировавших в страны Евросоюза из стран с высокой рождаемостью, более молодые возрастные когорты в 1990-е - 2000-е годы уподоблялись по рождаемости принимающей стране в большей степени, чем более старшие когорты. Отчасти, по мнению Сobotки, это объясняется тем, что и во многих странах, откуда шла миграция в Европу, в указанный период происходило сокращение рождаемости и повышение возраста материнства, поэтому у более молодых мигрантов контраст по рождаемости между их прежней и новой страной был меньше, что облегчало адаптацию. При этом сохраняющийся «разрыв» по рождаемости между мигрантами и коренным населением Западной Европы на рубеже XX-XXI веков, как показано в статье, отчасти обеспечен тем, что женщины, мигрировавшие из стран с высокой рождаемостью, даже снижая рождаемость после миграции, гораздо реже, чем коренные европейки, оставались бездетными.

Таким образом, в целом оказывается, что статистические данные официальных источников по рождаемости мигрантов подтверждают и наличие адаптационных процессов, и важность страны происхождения, предполагаемую гипотезой социализации.

3.2. Исследования рождаемости потомков международных мигрантов

В ряде работ были продемонстрированы существенные различия по характеристикам рождаемости между мигрантами в первом и во втором поколении, а также наличие особенностей репродуктивного поведения у мигрантов, въехавших в принимающую страну в детстве (мигранты так называемого «полуторного» поколения). Ниже рассматриваются

результаты некоторых исследований этой проблематики.

В [Adsera et al. 2012] изучается репродуктивное поведение женщин-мигрантов, переехавших в Канаду, Францию или Великобританию (Англию или Уэльс) в детском возрасте (до 18 лет) в 1990-е - 2000-е годы. Как отмечают авторы, исследование рождаемости именно у женщин, совершивших миграцию в детстве, позволяет получить более адекватную картину того, как переезд в другую страну и последующая адаптация на новом месте проживания влияют на рождаемость. Дело в том, что рождаемость у женщин-мигрантов, совершивших переезд уже взрослыми, существенным образом зависит от возраста переезда, от обстоятельств, которые могут ограничить рождаемость на определенный период сразу после переезда, и т.д. Женщины, совершившие миграцию в составе семьи в детском возрасте, как ожидается, будут в большей степени свободны от влияния этих факторов: у них весь репродуктивный период проходит уже в принимающей стране. Источником для Канады служат данные переписей населения (проводившихся в этот период с 20-процентным охватом жителей страны); для Франции – данные *Enquête sur Trajectoires et Origines*, исследования расселения и миграций жителей этой страны (без заморских территорий), проведенного в 2008 г. Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) и охватившего 22 000 респондентов; для Англии – данные лонгитюдного исследования населения, проводившееся Национальным офисом статистики в 1971-2001 гг.

Авторы строят модели с общим числом детей у женщины в качестве зависимого параметра (используется регрессия Пуассона). В качестве независимых параметров в моделях выступают миграционный статус женщины (дихотомический параметр "мигрант - не мигрант"), страна, откуда совершена миграция, и возраст на момент совершения миграции (в качестве контрольных используются переменные, кодирующие образование и брачный статус на момент исследования). Основные результаты моделирования сводятся к следующему:

- во всех трех странах число у детей мигрантов выше, чем у коренных жителей, хотя соотношения в разных странах разное;
- страна, откуда прибыла в детстве женщина, значима для числа детей у нее; например, у детей выходцев из Китая, Восточной Европы и Южной Африки в Канаде и у выходцев из Китая в Англии и Уэльсе детей значимо меньше, чем у коренного населения этих принимающих стран; наоборот, у детей мигрантов из Туниса и Турции детей значимо больше, чем у коренных жителей Франции;
- чем в более молодом возрасте женщина мигрировала в страну своего нынешнего пребывания, тем меньше число детей у нее отличаются от такового у коренного населения; это подтверждает, что на возможность адаптации к репродуктивным нормам принимающей страны влияет возраст переселения в нее.

В целом данное исследование подтвердило, что мигранты, прибывшие в новую для себя страну в детском возрасте, ближе по уровню рождаемости к коренному населению этой страны, чем мигранты, переселившиеся во взрослом возрасте. С другой стороны, исследование показало, что между адаптационными "траекториями" мигрантов,

прибывших детьми из различных стран, в одной и той же стране пребывания могут быть заметные различия.

В [Milewski 2011] исследуется рождаемость турецких мигрантов второго поколения в шести странах Европы: Австрии, Франции, Германии, Швеции, Швейцарии и Нидерландах (источником данных служат результаты масштабного выборочного исследования адаптации потомков мигрантов в европейских странах – The Integration of European Second Generation (TIES), проведенное в 2006-2008 гг.; подробное изложение результатов этого исследования см. в [Crul et al. 2012]). В целом исследование Н. Милевски не подтвердило предположений о том, что мигранты во втором поколении максимально адаптируются к принимающей стране по репродуктивному поведению (в качестве зависимого параметра в моделях выступает шанс рождения первого ребенка, распределенный по возрастам женщины с годовым шагом). Рождаемость у турецких мигранток второго поколения во всех исследуемых странах зависела от особенностей их родительской семьи и воспитания: шансы рождения первого ребенка были выше у тех, кто в детстве получил мусульманское воспитание, а также тем выше, чем больше родных братьев/сестер было у женщины. Очевидно, что все это позволяет говорить об эффектах социализации, но такой социализации, которая задается особенностями семьи или этнической общины, а не страны в целом. Как отмечается в статье, отличия турецких мигранток второго поколения от коренных жительниц принимающих стран по шансам рождения первого ребенка хорошо согласуются с имеющимися различиями между ними по таймингу: дочери уроженцев Турции в исследуемых странах вступают в брак, в среднем, в гораздо более молодом возрасте, чем коренные жительницы Западной Европы.

Сохранение «особости» репродуктивного поведения у турецких мигранток второго поколения, однако, соседствует с другим важным фактом: шансы рождения первого ребенка у них существенно варьируются в зависимости от страны проживания. В Германии и Швейцарии они ниже, чем в Австрии, Швеции, Нидерландах и Франции. В таком же соотношении (за исключением Австрии) находятся и шансы рождения первого ребенка в этих странах у контрольных групп коренных жителей, включенных в исследование. Это можно рассматривать как свидетельство адаптации мигранток второго поколения.

Интересные результаты рождаемости среди детей мигрантов в Швеции изложены в [Andersson, Persson 2014] (развитие этой темы см. в [Andersson et al. 2017]). На основе данных Статистического агентства Швеции по репродуктивным историям всех родившихся в стране женщин за 1998-2012 гг., в статье сопоставляются шансы рождения детей разных порядков у женщин, чьи родители – уроженцы Швеции, и у женщин, у которых хотя бы один из родителей является мигрантом. Шансы рождения первых детей у мигранток второго поколения независимо от страны происхождения оказались ниже, чем у женщин, чьи родители были уроженцами Швеции (исключение составили лишь женщины турецкого происхождения, но и у них шансы были выше, чем у потомков уроженцев Швеции, менее чем на 10%). Пониженные шансы рождения первого ребенка наблюдаются и у женщин, чьи родители являются выходцами из регионов мира, рождаемость в которых заметно превышает шведскую, например, с Ближнего Востока, из Северной Африки, из Африки к югу от Сахары. Не меняется заметным образом такое соотношение шансов и для рождения второго ребенка. И только для рождения третьего ребенка потомки выходцев из этих

регионов мира получают превосходство над потомками уроженцев Швеции. При этом введение в модель социально-экономических параметров, отражающих уровень образования и положение на рынке труда, эти соотношения шансов почти не меняет.

Авторы предполагают, что пониженные шансы рождения первого ребенка у потомков мигрантов говорят о трудностях, которые они испытывают при создании семьи в молодом возрасте. Это может быть связано с их в целом более слабым положением на рынке труда, чем у потомков коренных жителей Швеции. Пониженные шансы рождения второго ребенка могут говорить и о том, что потомки мигрантов меньше, чем потомки коренных жителей, адаптированы к шведской системе государственной поддержки семьи, в рамках которой женщина получает значительные выгоды, если рождает первого и второго ребенка с малыми интервалами. При таком объяснении пониженные шансы рождения первого и второго ребенка, по существу, производны от положения этнического меньшинства с низким социальным статусом, в котором находятся потомки мигрантов (см. раздел 1).

В [Kulu et al. 2017] предпринимается попытка исследовать рождаемость мигрантов второго поколения в европейских странах, различая рождения детей разных порядков. Материалом для исследования послужили результаты выборочных опросов женщин репродуктивного возраста, проведенных в странах Западной Европы в 2005-2010 гг. (для разных стран используются данные разных опросов). По результатам этих опросов была изучена рождаемость у выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш, Турции, стран Карибского бассейна, разных частей Африки и некоторых других регионов мира в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Испании и Швеции. Для женщин, мигрировавших из разных стран, отдельно в каждой принимающей стране оценивались шансы рождения детей разных порядков. Проведенный анализ показал следующее:

1. В целом в сообществах мигрантов из стран, рождаемость в которых превышает западноевропейскую, мигранты во втором поколении в большей степени уподобляются по репродуктивному поведению коренным жителям, чем мигранты в первом поколении.
2. Степень "уподобления" мигрантов второго поколения коренным жителям западноевропейских стран по репродуктивному поведению является разной для разных стран, откуда идет миграция. Так, менее заметно по сравнению с другими группами мигрантов это уподобление для выходцев из Пакистана и Бангладеш в Великобритании, для выходцев из Турции в Германии: в этих сообществах мигранты второго поколения сохраняют уровень рождаемости, серьезно превышающий уровень рождаемости принимающих стран.
3. Соотношение шансов деторождения у мигрантов второго поколения и у коренных жителей Западной Европы различается в зависимости от порядка деторождения. По шансам рождения первого и второго ребенка в большинстве мигрантских сообществ, за исключением вышеупомянутых сообществ с повышенной рождаемостью, мигранты второго поколения отличаются от коренных жителей незначительно. Шансы рождения третьего ребенка, однако, у мигрантов второго поколения почти везде значимо выше, чем у коренного населения.

Последнее наблюдение ведет авторов к выводу о росте контрастов внутри мигрантских общин, в которых наблюдаются две принципиально разные стратегии репродуктивного поведения у потомков мигрантов: уподобление по уровню рождаемости принимающей стране или сохранение более высокой рождаемости. Выбравшие первую стратегию "тянут вниз" шансы рождения первого и второго ребенка среди мигрантов, а выбравшие вторую стратегию "повышают" шансы рождения третьих детей среди потомков мигрантов, имеющих двух детей. При этом каких-либо простых объяснений этим контрастам по репродуктивному поведению найти не удастся. Так, не подтверждается гипотеза, что выбор двух стратегий коррелирует с уровнем образования женщин-мигранток. Авторы высказывают предположение, что эти контрасты среди мигрантов второго поколения могут быть связаны с культурными различиями между ними, но смысл «культурных различий» не получает в работе должной расшифровки.

3.3. Рождаемость мигрантов в Великобритании

Великобритания относится к числу стран, где рождаемость среди мигрантов изучена наиболее детально. Объектом изучения в основном является рождаемость крупных диаспор, сформировавшихся или активно пополнявшихся в стране во второй половине XX века. Это выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш, стран Карибского бассейна, Африки. В последние полтора десятилетия предметом исследований стала и рождаемость мигрантов из Польши и Прибалтики, число которых начало расти в Великобритании после вступления их стран в Евросоюз.

Рождаемость иностранных мигрантов в последние десятилетия XX – начале XXI века подробно рассматривается в [Coleman, Dubuc 2010]. Данные, анализируемые в статье, основаны на ряде источников, обычно не рассматриваемых в демографии в качестве первостепенных. Дело в том, что проводимые в Великобритании всеобщие переписи населения во второй половине XX века не содержали в переписном листе вопроса об этнической принадлежности (он появился только в опросном листе переписи 1991 г.). При государственной регистрации рождений этническая принадлежность родителей в стране также не фиксируется. Следовательно, выявить мигрантов и их детей по этим источникам невозможно. Однако в Великобритании имеется ряд вспомогательных исследований населения, в которых информация об этнической принадлежности находит отражение. Это, в частности, ежегодно проводимое Национальным офисом статистики в выборочном режиме Обследование трудовых ресурсов (Labour Force Survey), в котором фиксируется половозрастной состав домохозяйств респондентов. Авторы обосновывают методику расчета, позволяющую получить оценку суммарных коэффициентов рождаемости для различных этнических групп на основе данного исследования (так называемый «метод собственных детей»/own children method; его подробное обоснование см. в [Retherford, Cho 1987]).

Работу с полученными таким образом данными авторы ограничивают описательной статистикой. В целом выясняется, что мигранты из разных стран, рождаемость в которых существенно выше британской, различаются по репродуктивному поведению в Великобритании. Так, если у выходцев из Индии или из стран Карибского бассейна рождаемость в 1990-е – первой половине 2000-х годов находилась на уровне, близком к

общему для Великобритании, то выходцы из Пакистана и Бангладеш сохраняли значительно более высокие уровни рождаемости. (При этом авторы отмечают, что даже при большом сходстве между рождаемостью в некоторой диаспоре и в стране, откуда ее представители совершили миграцию, рождаемость в диаспоре может отличаться от рождаемости на «исторической родине» по возрастным характеристикам. Так, у выходцев из Бангладеш в Великобритании в конце XX века заметно ниже, чем в самой Бангладеш, была рождаемость в возрасте моложе 20 лет.) Предлагаемые авторами объяснения этих различий между выходцами из разных стран связаны, в частности, с религиозным фактором. Так, в статье утверждается, что «сельский ислам», доминирующий в тех провинциях Пакистана и Бангладеш, откуда идет наиболее интенсивная миграция в Великобританию, отличается установкой на малое участие женщин в трудовой деятельности и предпочтением браков, заключаемых при участии старших родственников, а эти обычаи, в свою очередь, ведут к высокой рождаемости, в том числе и вдали от родины.

Среди общих закономерностей репродуктивного поведения всех групп мигрантов в Великобритании авторы отмечают пониженный уровень рождаемости среди мигрантов первого поколения по сравнению со страной, откуда они совершили миграцию, а среди мигрантов второго поколения – по сравнению с мигрантами первого поколения. Это в целом подтверждает гипотезу адаптации, но имеющихся различий в рождаемости между разными диаспорами в Великобритании эта гипотеза не объясняет.

В [Dubuc 2012] сопоставляется динамика рождаемости у первого и второго поколения мигрантов из различных стран, проживающих в Великобритании. Источником данных снова служит исследование Labour Force Survey. Наиболее общий результат анализа, представленного в статье, состоит в том, что в 1980-2000-е годы в Великобритании имело место постепенное сокращение рождаемости этнических меньшинств, прибывших из стран, рождаемость в которых существенно выше британской. При этом заметный вклад в снижение уровня рождаемости у этнических меньшинств вносят именно потомки мигрантов, т.е. мигранты второго и последующих поколений. В таблице 6 сопоставляются средние коэффициенты суммарной рождаемости за 1987-2006 гг. у иммигрантов из трех стран и их потомков. В качестве базы сравнения используется средний коэффициент суммарной рождаемости у этих же меньшинств для 1970-х годов, т.е. для периода, когда абсолютное большинство женщин детородного возраста среди этих этнических меньшинств были мигрантами в первом поколении. Как видно, у потомков иммигрантов снижение коэффициента суммарной рождаемости после 1970-х годов шло быстрее, чем у иммигрантов в первом поколении.

Между мигрантами первого и второго поколений наблюдаются также заметные различия по возрастным характеристикам рождаемости. Так, у женщин, прибывших из Бангладеш, максимальный средний возрастной коэффициент рождаемости для 1987-2006 гг. фиксировался для возрастной группы 20-24 года, тогда как у мигрантов второго поколения бангладешского происхождения, как и у коренных британок, максимальная рождаемость фиксировалась в этот период в возрастной группе 25-29 лет. Одно из объяснений этому может состоять в том, что у мигранток второго поколения больше доля тех, кто в возрасте 18-25 был учащимся (в 2002-2006 гг. среди бангладешских мигранток

первого поколения доля учащихся составляла менее 10%, а среди мигранток второго поколения – более 35%).

Таблица 6. Коэффициенты суммарной рождаемости ряда этнических меньшинств в Великобритании, с учетом миграционного статуса

Страна происхождения	Средний КСР в 1970-е годы	Средний КСР в 1987-2006 гг.		Изменение по сравнению с средним КСР в 1970-е гг. (%)	
		иммигранты	родившиеся в Великобритании	иммигранты	родившиеся в Великобритании
Индия	2,47	1,90	1,67	-23,1	-32,4
Пакистан	5,02	3,37	2,65	-32,9	-47,2
Бангладеш	6,18	3,83	2,64	-38,0	-57,3

Источник: Расчеты на основе данных Labour Force Survey 2001-2006 в [Dubuc 2012].

Наряду с этими тенденциями, подтверждающими гипотезу адаптации, в статье обнаруживаются и некоторые подтверждения гипотезы селективности. Сравнив средние возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, совершивших миграцию в Великобританию за 1987-2006 гг., в период их жизни до и после миграции, автор обнаружил, что для всех возрастов «домиграционные» коэффициенты были ниже, чем «послемиграционные» (отметим, однако, что для полноценного подтверждения гипотезы селективности здесь требовалось бы сопоставление с рождаемостью женщин, оставшихся в тех странах, откуда совершена миграция, но такового в статье нет).

В [Robards, Berrington 2016] рождаемость среди мигрантов в Великобритании исследуется для более современного периода (2001-2011 гг.). За этот период общий вклад мигрантов в рождаемость в Англии и Уэльсе (материалом которых ограничивается данная статья) существенно вырос: доля детей, рожденных женщинами, мигрировавшими из других стран, поднялась с 16,4% в 2001 г. до 25,5% в 2011 г. К мигрантам из таких «традиционных» для переезда в Великобританию регионов мира, как Южная Азия, Африка, добавились мигранты из стран, вступивших в 2004 г. в Евросоюз (среди них особенно интенсивной миграцией в Англию отличалась Польша).

Авторы ставят своей целью ответить на два вопроса: 1) сохранились ли в этот период различия по рождаемости между мигрантами, прибывшими из разных стран; 2) влияет ли на репродуктивное поведение женщин, мигрирующих в Великобританию, число лет, прошедших с момента миграции. То есть, по существу, в статье проверяется «сохранность» в более поздние годы тех явлений, которые были зафиксированы в Великобритании в 1990-е годы и начале 2000-х годов в рассмотренных выше работах.

Для ответа на оба вопроса авторы вводят специальные показатели – «возрастные» коэффициенты рождаемости для женщин-мигранток, при вычислении которых учитывается не возраст, в котором рождались дети, а возраст переезда в Великобританию (см. раздел 2.1 о применении похожих показателей в других исследованиях). Для каждой группы мигранток по возрасту въезда эти коэффициенты отдельно вычисляются для разных периодов до и после миграции. Например, у женщин, прибывших в Великобританию с 2001 по 2011 годы в возрасте 25-29 лет, отдельно считаются коэффициенты рождаемости для периода 0-1 год, 1-2 года и т.д. до периода 4-5 лет после миграции и для таких же периодов до миграции. Такие коэффициенты авторы вычисляют отдельно для мигранток, прибывших

из разных регионов мира (вычисления производились на основе данных Лонгитюдного исследования Национального офиса статистики Великобритании (LSONS), охватившего 1% населения страны). В качестве примера на рисунке 7 дана динамика коэффициентов для женщин, въехавших в Великобританию в возрасте 25-29 лет.

Из наблюдений над динамикой таких показателей наиболее значимыми оказались следующие:

- у выходцев из Пакистана и Бангладеш, мигрировавших в возрасте до 30 лет, имеется очень заметный скачок рождаемости в первые три года после миграции; рождаемость в этот период превышает домиграционную в 5-6 раз, а в последующие периоды постепенно снижается;
- у выходцев из Польши, напротив, рождаемость падает в первые два года после миграции и затем постепенно восстанавливается;
- у женщин, мигрировавших в возрасте до 30 лет, независимо от страны, из которой они прибыли, возрастные коэффициенты рождаемости, по крайней мере через 3-4 года после миграции, становятся выше, чем коэффициент рождаемости уроженок Англии и Уэльса для соответствующей возрастной группы; даже у женщин, прибывших из Польши, у которых на самом начальном этапе миграции рождаемость падает, через 3-4 года она превышает рождаемость у уроженок Великобритании в тех же возрастах;
- у женщин, мигрировавших в возрасте до 30 лет, независимо от страны выезда средний уровень рождаемости в течение пяти лет до миграции выше, чем в течение пяти лет после миграции.

Таким образом, исследование показало, что и в 2000-е годы в Великобритании рождаемость среди мигрантов дифференцировалась по регионам мира, откуда они прибыли, в согласии с гипотезой социализации. С другой стороны, подтвердилась и гипотеза разрыва в том отношении, что первые годы после миграции – это период «особого» репродуктивного поведения, отличающегося и от домиграционного, и от того, которое наблюдается в последующие годы. При этом отмеченные выше различия между выходцами из разных стран по тому, как именно меняется у них рождаемость в первые годы в Великобритании, авторы связывают с преобладающими целями миграции. Так, уроженки Польши чаще едут в Англию для работы, а уроженки Пакистана и Бангладеш – с целью создания или воссоединения семьи, и вполне ожидаемо, что первые будут откладывать рождаемость в первые годы после переезда, а у вторых, напротив, начальный период проживания в Великобритании будет временем наиболее высокой рождаемости. Обе тенденции подтверждают гипотезу разрыва. Наконец, подтвердилось и то, что в домиграционный период женщины стремятся ограничить рождаемость. Это можно считать подтверждением гипотезы селективности.

Частично подтверждается гипотеза социализации относительно иммиграции в Великобританию также в работе [Kulu, Hannemann 2016], где показано, что более высокая по сравнению с коренными жителями Великобритании рождаемость у выходцев из Пакистана и Бангладеш не может быть полностью объяснена особым социально-экономическим положением этих мигрантов и по крайней мере частично связана с усваиваемыми ими в детстве репродуктивными установками.

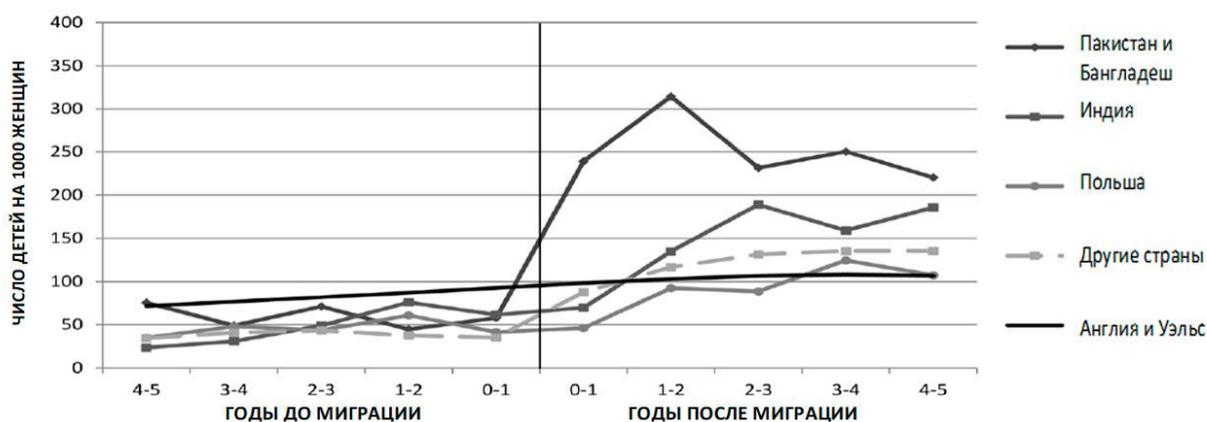

Рисунок 7. Коэффициенты рождаемости (число рождений на 1000 женщин) для женщин, мигрировавших в Англию и Уэльс в 2001-2011 гг. в возрасте 25-29 лет, для разных лет до и после миграции⁶ (Office of National Statistics Longitudinal Study)

Источник: [Robards, Berrington 2016].

Итак, рассмотренные исследования рождаемости мигрантов в Великобритании показывают, что общая ее тенденция – снижение по сравнению со страной, откуда была совершена миграция (если она превышает британскую), что подтверждает гипотезу адаптации. Вместе с тем сохраняющаяся высокая рождаемость выходцев из некоторых стран говорит в пользу гипотезы социализации. Наконец, гипотеза разрыва подтверждается для выходцев из ограниченного числа стран, у которых рождаемость имеет особые черты в первые годы после иммиграции.

3.4. Рождаемость мигрантов в Германии

Германия наряду с Великобританией является одним из основных европейских «магнитов» мировой миграции, хотя и заметно отличается от Великобритании по набору стран, откуда миграция идет наиболее активно. Как отмечается в [Cygan-Rehm 2013], в последней трети XX – начале XXI века главными «поставщиками» мигрантов в Германию были Турция, бывшая Югославия, страны Южной Европы и Польша. Рождаемость мигрантов в стране в этот период почти монотонно снижалась, о чем говорят как коэффициенты суммарной рождаемости для условного поколения (таблица 7), так и когортные показатели по выходцам из некоторых стран (таблица 8). Сложность для анализа репродуктивного поведения мигрантов состоит в том, что и в самих странах, откуда в основном шла миграция в Германию, в последней трети XX – начале XXI века рождаемость также заметно снижалась. Снижение рождаемости у мигрантов в такой ситуации, вообще говоря, может рассматриваться либо как результат влияния новых условий, в которые

⁶ На рисунке 7 также даются средние значения возрастных коэффициентов рождаемости для всех женщин, проживающих в Англии и Уэльсе, за 2001-2011 гг. Коэффициенты рождаемости мигрантов для определенного числа лет до или после выезда сравниваются с общестрановым коэффициентом рождаемости для тех возрастов, в которых находится соответствующая группа мигрантов на данном временном расстоянии от момента выезда. Например, коэффициенты рождаемости для мигрантов, въехавших в страну в возрасте 20-24 года, для периода 1-2 года после миграции сравниваются со средним общестрановым коэффициентом рождаемости для женщин 21-25 лет за 2001-2011 гг.

попадают мигранты в принимающей стране, либо как отражение тех изменений репродуктивного поведения, которые имеют место в родных для мигрантов странах.

Таблица 7. Коэффициент суммарной рождаемости женщин с гражданством ФРГ и женщин с иностранным гражданством, проживающих в ФРГ, 1970-2006

	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006
Гражданки ФРГ	2,00	1,34	1,37	1,25	1,37	1,24	1,33	1,30	1,29
Гражданки других государств, зарегистрированные в ФРГ	2,11	2,65	2,36	1,67	2,18	1,81	1,87	1,69	1,66

Источник: Расчеты на основе данных официальной статистики в [Schmid, Kohls 2009].

Таблица 8. Среднее число рожденных детей у мигранток различных когорт в ФРГ

Годы рождения	Страны выезда мигранток				
	Турция	бывшая Югославия	Италия	Греция	Польша
1940 и старше	4,22	2,64	2,50	2,21	н/д
1941-1950	3,70	2,13	2,38	1,93	1,45
1951-1960	3,17	1,97	2,46	2,12	1,61
1961-1965	2,92	1,77	1,79	2,08	1,38

Источник: Расчеты по данным выборочного опроса Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany в [Schmid, Kohls 2009].

Однако некоторые данные дескриптивной статистики указывают на то, что снижение рождаемости среди мигрантов в Германии, по крайней мере отчасти, связано именно с процессами адаптации мигрантов к репродуктивному поведению в принимающей стране. Об этом говорят, в частности, результаты выборочного исследования Sample Survey of Selected Migrant Groups in Germany, 2006-2007 (см. о нем [Schmid, Kohls 2009]). Согласно данным этого исследования, рождаемость у женщин-мигранток заметно падает, если партнер – уроженец Германии, а также если женщина отрицает наличие у себя «сильных эмоциональных связей» с исторической родиной. То есть снижение рождаемости ускоряется благодаря тем факторам, которые ослабляют зависимость женщины от социокультурных норм и образцов поведения, принятых на ее исторической родине.

Исследования, проведенные с помощью статистического анализа, подтверждают наличие адаптационных процессов в репродуктивном поведении мигрантов в Германии. Так, в [Wolf 2014] сопоставляются шансы рождений первого и последующих детей у турецких мигрантов в Германии (на основе данных проведенного в Германии в 2005-2006 гг. международного исследования Generations and Gender Survey). Моделирование показало, что шансы деторождений, особенно первого рождения, сильно повышаются в первые 2-3 года пребывания в Германии, а затем постепенно снижаются. Это, с одной стороны, позволяет предположить, что заметная доля миграций из Турции в Германию совершается с целью создания семьи. С другой стороны, поступательное сокращение шансов в последующие годы согласуется с гипотезой адаптации.

Оригинальные пути проверки гипотез адаптации и социализации предложены в [Milewski 2010]. В этой работе исследуются переходы ко второму и третьему ребенку среди женщин-мигранток 1946-1983 годов рождения, проживавших в Германии по крайней мере какой-то период между 1984 и 2004 г. (работа основана на данных лонгитюдного

исследования German Socio-Economic Panel). Исследуются мигрантки из Турции и из стран Южной Европы.

Автор различает мигранток первого и второго поколения (ко второму поколению относятся как женщины, родившиеся в Германии, если по крайней мере один из их родителей был мигрантом из указанных стран, так и женщины, переселившиеся в Германию в возрасте до 15 лет), а среди мигранток первого поколения – тех, кто переселился в Германию, не имея детей, и тех, кто уже имел хотя бы одного ребенка на момент миграции. Один из основных результатов произведенного автором моделирования состоит в том, что и для второго, и для третьего ребенка шансы деторождения у женщин, мигрировавших в Германию после рождения первого ребенка, значимо выше, чем у женщин, впервые ставших матерью уже после приезда в Германию. У последних, в свою очередь, эти шансы выше, чем у коренных жителей Германии. Это является нетривиальным подтверждением гипотезы адаптации.

Различение мигранток разных поколений позволяет автору сделать интересные выводы относительно действия гипотезы социализации. Эта гипотеза в статье проверяется через сравнение значимости страны происхождения для шансов деторождения у мигранток первого и второго поколения: у мигранток второго поколения в рамках гипотезы социализации эти шансы должны быть ниже, поскольку по крайней мере часть этих мигранток в детстве и юности усваивает социокультурные нормы принимающей страны. Такое предположение, однако, проведенным автором исследованием подтверждается лишь отчасти. Как и ожидается, параметр страны происхождения оказался значимым для мигранток первого поколения при переходе как ко второму, так и к третьему ребенку. Что же касается мигранток второго поколения, то картина оказалась более сложной. Если при переходе *ко второму ребенку* не было обнаружено значимых различий шансов между мигрантками второго поколения (независимо от страны происхождения) и коренными жительницами Германии, то при переходе *к третьему ребенку* у мигранток второго поколения турецкого происхождения шансы оказались значимо и существенно выше, чем у коренных жительниц Германии. Стремясь объяснить это, автор предположил, что для социализации детей мигрантов из Турции в Германии большую роль играет национальная община, в которой они во многом усваивают репродуктивные установки.

Итак, рассмотренные исследования показывают, что в Германии, подобно Великобритании, рождаемость мигрантов показывает эффекты и адаптации, и социализации. При этом подтверждение гипотезы социализации в Германии состоит не в таких значительных разрывах по рождаемости между выходцами из разных стран, как в Великобритании, а в разнице между различными группами населения по условиям перехода к детям второго и третьего порядков.

3.5. Рождаемость мигрантов в Швеции

Интенсивная международная миграция в Швецию наблюдалась на протяжении всей второй половины XX века и продолжается в настоящее время. Швеция отличается большим набором стран, выходцы из которых составляют в ней значительные по размерам диаспоры. Самые «старые» диаспоры образуют выходцы из других скандинавских стран и с Балкан. Позднее крупные диаспоры образовали выходцы из Южной Азии, Африки, стран Ближнего

Востока. На конец 1990-х годов около 17% детей, родившихся в Швеции, были рождены женщинами, которые сами родились за ее пределами.

В [Andersson 2004] рассматривается рождаемость в Швеции среди мигрантов из разных стран. Исследование основано на данных официальной статистики, которые в Швеции содержат информацию о демографических событиях в жизни каждой женщины, хотя бы временно проживавшей в стране с 1968 г. (для более раннего периода автор использует данные переписей населения). Автор показывает, что соотношение рисков деторождения у мигранток и женщин, родившихся в Швеции, разное в зависимости от того, идет ли речь о рождении первого ребенка или последующих детей. Риски рождения первого ребенка на протяжении всего периода с 1961 по 1991 г. у мигранток были выше, чем у коренных жительниц, а рождения второго и третьего детей у двух групп женщин в этот период были весьма близки, обнаруживая при этом почти всегда сходную динамику по календарным годам.

Таблица 9. Относительные риски рождения детей разных порядков у мигранток из различных стран в Швеции относительно коренных жительниц, 1961-1999 гг.

Страна рождения женщины	Риски рождения 1-го ребенка в возрасте до 31 года	Риски рождения 1-го ребенка в возрасте 31 год и старше	Риски рождения 2-го ребенка	Риски рождения 3-го ребенка
Швеция	1	1	1	1
Польша	1,53**	1,31**	0,57**	0,70**
б.Югославия	2,24**	1,08**	0,93**	0,74**
Греция	2,17**	0,98	1,21**	0,72**
Турция	3,67**	1,37**	1,21**	1,87**
Арабские страны	3,84**	1,97**	1,46**	2,55**
Пакистан, Бангладеш, Афганистан	3,06**	1,52**	1,10**	1,84**
Индия, Шри Ланка	1,43**	1,74**	0,88**	1,21**
Филиппины	2,32**	1,60**	0,64**	1,23**
Эфиопия	1,20**	1,07	1,12**	2,16**
Сомали	3,80**	1,52**	2,54**	5,68**

** $p < 0,05$

Источник: Расчеты на основе данных государственной статистики в [Andersson 2004].

Такое сопоставление, однако, можно считать слишком «грубым» потому, что в нем не различаются мигранты из разных стран. Поэтому автор также рассматривает среднегодовые риски рождений первого, второго и третьего ребенка у мигранток из различных государств в сопоставлении с женщинами, родившимися в Швеции. Картина получается очень неоднородной (таблица 9). Самые высокие риски деторождения сравнительно с женщинами, родившимся в Швеции, у мигранток из арабских стран, Пакистана, Бангладеш, Афганистана и Сомали. Также достаточно заметный «отрыв» у мигранток из Филиппин и стран Индокитая. При этом и в страновом разрезе соотношение рисков может быть разным для первого и последующих детей. Так, мигрантки из Югославии более чем в два раза превосходят уроженок Швеции по рискам рождения первого ребенка, но почти сравниваются с ними по рискам рождения последующих детей. Такие данные показывают, что в Швеции мигрантки (по крайней мере, первого поколения)

сохраняют различия по репродуктивному поведению в зависимости от страны происхождения. Это автор рассматривает как подтверждение гипотезы социализации.

Помимо страны происхождения, на шансы деторождения среди мигранток в Швеции влияет длительность времени, проведенного мигранткой в новой для себя стране. Исследование показало, что шансы деторождения по сравнению с женщинами, родившимися в Швеции, значительно выше у мигранток, проводивших в Швеции менее трех лет, т.е. в начальный послемиграционный период. На четвертом году проживания в Швеции и позднее разница по шансам деторождения у мигранток и коренных жительниц заметно уменьшается. Такой эффект наблюдается у женщин практически всех стран происхождения. Он может иметь несколько объяснений, среди которых намеренное откладывание деторождения в период, предшествующий миграции; заключение брака как распространенная цель миграции женщин («брачная миграция»); стремление мигранток как можно скорее родить ребенка, чтобы в более полном объеме пользоваться предоставляемыми в стране проживания социальными услугами. Интересно при этом, что если для Швеции сопоставить шансы рождения детей разных порядков в разные годы после миграции, то выяснится, что наиболее высокие шансы рождения в первые годы по приезде в страну наблюдаются для первого ребенка. Это говорит в пользу предположения о том, что заметная доля международной миграции в Швецию – «брачная». В целом, таким образом, результаты предпринятого Г. Андерссоном анализа указывают на эффекты социализации и разрыва.

В [Andersson, Scott 2005] делается довольно редкая попытка изучить связь рождаемости среди мигрантов с их положением на рынке труда. Швеция отличается от многих европейских стран тем, что у ее жительниц размер трудового дохода и число детей связаны положительно. Это объясняется среди прочего зависимостью размера социальных выплат женщине в первый год после рождения ребенка от размера ее предшествующего заработка. Исследование показало, что у мигрантов из разных регионов мира в Швеции также наблюдается такая позитивная зависимость (исследовалась связь уровня трудового дохода с шансами рождения первого ребенка). Этот результат позволяет автору говорить об эффекте адаптации мигрантов к репродуктивному поведению принимающей стороны, но адаптации не по числу детей или таймингу рождений, а по факторам, на основе которых принимаются репродуктивные решения. Интересно, что подобная адаптация наблюдается у мигрантских сообществ, довольно сильно отличающихся друг от друга по уровню рождаемости, включая и такие, которые явно не адаптировались к общестрановым тенденциям по числу детей.

В целом рождаемость мигрантов в Швеции указывает в первую очередь на важность гипотезы разрыва, что, по-видимому, объясняется большим распространением «брачной» миграции в эту страну. Контрасты между выходцами из разных стран имеют разную выраженность в зависимости от того, о ребенке какой очередности идет речь. Это подтверждает важность учета очередности рождения при проверке гипотезы социализации.

3.6. Рождаемость мигрантов в Италии

По набору стран, выходцы из которых образуют в ней крупные диаспоры, Италия заметно отличается от своих северных соседей по европейскому континенту. Миграция в нее в основном идет из некоторых балканских стран, преимущественно Албании и Румынии, и стран Северо-Западной Африки. Миграция заметно интенсифицировалась в последней четверти XX века.

В [Mussina, Strozza 2012] показана значимость страны происхождения для рождаемости в Италии мигрантов из трех стран – Албании, Марокко и Румынии. Рождаемость мигрантов из этих стран исследуется на основе данных государственной системы регистрации рождений. Выбор стран происхождения связан с тем, что в них по состоянию на середину 2000-х годов фиксировались разные уровни рождаемости (наиболее высокий – в Марокко, наиболее низкий – в Румынии), причем похожее соотношение уровней рождаемости сохранялось и среди мигрантов из этих стран в Италии.

Исследуемая авторами характеристика репродуктивного поведения – шансы рождения второго ребенка в период 2003-2006 гг. у мигранток их трех указанных стран, родивших первого ребенка в 2003 г. Построенные авторами модели показывают, что эти шансы значимо уменьшаются у мигранток из всех трех стран по мере увеличения периода времени, проведенного в Италии. Также значимо снижаются шансы рождения второго ребенка, если партнер является уроженцем Италии. То есть модели подтвердили действие эффекта адаптации. При этом если, наряду с параметрами длительности пребывания в Италии и происхождения партнера, в модель включался параметр происхождения (страны) самой женщины-мигрантки, то этот параметр также оказывался значимым. Этим подтверждается уже наличие эффекта социализации. Оказывается также, что у мигранток, прибывших из стран с более высокой рождаемостью, чем Италия (в данном исследовании – из Албании и Марокко), шансы рождения второго ребенка повышаются, если партнер – уроженец страны, в которой родилась мигрантка. То есть происхождение партнера оказывается важным для того, насколько сильно проявляется эффект социализации.

В данной статье изучено и влияние обстоятельств миграции на репродуктивное поведение. С одной стороны, вполне ожидаемо выяснилось, что если миграция совершена женщиной для создания или воссоединения семьи, то шансы второго деторождения выше, чем в случае трудовой миграции. С другой стороны, оказалось, что получение мигранткой легального статуса в Италии на эти шансы практически не влияет. Это авторы объясняют принятыми в 1998 г. поправками в итальянское законодательство, гарантирующими медицинскую помощь мигрантам независимо от их юридического статуса.

Оригинальный способ оценки гипотезы адаптации, применительно в том числе к миграции в Италию, предложен в [Mussino, van Raalte 2008]. Суть этого способа состоит в том, чтобы сравнить шансы деторождения и значимые для них параметры для мигрантов, въезжающих в какие-либо две разные страны, и для коренного населения этих двух стран. Если обнаружится, что параметры, значимые для шансов деторождения у двух групп мигрантов, совпадают, а параметры, значимые для шансов деторождения у коренного населения данных двух стран, различаются, это позволит говорить о некоей единой репродуктивной «траектории» мигрантов, задаваемой именно самим фактом миграции, а не

особенностями рождаемости в конкретной принимающей стране. Тем самым действенность механизма адаптации к рождаемости принимающей страны была бы поставлена под сомнение, вместо него следовало бы говорить о некоем общем механизме, определяющем репродуктивное поведение мигрантов в противоположность немигрантам безотносительно к стране пребывания. В данной статье сопоставление ограничено мигрантами и коренным населением в России и Италии в конце XX – первые годы XXI века (по данным «волн» крупного международного исследования Generations and Gender Survey – «волна» 2003 г. в Италии и «волна» 2004 г. в России). Обнаружилось, что в двух странах соотношения шансов рождения первого ребенка мигрантами и не мигрантами разные. В Италии у мигрантов шансы деторождения выше, чем у коренного населения, в молодых возрастах и ниже в более старших, а суммарный шанс для мигрантов несколько ниже, чем для коренных жителей. В России (рассматривается в основном миграция из Украины, Белоруссии и Казахстана) у мигрантов ниже шансы деторождения во всех возрастах. При этом в Италии мигранты отличаются от коренных жителей по связи шансов первого деторождения с различными социальными параметрами. А именно, у мигрантов наличие университетского образования увеличивает шанс первого деторождения, а укоренных жителей Италии снижает его. Кроме того, у мигрантов проживание в пригородах мегаполисов значительно снижает шанс деторождения, а у коренных жителей – нет. Что касается России, то там значимых отличий по влиянию социальных параметров на шанс первого деторождения между мигрантами и коренными жителями нет. Однако по самому составу параметров, значимо связанных с шансами деторождения (независимо от «знака» этой связи), мигранты в двух странах между собой почти не отличаются. Это совпадение параметров, значимых для рождаемости мигрантов, вместе с более низкими шансами рождения первого ребенка у мигрантов по сравнению с коренными жителями в обеих странах позволяет говорить о некой общности репродуктивной истории разных мигрантских сообществ. Однако адекватность такого вывода, разумеется, требует проверки на более широком материале.

Итак, хотя Италия – страна более «молодой» миграции, чем, например, Великобритания или Германия, в ней рождаемость мигрантов демонстрирует сходное с указанными странами «переплетение» эффектов адаптации, социализации и разрыва, заставляя предположить, что одновременное проявление этих эффектов в репродуктивном поведении мигрантов – достаточно стабильный для Европы тренд.

3.7. Рождаемость мигрантов в Испании

Испания – еще одна страна сравнительно «новой» миграции. Интенсивная иммиграция в нее началась только в 1980-1990-е годы. В результате, если в 1981 г. общее число иностранных уроженцев в стране составляло около 200 тыс. человек, то к 2007 г. оно выросло до 4,5 млн, составив около 10% от общего населения страны. С 2000 по 2007 г. около 90% общего прироста населения Испании на фоне очень низкой рождаемости местного населения обеспечивалось за счет миграции. Наибольшую долю среди мигрантов составляют выходцы из Латинской Америки, также в 1990-2000-е годы возникли крупные диаспоры выходцев из Африки (как Северной, так и из стран южнее Сахары) и Восточной Европы.

В [Roig Vila, Martín 2007] рассматривается рождаемость среди мигрантов в Испании (в основном с использованием данных переписи населения, проведенной в этой стране в 2001 г.). Как отмечают авторы, рост миграции имел последствия и для рождаемости в стране. В 2005 г. из всех родившихся в Испании 15% составляли дети, чьи матери родились за пределами страны. Рождаемость у мигрантов на рубеже XX-XXI веков была заметно выше, чем у местного населения: в 1998 г. коэффициент суммарной рождаемости у женщин, родившихся в Испании, составил 1,1, а у мигранток – 2,6; в 2002 г. эти показатели составили соответственно 1,2 и 2,1. При этом КСР у выходцев из разных регионов мира в Испании был разным. Так, у мигрантов из Северной Африки в 2002 году он составил 3,8, а у выходцев из Латинской Америки – 1,9. В целом разница в рождаемости между мигрантами разного происхождения соответствует разнице в рождаемости в их родных странах, но эта картина осложняется следующим обстоятельством: если у выходцев из большинства стран в Испании КСР *ниже*, чем в их родных странах, то у выходцев из Марокко, основного североафриканского «поставщика» мигрантов в Испанию, этот показатель почти на единицу *выше*, чем в их родной стране. Это может быть объяснено как более низкой степенью общей адаптации марокканцев по сравнению с другими мигрантами к социокультурным нормам принимающей страны, так и преобладанием среди женщин, выезжающих из этой страны, «брачной миграции».

Построенные авторами модели, однако, показывают, что, несмотря на большие текущие различия по КСР между некоторыми диаспорами и коренным населением Испании, можно прогнозировать очень серьезные адаптационные процессы в «мигрантской» рождаемости. В моделях сопоставляются шансы рождения ребенка в течение года до переписи 2001 г. у коренных жительниц Испании и у женщин, прибывших в Испанию из различных стран. У африканских мигранток эти шансы заметно выше, чем у коренных жительниц Испании (в 2,36 раза выше у мигранток из Северной Африки, в 1,68 раз выше – у мигранток из стран, расположенных южнее Сахары). Однако если в модель включить такие параметры, как возраст женщины, ее брачный статус, образование и число уже имеющих детей, то разница шансов становится гораздо скромнее и для большинства диаспор теряет статистическую значимость. Если различать мигранток также по году прибытия в страну, то значимые отличия от уроженок Испании сохраняются только у тех, кто мигрировал не более чем за шесть лет до переписи.

Таким образом, внешне очень большой разрыв в уровнях рождаемости между коренными испанками и представительницами некоторых диаспор не дает авторам основания утверждать, что различия в рождаемости между мигрантами и коренными жителями Испании будут носить долговременный характер и тем самым подтверждать гипотезу социализации. Эти различия в значительной мере являются производными от «структурных» характеристик диаспор (образования, уровня брачности и др.), которые могут меняться во времени; также эти различия уменьшаются у мигрантов пропорционально сроку проживания в стране. Это подтверждает наличие адаптационных тенденций, а не эффектов социализации.

В [Devolder, Bueno 2012] также рассматривается значение страны происхождения мигранток для их рождаемости в Испании. Используя данные выборочного обследования жительниц Каталонии, проведенного в 2007 г. (Catalan Demographic Survey), авторы

показывают, что у женщин, прибывших из Африки, рождаемость в этой части Испании отличается не только более высоким уровнем во всех возрастах по сравнению с коренными жительницами и мигрантками с других континентов, но и динамикой в послемиграционный период. Так, только у африканок всплеск рождаемости в первые 5 лет после миграции наблюдается даже в том случае, если они въехали в страну в возрасте старше 28 лет (у других мигранток такие всплески также возможны, но только при более молодом возрасте въезда). Это может быть объяснено тем, что миграция африканок чаще, чем миграция других групп, связана с заключением брака или (что более вероятно в старших возрастах) воссоединением семей. Тем самым оказывается, что в рождаемости мигранток с одного из континентов гипотеза разрыва может находить более сильное подтверждение, чем в рождаемости мигранток с других континентов в ту же страну.

Таким образом, рождаемость мигрантов в Испании – пример того, как адаптационные тенденции существуют, но не лежат «на поверхности», т.е. не обнаруживаются через простое приближение уровней рождаемости мигрантов к уровню рождаемости коренного населения. Другой значимый вывод из исследований рождаемости мигрантов в Испании состоит в том, что гипотеза разрыва может в разной степени подтверждаться у выходцев с разных территорий, мигрировавших в одну и ту же страну.

3.8. Рождаемость мигрантов в США

Ниже мы рассматриваем результаты исследований, посвященных только одному из многочисленных миграционных потоков, направляющихся в США, – миграции в эту страну жителей Мексики. Такой выбор обусловлен не только большим размером мексиканской диаспоры в США, но и особенностями рождаемости у этой диаспоры. По мнению ряда исследователей (оспариваемому, впрочем, их оппонентами), динамика рождаемости у жителей США мексиканского происхождения представляет собой один из наиболее серьезных вызовов для гипотезы адаптации. Именно «нестандартные» особенности рождаемости среди мигрантов из Мексики в США оправдывают ее более подробное рассмотрение в настоящем обзоре.

В [Bean et al. 2000] рассматривается рождаемость среди мексиканских мигрантов в США. Особенность рождаемости в этом крупном мигрантском сообществе (на 1990 г. доля детей, рожденных женщинами мексиканского происхождения, среди всех рождений в США составляла 9%, а на 2004 г. – уже 17%) в конце XX века состояла в том, что в нем отличие от «принимающей» страны по уровню рождаемости не уменьшалось поступательно от первого поколения мигранток к последующим. Динамика рождаемости у мигранток в первом, втором и третьем поколении демонстрировала весьма необычную U-образную форму: у мигранток в первом поколении рождаемость была заметно выше американской (что было ожидаемо, поскольку рождаемость в самой Мексике в 1980-1990-е годы была также заметно выше, чем в США), мигрантки во втором поколении несколько сближались с коренными белыми жительницами США по рождаемости, но у мигранток третьего поколения уровень рождаемости вновь возрастал. В таблице 10 показано среднее число детей для мигранток из Мексики в разных миграционных поколениях в возрасте 18-44 года в сравнении с белыми жительницами США не латиноамериканского происхождения по данным проводимых в США Исследований текущего состава населения

(Current Population Surveys) 1986 и 1988 годов (подчеркнем, что в таблице 10 мигрантки сравниваются именно с белыми американками, а не с жительницами США в целом, контраст с которыми был бы не столь велик).

Очевидно, что подъем рождаемости у мигранток третьего поколения не согласуется с гипотезой адаптации, предсказывающей, что каждое следующее поколение мигранток будет все больше уподобляться по репродуктивному поведению большинству жительниц принимающей страны. Методологически важно, однако, что сами по себе цифры, приведенные в таблице 10, не могут служить опровержением гипотезы адаптации. Действительно, нельзя исключать, что женщины детородного возраста среди мигрантов третьего поколения отличаются от таковых среди мигрантов второго поколения по каким-либо социальным («структурным») характеристикам, таким как уровень образования, уровень брачности, доля женщин, чей муж живет и работает за рубежом и др. Различия в рождаемости между поколениями мигрантов в таком случае могут быть связаны с их различиями по этим характеристикам, очевидным образом влияющими на рождаемость, а не с тем, в какой степени они восприняли нормы репродуктивного поведения страны проживания (о возможности такого объяснения см. раздел 1).

Таблица 10. Среднее число детей по данным Исследований текущего состава населения в США, 1986 и 1988

Этническая принадлежность/поколение	Среднее число детей на одну женщину	Соотношение с числом детей у белых американок не латиноамериканского происхождения
Мигранты из Мексики	1,808	1,42
Мигранты в первом поколении:		
мигрировавшие во взрослом возрасте	2,452	1,93
мигрировавшие в детском возрасте	1,553	1,22
Мигранты во втором поколении	1,402	1,10
Мигранты в третьем поколении	1,712	1,35
Белые американки не латиноамериканского происхождения	1,272	1,00

Источник: [Bean et al. 2000].

Чтобы получить более надежные основания говорить о том, что представленные выше данные противоречат гипотезе адаптации, авторы строят линейные регрессионные модели, в которых в качестве зависимого параметра выступает число детей у женщины, а в качестве независимых, наряду с принадлежностью женщины к тому или иному поколению мигрантов, также такие индивидуальные характеристики, как уровень образования, возраст вступления в брак, регион проживания в США и др. Оказалось, что при включении в модель таких социальных характеристик значимость поколения мигрантов, к которому принадлежит женщина, сохраняется, и принадлежность к третьему поколению мигрантов продолжает оказывать «повышающее» влияние на число детей. Получив такой результат, авторы задаются вопросом о том, что же могло стать причиной «отмены» адаптационного сценария и обратного повышения рождаемости. Среди предполагаемых причин они называют разочарование мигрантов в возможности полноценной интеграции в американское общество. Такое разочарование, как полагают авторы, приходит после накопления достаточного семейного опыта жизни в новой стране и ведет к «де-

ассимиляции», т.е. укреплению общинных связей между мигрантами и их возврату к «собственным» поведенческим нормам, включая и нормы репродуктивного поведения. Отметим, что такое объяснение все же не дает ответа на вопрос, почему рождаемость повышается именно у третьего поколения мигрантов.

С тем, что рождаемость среди мексиканских мигрантов в США столь явно противоречит адаптационному сценарию, согласны, однако, не все исследователи. В [Parrado, Morgan 2008] авторы сопоставляют по среднему числу детей разные группы женщин мексиканского происхождения, проживающих в США. Основная идея их исследования состоит в том, чтобы проследить изменения среднего числа детей на одну женщину у мигранток, въехавших в США, и их потомков, проживающих в этой стране. Очевидно, что данные переписей и Исследований текущего состава населения, проведенных в США, не позволяют напрямую выявить потомков каких-либо групп мигрантов среди американского населения. Поэтому авторы, используя данные переписей, проведенных с 1940 по 1970 г., и Исследований текущего населения, проведенных с 1986 по 2004 г., строят предполагаемые «поколенческие» цепочки. Например, женщинам-мигрантам в первом поколении, родившимся в 1905-1909 гг., в качестве *второго поколения* сопоставляются женщины, родившиеся на 25 лет позже (в 1930-1934 гг.), и имеющие хотя бы одного родителя, родившегося в Мексике, а в качестве *третьего поколения* – женщины мексиканского происхождения, которые родились еще на 25 лет позже (в 1955-1959 гг.) и у которых и отец, и мать родились в США. С определенной долей условности женщины из отграниченной таким образом группы мигранток второго поколения могут считаться «дочерьми» мигранток первого поколения, а мигрантки третьего поколения – «внучками» последних.

Разумеется, для того, чтобы провести сопоставление между такими группами женщин, в качестве «исходной точки», т.е. первого поколения, необходимо брать таких мигранток, чьи условные «внучки» уже завершили свой детородный период (поскольку среднее число детей имеет смысл сопоставлять только у таких реальных поколений, у которых этот период завершился или близок к завершению). На конец XX века определенные вышеописанным образом «дочери» и «внучки» были у мигранток первого поколения, родившихся в 1885-1914 гг. Наблюдение за динамикой рождаемости у «дочерей» и «внучек» этих мигранток позволяет увидеть масштабную историческую картину постепенного понижения рождаемости у мексиканских женщин в США в течение XX века. Фрагмент этой картины дан в таблице 11. В ней сначала приводится среднее число детей на одну женщины у мигранток первого поколения (по пятилетним группам) и двух последующих поколений, а также среднее число детей на одну женщину у коренного белого населения США, родившегося в те же годы. Затем отдельно для мексиканских женщин и коренных американок приводятся соотношения среднего числа женщин между «соседними поколениями». Видно, что у мексиканок имеет место снижение рождаемости от поколения к поколению, в том числе и в тех случаях, когда у коренных американок имела место обратная динамика. Так, «дочери» коренных американок, родившихся в 1895-1914 гг., стали поколением «бэби-бума», охватившего страну с 1930-х годов, и соотношение среднего числа детей у них и у их «матерей» было больше единицы; у мексиканок же мигрантки второго поколения даже в период бэби-бума рожали меньше своих «матерей».

Очевидно, что такая система сопоставлений выглядит более «громоздкой», чем простое сопоставление рождаемости у мигрантов разных поколений вне зависимости от их годов рождения (как в таблице 10). Однако, как подчеркивают авторы, именно сопоставляя рождаемость сконструированных поколений родителей и их вероятных детей, можно увидеть те адаптационные тенденции, которые при более грубом анализе не видны.

В целом, таким образом, по долговременным тенденциям рождаемости выходцев из Мексики в США разные исследовательские подходы дают разный ответ на вопрос о том, опровергают ли эти тенденции гипотезу адаптации.

Таблица 11. Изменения рождаемости между поколениями мексиканских мигрантов и коренных белых жительниц США

Годы рождения первого поколения	Среднее число детей на одну женщину к 40-44 годам					
	мексиканки			белые американки		
	первое поколение	второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)	первое поколение	второе поколение (+25 лет к годам рождения первого поколения)	третье поколение (+25 лет к годам рождения второго поколения)
1885-1889	4,8	4,2	4,0	3,0	2,4	2,9
1890-1894	4,7	4,2	3,6	2,8	2,5	2,5
1895-1899	5,1	4,5	3,3	2,7	2,8	2,2
1900-1904	4,9	4,5	2,6	2,6	3,0	2,0
1905-1909	4,8	4,1	2,6	2,4	3,2	2,0
1910-1914	4,3	3,5	2,4	2,4	2,9	2,0
	Соотношение среднего числа детей между поколениями					
	мексиканки			белые американки		
	второе/первое	третье/второе		второе/первое	третье/второе	
1885-1889	0,88	0,95		0,80	1,22	
1890-1894	0,90	0,86		0,92	0,99	
1895-1899	0,89	0,72		1,03	0,80	
1900-1904	0,91	0,58		1,16	0,67	
1905-1909	0,87	0,64		1,31	0,63	
1910-1914	0,80	0,69		1,22	0,69	

Источник: [Parrado, Morgan 2008].

Однако вне зависимости от этого более кратковременные тенденции рождаемости среди мигрантов из Мексики, зафиксированные на рубеже XX-XXI веков, также оказались неожиданными на фоне имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость. Как показано в [Frank, Neuveline 2005], в 1995 г. коэффициент суммарной рождаемости для женщин мексиканского происхождения в США *превысил* этот показатель для Мексики и оставался выше его по крайней мере до 2000 г. Мексиканский коэффициент при этом снижался, а «мигрантский» коэффициент стабильно держался на уровне около 3, оставаясь выше КСР и в США (вопреки гипотезе адаптации), и в Мексике. Очевидно, что эту довольно редкую ситуацию невозможно объяснить сохранением среди мигрантов тех репродуктивных установок, которые они получили в юности на исторической родине (даже если считать, вопреки реальности, что все женщины мексиканского происхождения в США являются мигрантами в первом поколении): такое объяснение годилось бы, если бы «мигрантский» коэффициент держался на уровне мексиканского и повторял его динамику.

То есть в этом случае «не проходит» не только гипотеза адаптации, но и гипотеза социализации.

В [Frank, Neuveldine 2005] сопоставляются возрастные коэффициенты рождаемости у мигранток первого, второго и третьего поколений, а среди мигранток первого поколения – у тех, кто въехал в страну менее шести лет назад, и у тех, кто въехал шесть и более лет назад. Выяснилось, что, с одной стороны, у мигранток в первом поколении, переехавших в США менее шести лет назад, возрастные коэффициенты рождаемости в 1998-2002 гг. во всех возрастах были выше (в среднем по разным возрастам – примерно в полтора раза), чем у мигранток во втором-третьем поколениях, а также у мигранток в первом поколении, проживших с США шесть и более лет. С другой стороны, у мигранток в третьем поколении коэффициенты рождаемости в молодом возрасте (20-24 года) оказались существенно выше, чем у мигранток второго поколения и у мигранток первого поколения «со стажем»; в более старших возрастах, однако, коэффициенты рождаемости у этой группы заметно снижались.

Эта повышенная рождаемость в первые годы пребывания в США согласуется с гипотезой разрыва, которая, впрочем, не объясняет упомянутый более высокий уровень «мигрантского» КСР относительно коренного населения США и относительно жителей Мексики. Чтобы показать, что повышенная рождаемость в первые годы после въезда – новое явление, в статье сопоставляются модели, демонстрирующие влияние миграционной истории на общее число детей у женщины, построенные по данным за 1998-2002 гг., с моделями, построенными по данным за 1986-1988 гг. Из сопоставления моделей в таблице 12 видно, что еще в 1986-1988 гг. принадлежность к группе мигранток первого поколения, проведенных в США менее шести лет, не была значимо связана с большим числом детей. Повышение рождаемости «новых» мигранток в конце 1990-х годов авторы объясняют последствиями принятия в 1986 г. в США Акта реформы и контроля иммиграции (Immigration Reform and Control Act), вскоре после которого многие нелегальные мигранты получили в США законный статус. Среди мигрантов из Мексики в США в конце 1990-х годов, по мнению авторов, было много женщин, въезжавших в страну для воссоединения со своими легализовавшимися партнерами, и именно это увеличение «брачной» миграции «подняло» рождаемость новых мигранток.

Что касается высокой рождаемости мигранток третьего поколения (соотношение шансов в таблице 12 подтверждает U-образное соотношение рождаемости между первым, вторым и третьим поколениям), то авторы [Frank, Neuveldine 2005] объясняют ее особыми социально-экономическими условиями, в которых находится в США значительная часть женщин мексиканского происхождения (более низкий, чем в среднем по стране, уровень доходов; большая доля проживающих в арендуемом жилье и пр.). Именно эти условия могут быть причиной более раннего прекращения образования и более раннего вступления в партнерские отношения (часто не регистрируемые). Отметим, однако, что это объяснение никак не предсказывает контрастов по рождаемости между вторым и третьим поколениями.

При этом, как показано в других исследованиях, необычные особенности рождаемости испаноязычных мигранток в США по крайней мере отчасти могут быть артефактом некорректных подсчетов. Так, в [Parrado 2010] рассматривается рождаемость мигрантов, прибывших из Латинской Америки и Мексики в США на рубеже XX-XXI веков.

Автор сначала анализирует данные по рождаемости среди мигрантов в США из Латинской Америки и Мексики в сравнении с рождаемостью у женщин, остающихся в указанных странах. При расчете коэффициента суммарной рождаемости для трех групп мигранток в качестве числителя выступает число рождений у женщин латиноамериканского происхождения по данным Национального Центра Медицинской Статистики (NCHS) США, в качестве знаменателя – число женщин указанного происхождения по данным National Census Bureau США. Оказывается, что КСР для всех трех групп женщин-мигранток, подсчитанный на основе этих данных, в 2000-е годы был заметно выше, чем для женщин в их родных странах. Однако, как показывает автор, эти высокие КСР могут быть «артефактом» статистики: общая численность женщин-мигранток с большой вероятностью занижена National Census Bureau, что связано с трудностями оперативного текущего учета лиц, прибывающих в страну. Это занижение ведет к уменьшению знаменателя при расчете КСР для мигранток и, как следствие, к завышению самого коэффициента. Такое предположение подтверждается и тем, что КСР, подсчитанные на основе выборочных опросов мигрантов из Мексики, ниже, чем КСР, подсчитанные на базе официальных источников.

Таблица 12. Влияние миграционного статуса женщины на общее число детей у нее: соотношения шансов (odds ratio) в регрессии Пуассона (США, 1986-1988 и 1998-2002)

Группа	Odds ratio в 1986-1988 гг. (в сопоставлении с белыми женщинами не латиноамериканского происхождения)	Odds ratio в 1998-2002 гг. (в сопоставлении с белыми женщинами не латиноамериканского происхождения)
Белые не латиноамериканского происхождения	1	1
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США не более шести лет назад	1,105	1,274
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 7-11 лет назад	1,732	1,621
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 12-16 лет назад	2,003	1,892
Женщины мексиканского происхождения, переехавшие в США 17 и более лет назад	-	2,088
Женщины мексиканского происхождения – мигранты второго поколения в США	1,064	0,879
Женщины мексиканского происхождения – мигранты третьего поколения в США	1,342	1,320
N	49749	65787

Примечание: $p < 0,01$

Источник: [Frank, Heuveline 2005].

В целом рождаемость мексиканских мигрантов в США, по-видимому, служит примером того, что реальные тенденции переселенческой рождаемости могут быть сложнее, чем те, которые предсказываются имеющимися четырьмя гипотезами. Другой «урок» из исследований этого феномена касается степени зависимости результатов изучения репродуктивного поведения мигрантов от используемых источников данных.

3.9. Рождаемость мигрантов в Австралии

Согласно переписи 1991 г., мигранты составляли около 22% населения Австралии, или 3,7 млн. человек. Более половины мигрантов из Европы составляли выходцы из Великобритании и Ирландии. Также в стране имеются значительные диаспоры из Италии, Польши, Германии, Нидерландов, Греции. Миграция из Европы в Австралию в последней четверти XX века отличалась от многих других миграционных потоков новейшего времени тем, что рождаемость в странах, откуда шла эта миграция, не превышала значительно рождаемости в принимающей стране или даже была ниже ее. Именно это делает миграцию в Австралию «нестандартным» случаем, на котором проверка гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости представляет особый интерес. Эта проверка выявила ряд тенденций, не наблюдаемых в тех странах, о которых речь шла ранее.

В [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002] рассматривается рождаемость среди европейских мигрантов в Австралии. Цель исследования состоит в том, чтобы сопоставить динамику рождаемости в диаспорах и в странах, откуда прибыли мигранты, и тем самым проверить применительно к Австралии имеющиеся гипотезы о взаимосвязи миграции и рождаемости.

Используя данные австралийских переписей, авторы подсчитывают коэффициенты суммарной рождаемости для диаспор из различных стран с различием:

- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте старше 15 лет;
- мигрантов первого поколения, въехавших в страну в возрасте младше 14 лет («полуторное» поколение мигрантов);
- мигрантов второго поколения (родившихся в Австралии, но имеющих мигранта первого поколения хотя бы одним из родителей).

Коэффициенты суммарной рождаемости, посчитанные для этих групп, сопоставляются с соответствующими коэффициентами в странах, откуда прибыли мигранты (сопоставление отдельно проводится для 1977-1981, 1982-1986, 1987-1991 гг.; таблица 13).

Ряд результатов этого сопоставления лишь подтверждает адекватность тех гипотез, об успешной проверке которых на другом материале мы писали выше. Так, рождаемость у мигрантов второго поколения в целом ближе к рождаемости коренных австралийцев, чем у мигрантов первого поколения. Мигранты первого поколения, въехавшие в страну в возрасте до 15 лет, в целом ближе по уровню рождаемости к принимающей стране, чем мигранты, въехавшие во взрослом возрасте. Все это подтверждает гипотезу адаптации. Особенность Австралии здесь состоит лишь в том, что адаптация может идти и «вверх», с повышением рождаемости ко второму поколению мигрантов. Например, у мигрантов первого поколения из Польши КСР был на 0,3 ниже австралийского, а у мигрантов второго поколения этот разрыв уменьшался. Авторы, впрочем, полагают, что применительно к польским мигрантам здесь можно говорить о подтверждении не гипотезы адаптации, а гипотезы разрыва: низкая рождаемость у польских мигрантов в первые годы, проведенные в Австралии, может быть объяснена тем, что в 1970-1980-е годы для многих из них миграция была сопряжена со значительными трудностями фактического бегства с коммунистической родины.

Таблица 13. Коэффициенты суммарной рождаемости для мигрантов из некоторых стран в Австралии в сравнении и их исторической родиной, 1977-1991

Страна	Период	КСР в стране, откуда прибыли мигранты	Мигранты в первом поколении	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну в возрасте 15 лет и старше	Мигранты в первом поколении, прибывшие в страну в возрасте до 15 лет	Мигранты во втором поколении
Греция	1977-81	2,2	2,3	3,0	2,4	1,9
	1982-86	1,8	1,7	2,2	1,7	1,6
	1987-91	1,4	1,6	2,0	1,5	1,5
Нидерланды	1977-81	1,5	1,9	1,8	2,6	2,4
	1982-86	1,5	1,6	1,8	2,2	2,5
	1987-91	1,5	1,6	1,8	1,9	2,2
Польша	1977-81	2,2	1,6	1,6	1,9	1,9
	1982-86	2,3	1,6	1,7	1,7	1,7
	1987-91	2,2	1,5	1,7	1,6	1,6

Источник: Расчеты по данным переписи населения Австралии 1991 г. в [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002].

Однако более интересная динамика, не соответствующая ни одной из существующих гипотез о влиянии миграции на рождаемость, наблюдается для рождаемости мигрантов из Греции и Нидерландов. Рождаемость мигрантов из Нидерландов в Австралии неожиданно возрастает по сравнению как с их исторической родиной, так и с принимающей страной, и особенно заметен этот рост ко второму поколению (таблица 13). В упомянутой статье показано, что это объяснимо социальными особенностями нидерландских мигрантов. Среди этих мигрантов в Австралии велика доля тех, кто селится там за пределами крупных городов. Кроме того, от первого поколения нидерландских мигрантов ко второму более чем на 10 п.п. сокращается доля имеющих профессиональное образование. По-видимому, среди мигрантов из Нидерландов в Австралию велика доля тех, кто нацелен на сельский образ жизни и многодетность, определенного рода «дауншифтинг» по сравнению с образом жизни, преобладающим на исторической родине. То есть имеет место селективность, противоположная той, которая наблюдается при миграции из развивающихся стран в развитые, что показывает разнообразие конкретных проявлений селективности.

Рождаемость мигрантов из Греции в Австралии во многом повторяет динамику рождаемости на их исторической родине, как раз в 1970-1980-е годы испытавшей значительный спад репродуктивной активности. Эта динамика повторялась у мигрантов и первого, и второго поколений. Такую «параллель» с динамикой рождаемости на исторической родине невозможно считать простым подтверждением гипотезы социализации: мигранты не демонстрировали нормы репродуктивного поведения, предположительно усвоенные ими в детстве. Скорее, они во взрослом возрасте «улавливали» тренды рождаемости на своей исторической родине. С точки зрения авторов, необычная динамика рождаемости в греческой диаспоре связана с тесными связями с исторической родиной, характерными для этой диаспоры.

3.10. Внутрискановая миграция и рождаемость: исследования по отдельным странам

Ниже излагаются результаты исследования рождаемости у «внутренних» мигрантов ряда стран. Отобраны такие исследования, в которых предлагаются выводы о том, в какой мере динамика рождаемости «внутренних» мигрантов соответствует имеющимся гипотезам о взаимосвязи миграции и рождаемости. Рассматриваемые исследования посвящены внутрискановой миграции на Филиппинах, в Таиланде, Киргизии, Австрии и Польше.

В [Jensen, Ahlburg 2004] на примере внутренней миграции на Филиппинах по данным выборочной переписи населения, проведенной в этой стране в 1993 году, оцениваются гипотезы о разных причинах изменения репродуктивного поведения женщин после миграции. Авторы в основном сосредоточены на выборе из двух объяснительных гипотез. Одна соответствует «классической» гипотезе адаптации, согласно которой после переезда в город мигранты меняют репродуктивное поведение под действием норм, регулирующих его на принимающей территории. Альтернативная гипотеза, рассматриваемая авторами, связывает изменения в репродуктивном поведении мигрантов исключительно с экономическими условиями, с которыми они сталкиваются в послемиграционный период. Наибольшее значение, по мнению авторов статьи, в рамках этой гипотезы имеет такой фактор, как занятость женщины на рынке труда после миграции, поскольку наличие работы увеличивает «потери возможностей» (opportunity costs) для женщины при деторождении.

Оценивая две описанные гипотезы, авторы проводят разделение типов миграции в исследуемом ими массиве данных. Эти типы определяются двумя признаками:

1. Изменение среды проживания после миграции. Здесь выделяется миграция из «менее городских» на «более городские» территории, которая противопоставляется прочим видам миграции.
2. Связь миграции с работой. «Рабочей» миграцией считается такая, в течение максимум двух месяцев после которой женщина получила работу по новому месту проживания. Введение столь жесткого временного критерия авторы объясняют тем, что им важно определение целей миграции, и только миграция, за которой столь быстро последовало трудоустройство, может без большого риска ошибки считаться миграцией, исходной целью которой было получение работы.

На основе данных выборочной переписи населения Филиппин в статье строится модель, где в качестве зависимой переменной выступают шансы деторождения у женщин-мигранток с разными наборами социальных характеристик. Среди этих характеристик уровень образования женщины и ее мужа, уровень благосостояния семьи (определяемый индексным методом), тип миграции по среде проживания (логическая переменная: миграция из «менее городских» в «более городские» условия vs. остальные типы миграции) и тип миграции по целям (логическая переменная: «рабочая» миграция vs. остальные типы миграции).

Показано, что высокий уровень образования мужа и жены в семье мигрантов ожидаемо уменьшает шансы деторождения у мигрантов. Уровень материального

благополучия семьи, напротив, позитивно связан с вероятностью деторождения у этой группы населения. При переселении в «более городскую» среду шансы деторождения меньше, чем при других типах миграции. Однако цель миграции оказывается значительно более «сильным» параметром в построенной модели. Если с другими включенными в модель параметрами связаны колебания шансов деторождения не более чем на 25%, то миграция, после которой женщина получила по новому месту жительства работу в двухмесячный срок, связана с уменьшением шансов последующих деторождений более чем в два раза.

На основании этого авторы делают вывод, что применительно к внутренней миграции на Филиппинах в конце XX века более верен такой объяснительный подход, при котором изменение репродуктивного поведения мигрантов рассматривается не как результат простого восприятия стандартов поведения, действующих на новой территории проживания, а как результат экономически мотивированного выбора.

В [Goldstein, Goldstein 1981] рассматривается влияние внутристрановой миграции на рождаемость в Таиланде в 1960-е годы (на основе данных переписи 1970 г.). В этот период в Таиланде имела место массовая миграция сельского населения в города, прежде всего – в стремительно развивавшийся Бангкок. В статье, ставшей для многих последующих исследователей примером различения нескольких независимых друг от друга тенденций, определяющих рождаемость среди мигрантов, показано, с одной стороны, общее сокращение рождаемости у переселенцев в города по сравнению с сельским населением. Очевидно, что это сокращение подтверждает гипотезу адаптации. С другой стороны, в первоначальный период пребывания в городской среде (продолжительностью примерно в год) рождаемость сельских мигрантов переживает всплеск, затем постепенно приближаясь к рождаемости коренных горожан. Исключение составляют лишь мигрантки, устраивающиеся в городах на наемную работу. Авторы не позиционируют свой вывод о послемиграционном всплеске рождаемости по отношению к основным имеющимся гипотезам о взаимосвязи миграции и рождаемости, но, видимо, этот вывод позволяет говорить либо об эффекте селективности, проявляющемся до миграции (женщины откладывают рождаемость при подготовке к миграции в город, а затем «наверстывают» ее сразу после переезда), либо об эффекте разрыва (если принять, что большая доля женщин мигрирует в города с целью создания семьи и поэтому приступают к деторождению сразу после миграции). Вывод из статьи, важный для социальной политики, состоит в том, что этот «всплеск» рождаемости у мигрирующих в города может быть кратковременным, тем самым ограничивая влияние мигрантов на общую численность населения городов (прогнозы о «взрывном» росте городов из-за переселения туда сельских жителей, воспроизводящих репродуктивные установки села, были весьма распространены в Юго-Восточной Азии в 1960-1970-е годы).

В [Nedoluzhko, Agadjanian 2009] рождаемость в Киргизии исследуется во взаимосвязи с двумя процессами: внутренней миграцией и брачностью. Используется подход, разработанный в [Ноем, Nedoluzhko 2008] (см. раздел 2.2), который позволяет рассматривать шансы деторождения на разном временном удалении от того или иного события в зависимости от того, предшествовало ли тому событию какое-либо третье событие. Исследование основано на данных выборочного опроса «Брачность, рождаемость

и миграция в Киргизии», проведенного в 2005 г. и охватившего 775 мужчин и 771 женщину в возрасте от 18 до 29 лет. В моделях пропорциональных рисков отдельно рассматриваются шансы первого деторождения через разное количество месяцев после миграции (1) для тех женщин, кто мигрировал после замужества, (2) для тех, кто мигрировал, но никогда не состоял в зарегистрированном браке и (3) для тех, кто мигрировал одновременно с выходом замуж (у последней группы женщин временное расстояние деторождения от миграции и от вступления в брак, очевидно, совпадает). Кроме того, рассматриваются шансы первого деторождения через разное количество месяцев после вступления в брак (1) для тех женщин, кто никогда не мигрировал и (2) для тех женщин, кто мигрировал до замужества. Всего, таким образом, имеется пять групп женщин, и для них шансы первого деторождения сопоставляются по разным месяцам с шансами деторождения у тех женщин, которые никогда не мигрировали и не были замужем. Оказывается, что у замужних женщин с тремя разными миграционными историями (никогда не мигрировавших, мигрировавших до замужества и мигрировавших одновременно с вступлением в брак) шансы деторождения очень близки. То есть на «старт» деторождения после замужества факт миграции влияет мало. Одновременная демонстрация авторами того, что разные этнические группы жителей Киргизии имеют разные шансы первого и второго деторождений, а также вступления в брак, позволяет предположить, что в Киргизии на момент исследования брачно-репродуктивное поведение женщин определялось в большей степени этнокультурной средой, в которой пребывает женщина, а внутренняя миграция эту среду часто не меняла. У женщин, мигрировавших после вступления в брак, наблюдается необычно большая концентрация шансов первого деторождения у замужних женщин в первые месяцы после миграции. Это заставляет предположить, что внутренняя миграция замужних женщин в Киргизии в исследуемый период часто была связана с ожиданием первого ребенка (один из возможных сценариев – воссоединение семьи перед рождением первенца; его распространенность подтверждается обнаруженным авторами высоким риском миграции за три-пять месяцев до рождения ребенка). Наконец, шансы деторождений у женщин, совершивших миграцию, но никогда не состоявших в браке, на всех временных отрезках существенно ниже, чем у четырех других рассматриваемых групп женщин, однако наиболее высоки они в первый год после миграции, что, как предполагают авторы, связано с распространенностью миграции с целью заключения нерегистрируемого (возможно, оформляемого только по канонам религии) союза. В целом статья убедительно показывает возможности применения к исследованию взаимосвязи миграции и рождаемости моделей, основанных на «треугольнике» событий (миграция, вступление в брак, рождение ребенка). Такие модели позволяют увидеть нетривиальные взаимосвязи между миграционной и брачно-репродуктивной «историями» женщины.

В [Kulu 2006] исследуется влияние внутренней миграции на рождаемость у женщин 1940-х – 1970-х годов рождения в Австрии и Польше. В целом исследование подтвердило, что влияние внутренней миграции на рождаемость укладывается в рамки тех же тенденций (гипотез), что и в случае международной миграции. При этом влияние миграции оказывается разным в зависимости от типов населенных пунктов, между которыми совершается миграция. Так оказалось, что у женщин, мигрирующих в любые населенные пункты, кроме крупных городов, в первые годы после миграции шансы деторождения заметно выше, чем у коренных жительниц тех населенных пунктов, в которые они

мигрировали. Это заставляет предположить большую долю «брачной» миграции. Однако при миграции в крупные города эффект обратный (особенно заметен он в Австрии): первые годы жизни в крупном городе сопровождаются резким падением шансов деторождения. Здесь, по мнению автора, наблюдается эффект «разрыва», связанный с трудностями интеграции в среду крупного города. То есть направление внутренней миграции во многом предопределяет и эффект, который она будет иметь на рождаемость.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Подведем итоги. Рассмотренные нами исследования рождаемости мигрантов в отдельных странах подтверждают предположение о том, что ни одна из гипотез о взаимосвязи миграции и рождаемости, изложенных в Разделе 1, не является универсально верной. Каждая из этих гипотез нашла подтверждения по крайней мере в каких-то исследованиях. При этом часто в динамике рождаемости одного и того же сообщества мигрантов можно было видеть подтверждение сразу нескольких из этих гипотез. Из этого вытекает, что дальнейшей задачей изучения рождаемости у мигрантов должно стать выяснение для каждой из имеющихся гипотез о влиянии миграции на рождаемость тех условий, при которых с наибольшей вероятностью реализуется заданный ей сценарий. На данный момент эта задача весьма далека от решения.

Вместе с тем на основе рассмотренных исследований можно сделать ряд выводов о том, какая информация о мигрантском сообществе и репродуктивном поведении его членов необходима, если делается попытка изучить взаимосвязь миграции и рождаемости.

Во-первых, объектом исследования должна быть рождаемость не только у тех, кто совершил миграцию, но и у их потомков. Последние также могут заметно отличаться по репродуктивному поведению от принимающей стороны. Отдельного внимания заслуживает также рождаемость у мигранток так называемого «полуторного» поколения, т.е. совершивших миграцию до начала репродуктивного периода.

Во-вторых, важным для рождаемости параметром является не только статус женщины как мигранта, но и число лет, проведенных на новой территории.

В-третьих, связь миграции и рождаемости может быть обнаружена еще до события миграции. Поэтому, наряду с сопоставлением рождаемости в мигрантском сообществе и на территории, с которой совершена миграция, важны данные о «домиграционной» рождаемости самих мигрантов.

В-четвертых, при анализе рождаемости необходим учет целей, с которыми совершается миграция (миграция трудовая, «брачная» и др.), а также интенсивности социальных связей внутри мигрантского сообщества и между мигрантским сообществом и жителями его «исторической родины».

В-пятых, нет универсально верного ответа на вопрос о том, «сводимо» ли влияние миграции на рождаемость к влиянию меняющихся в результате миграции социально-экономических условий; роль последних почти всегда велика, но далеко не всегда они могут полностью объяснить разницу в рождаемости между мигрантами и коренными

жителями принимающей территории (или соотечественниками мигрантов, оставшимися на родине).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит С.В. Захарова и В.А. Козлова за ценные замечания и советы в ходе работы над статьей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдяк А.Я. (2007). Применение метода «анализа наступления события» (event history analysis) с помощью пакета SPSS // *Spero*. 6: 189-202.
- Захаров С.В., С.В. Сурков (2009). Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. 2 / Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 45-118.
- Сток Дж., М. Уотсон (2015). Введение в эконометрику. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 836 с.
- Abbasi-Shivazi M., P. McDonald (2002). A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // *Genus*. 58(1): 53-76.
- Adsera A., A. Ferrer, W. Sigle-Rushton, B. Wilson (2012). Fertility patterns of child migrants: age at migration and ancestry in comparative perspective // *The annals of the American Academy of political and social science*. 643: 160-189.
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International migration review*. 38(2). 747:774.
- Andersson G., K. Scott (2005). Labor market status and first time parenthood: the experience of immigrant women in Sweden, 1981-1997 // *Population studies*. 59(1): 21-38.
- Andersson G., L. Persson (2014). Childbearing among the descendants of immigrants in Sweden // *Stockholm Research Reports in Demography 2014*: 17. URL: http://www.suda.su.se/polopoly_fs/1.290333.1467894911!/menu/standard/file/SRRD_2014_17.pdf (дата обращения: 20.07.2017).
- Andersson G., L. Persson, O. Obućina (2017). Depressed fertility among descendants of immigrants in Sweden // *Demographic research*. 36 (39). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/39/36-39.pdf> (дата обращения: 20.07.2017).
- Arnaldo C. (2004). Ethnicity and marriage patterns in Mozambique // *African population studies*. 19(1): 143-164.
- Bach R.L. (1981). Migration and fertility in Malaysia: a tale of two hypotheses // *The international migration review*. 15(3): 502-521.
- Bean F., C. Gray Swicegood, R. Berg (2000). Mexican-Origin fertility: new patterns and interpretations // *Social science quarterly*. 81(1): 404-420.
- Bogovos C., C. Tsimbos, G. Verropoulou (2008). Native and migrant fertility patterns in Greece: a cohort approach // *European journal of population*. 24: 245-264.
- Booth H. (2010). Ethnic differentials in the timing of family formation: a case study of the complex interaction between ethnicity, socioeconomic level, and marriage market pressure //

- Demographic research. 23 (7). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol23/7/23-7.pdf> (дата обращения: 20.07.2017).
- Brockerhoff M., H. Eu (1993). Demographic and socioeconomic determinants of female rural to urban migration in Sub-Saharan Africa // *International migration review*. 27(3): 557-577.
- Codjoe S.N.A. (2007). Varying effect of fertility determinants among migrant and indigenous females in the transitional agro-ecological zone of Ghana // *Geografiska annaler. Series B, Human geography*. 89(1): 23-37.
- Coleman D.A., S. Dubuc (2010). The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006 // *Population studies*. 64(1): 19-41.
- Cortina C., A. Esteve, A. Domingo (2008). Marriage patterns of the foreign-born population in a new country of immigration: the case of Spain // *International migration review*. 42(4): 877–902.
- Courgeau D. (1985). Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *European sociological review*. 1(2): 139-162.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (eds.) (2012). *The European second generation compared: does the integration context matter?* Amsterdam: Amsterdam university press. 437 с.
- Cygan-Rehm K. (2013). Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW discussion paper series*. 04. 45 с.
- Devolder D., X. Bueno (2012). Effects of migration on fertility patterns for non-native women in Spain // Paper presented at the EPC conference. Stockholm. 13–16 June.
- Dribe M., C. Lundh (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005 // *International migration review*. 45(2): 297–324.
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence // *Population and development review*. 38(2): 353-388.
- Elder Jr.G.H. (1985). Perspective on the life course // *Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980* / Elder Jr.G.H., ed. Ithaca: Cornell University Press: 23–49.
- Forste R., M. Tienda (1996). What's behind racial and ethnic fertility differences // *Population and development review*. 22 (Suppl.): 109-133.
- Frank R., P. Heuveline (2005). A cross-over in Mexican and Mexican-American fertility rates: evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic research*. 12 (4): 77-104.
- Giele J.Z., Jr.G.H. Elder (1998). Life course research: development of a field // *Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches* / J.Z. Giele, Jr.G.H. Elder, eds. Thousand Oaks: Sage Publications: 5–27.
- Goldscheider C. (1971). *Population, modernization, and social structure*. Boston: Little, Brown & Company. 345 p.
- Goldscheider C., P. Uhlenberg (1996). Minority group status and fertility // *American journal of sociology*. 74(2): 361-372.
- Goldstein S. (1978). Migration and fertility in Thailand, 1960-1970 // *Canadian studies in population*. 5: 167-180.
- Goldstein S., A. Goldstein (1981). The impact of migration on fertility: an 'Own children' analysis for Thailand // *Population studies*. 35(2): 265-284.
- Goldstein S., A. Goldstein (1983). *Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data*. Santa Monica: Rand Corporation. 138 p.

- Goldstein S., P. Tirasawat (1977). The fertility of migrants to urban places in Thailand. 43. East-West population institute: East-West Center: Honolulu.
- Gore D.L., E. Carlson (2010). Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population studies*. 64(2): 179-191.
- Guilmoto C.Z., S. Rajan (2001). Spatial patterns of fertility transitions in India districts // *Population and development review*. 27(4): 713-738.
- Gyimah S.O. (2005). The dynamics of timing and spacing of births in Ghana // *Journal of comparative family studies*. 36(1): 41-60.
- Haller W.J., A. Portes, S. Lynch (2011). Dreams fulfilled, dreams shattered: determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation // *Social forces*. 89(3): 733-762.
- Hendershot G.E. (1971). City migration and urban fertility in the Philippines // *Philippines sociological review*. 19: 183-193.
- Hervitz H. (1985). Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The international migration review*. 19(2): 293-317.
- Hill L., H. Johnson (2004). Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics // *Social science quarterly*. 85(3): 811-826.
- Hoem J.M., A. Nedoluzhko (2008). Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic research*. 18 (21): 611-628.
- Holland J.A., H.A.G. de Valk (2013). Ideal ages for family formation among immigrants in Europe // *Advances in life course research*. 18(4): 257-269.
- Huschek D., H.A.G. de Valk, A.C. Liefbroer (2012). Partner choice patterns among the descendants of Turkish immigrants in Europe // *European journal of population*. 28(3): 241-268.
- Jensen E.R., D.A. Ahlburg (2004). Why does migration decrease fertility? Evidence from the Philippines // *Population studies*. 58(2): 219-231.
- Kley S. (2011). Explaining the stages of migration within a life-course framework // *European Sociological Review*. 27(4): 469-486.
- Klimek Ł. (2017). Migration and fertility. Polish migrant families in Ireland and non-migrant families in Poland: a comparison of fertility plans and behaviour // *Central and Eastern European migration review*. 6(2): 5-30.
- Krapf S., K. Wolf (2015). Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany // *Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie*. 67: 137-164.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European journal of population research*. 21: 51-87.
- Kulu H. (2006). Fertility of internal migrants: comparison between Austria and Poland // *Population, space and place*. 12: 147-170.
- Kulu H., A. Gonzalez-Ferrer (2014). Family dynamics among immigrants and their descendants in Europe: current research and opportunities // *European journal of population*. 30: 411-435.
- Kulu H., N. Milewski (2007). Family change and migration in the life course: an introduction // *Demographic research*. 17 (19): 567-590. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol17/19/default.htm> (дата обращения: 17.07.2017).

- Kulu H., T.Hannemann (2016). Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic research*. 35 (49): 1441-1488 URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (дата обращения: 17.07.2017).
- Lee B.S., L. Pol (1993). The influence of rural-urban migration on migrants' fertility in Korea, Mexico and Cameroon // *Population research and policy review*. 12(1): 3-26.
- Lee B.S., S.C. Farber (1984). Fertility adaptation by rural-urban migrants in developing countries: the case of Korea // *Population studies*. 38(1): 141-155.
- Lee B.S., S.C. Farber (1985). The influence of rapid rural-urban migration on Korean National fertility levels // *Journal of development economics*. 17: 47-71.
- Lindstrom D.P. (2003). Rural-urban migration and reproductive behavior in Guatemala // *Population research and policy review* 22: 351-372.
- Massey D.S., B.P. Mullan (1984). A demonstration of the effect of seasonal migration on fertility // *Demography*. 21(4): 501-517.
- Mayer J., T. Riphahn (2000). Fertility assimilation of migrants: evidence from count data models // *Journal of population economics*. 13(2): 241-261.
- Milewski N. (2010). Immigrant fertility in West Germany: is the reasocialization effect in transitions to second and third births // *European journal of population*. 26(3): 297-323.
- Milewski N. (2011). Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in life course research*. 16: 178-189.
- Moultrie T., R. Dorrington, A. Hill, K. Hill, J. Timæus, B. Zaba (2013). Tools for demographic estimation. UISSP. 433 с.
- Mulder C., M. Wagner (1993). Migration and marriage in the life course: a method for studying synchronized events // *European journal of population*. 9(1): 55-76.
- Mussino E., A. van Raalte (2008). Fertility of migrants: a comparative study between Italy and Russia // *MPIDR Working Paper*. 2008-026. 24 с.
- Mussino E., S. Strozza (2012). Does citizenship still matter? Second birth risks of migrants from Albanina, Marocco and Romania in Italy // *European journal of population*. 28(3): 269-302.
- Nedoluzhko L., V. Agadjanian (2009). Marriage, child-bearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring ibterdependencies // *MPIDR Working Papers*. 2009-003. 28 с.
- Pailhé A. (2015). The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm university families and societies working papers*. 39: 98-127.
- Parrado E., P. Morgan (2008). Intergenerational fertility among Hispanic women: new evidence of immigrant assimilation // *Demography*. 45(4): 651-671.
- Parrado E.A. (2010). How high is Hispanic/Mexican fertility in the U.S.? Immigration and tempo considerations // *PSC Working Paper Series*. 18. 41 с.
- Puur A., L. Rahn, L. Abuladze, L. Sakkeus, S. Zakharov (2017). Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // *Demographic research*. 36 (41). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/41/36-41.pdf>. (дата обращения: 11.07.2017).
- Ram B., M. George (1990). Immigrant fertility patterns in Canada, 1961-1986 // *International migration*. 35(4): 413-426.

- Retherford R.D., L.J. Cho (1987). Age-parity-specific birth rates and birth probabilities from census or survey data on own children // *Population studies* 32(3): 567–581.
- Ribe H., T.P. Schultz (1980). Migration and native fertility in Columbia in 1973: are migrants selected according to their reproductive preference? // *Center discussion paper*. 355. Economic growth center: Yale university: New Haven. 66 с.
- Robards J., A. Berrington (2016). The fertility of recent migrants to England and Wales // *Demographic research*. 34 (36). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol34/36/34-36.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).
- Roig Vila M., T.C. Martín (2007). Childbearing patterns of foreign women in a new immigration country: the case of Spain // *Population*. 62(3): 351–379.
- Schmid S., M. Kohls (2009). Reproductive behavior of migrant women in Germany: data, patterns and determinants // *Vienna yearbook of population research*: 39-61.
- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // *Population and development: The search for selective interventions* / Ridker R.G., ed. Baltimore: Johns Hopkins university press. 239-289.
- Singley S., N. Lindale (1998). Incorporating origin and process in migration-fertility frameworks: the case of Puerto Rican woman // *Social forces* 76(4): 1437-1464.
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic research*. 19 (9). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/19-9.pdf>. (дата обращения: 10.07.2017).
- Sobotka T. (2017). Migrant fertility in Europe: accelerated decline during recession Period // Conference “The fertility of migrants and minorities” (Hannover, February 6-8, 2017).
- Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages from the period TFR: Should we stop using it? // *Comparative population studies*. 35(3): 637-664.
- Stonawski M., M. Potancokova, V. Skirbekk (2016). Fertility patterns of native and migrant muslims in Europe // *Population, space and place*. 22(6): 552-567.
- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach // *Population Association of America Annual Meeting* (Los Angeles, 31 March – 1 April 2006). URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103. (дата обращения: 10.07.2017).
- White M., L. Moreno, Sh. Guo (1995). The interrelation of fertility and geographical mobility in Peru: a hazard model analysis // *The international migration review*. 29(2): 492-414.
- Wilson B., J. Kuha (2016). What is the influence of childhood exposure to cultural norms: the role of segregation and community composition in explaining migrant fertility // *European Population Conference – 2016* (Mainz, August 31 – September 3, 2016).
- Wolf K. (2014). Fertility of Turkish migrants in Germany: duration of stay matters // *MPIDR working paper*. 2014-01. 43 с.
- Yeter M., H. Stichnoth (2013). Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany // *ZEW-Centre for European economic research discussion paper*. 12-023. 70 с.
- Zarate A., A.U. de Zarate (1975). On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // *International migration review*. 9(2): 115-156.

FERTILITY IN THE FAMILIES OF MIGRANTS: DATA, HYPOTHESES, AND MODELS (FOREIGN LITERATURE REVIEW)

KONSTANTIN KAZENIN

The fertility of migrants has been getting much attention in the demographic studies of recent decades. This is due, first, to the growth of global migration, which gives this topic a special relevance for population forecasting. At the same time, the fertility of migrants is of interest for broader modern studies of intercultural communications, behavioral transformations, etc.

In Russian social science, the study of migrants' fertility still occupies a very marginal position, despite the abundance of relevant data available in Russia. The goal of the present paper is to provide a brief overview of studies of the fertility parameters of migrants and their descendants.

The paper includes three sections. The first section presents the key hypotheses concerning the influence of migration on fertility, and gives a general idea about the possibilities for their verification, as well as about their theoretical context. The second section deals with quantitative methods and models commonly used in studies of the fertility of migrants. The third section reviews selected studies of the fertility of migrants in several countries, with a view towards giving an idea of the diversity of fertility dynamics observed in emigrant communities.

Key words: fertility, migration, adaptation of migrants, fertility behavior.

KONSTANTIN I. KAZENIN (kz@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

DATE RECEIVED : JULY 2017.

THE PAPER IS BASED ON THE RESULTS OF RESEARCH "FERTILITY CORRELATES AND DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES AMONG MUSLIM MIGRANTS OF NORTH CAUCASUS" (2017).

REFERENCES

- Abbasi-Shivazi M., P. McDonald (2002). A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // *Genus*. 58(1): 53-76.
- Adsera A., A. Ferrer, W. Sigle-Rushton, B. Wilson (2012). Fertility patterns of child migrants: age at migration and ancestry in comparative perspective // *The annals of the American Academy of political and social science*. 643: 160-189.
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International migration review*. 38(2). 747:774.
- Andersson G., K. Scott (2005). Labor market status and first time parenthood: the experience of immigrant women in Sweden, 1981-1997 // *Population studies*. 59(1): 21-38.
- Andersson G., L. Persson (2014). Childbearing among the descendants of immigrants in Sweden // *Stockholm Research Reports in Demography 2014*: 17. URL: http://www.suda.su.se/polopoly_fs/1.290333.1467894911!/menu/standard/file/SRRD_2014_17.pdf (accessed: 20.07.2017).

- Andersson G., L. Persson, O. Obućina (2017). Depressed fertility among descendants of immigrants in Sweden // *Demographic research*. 36 (39). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/39/36-39.pdf> (accessed: 20.07.2017).
- Arnaldo C. (2004). Ethnicity and marriage patterns in Mozambique // *African population studies*. 19(1): 143-164.
- Bach R.L. (1981). Migration and fertility in Malaysia: a tale of two hypotheses // *The international migration review*. 15(3): 502-521.
- Bean F., C. Gray Swicegood, R. Berg (2000). Mexican-Origin fertility: new patterns and interpretations // *Social science quarterly*. 81(1): 404-420.
- Bogovos C., C. Tsimbos, G. Verropoulou (2008). Native and migrant fertility patterns in Greece: a cohort approach // *European journal of population*. 24: 245-264.
- Booth H. (2010). Ethnic differentials in the timing of family formation: a case study of the complex interaction between ethnicity, socioeconomic level, and marriage market pressure // *Demographic research*. 23 (7). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol23/7/23-7.pdf> (accessed: 20.07.2017).
- Brockerhoff M., H. Eu (1993). Demographic and socioeconomic determinants of female rural to urban migration in Sub-Saharan Africa // *International migration review*. 27(3): 557-577.
- Burdjak A.Ja. (2007). Primenenie metoda «analiza nastupleniya sobytiya» (event history analysis) s pomoshch'yu paketa SPSS [Event history analysis in SPSS package] // *Spero*. 6: 189-202.
- Codjoe S.N.A. (2007). Varying effect of fertility determinants among migrant and indigenous females in the transitional agro-ecological zone of Ghana // *Geografiska annaler. Series B, Human geography*. 89(1): 23-37.
- Coleman D.A., S. Dubuc (2010). The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006 // *Population studies*. 64(1): 19-41.
- Cortina C., A. Esteve, A. Domingo (2008). Marriage patterns of the foreign-born population in a new country of immigration: the case of Spain // *International migration review*. 42(4): 877–902.
- Courgeau D. (1985). Interaction between spatial mobility, family and career life-cycle: a French survey // *European sociological review*. 1(2): 139-162.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (eds.) (2012). *The European second generation compared: does the integration context matter?* Amsterdam: Amsterdam university press. 437 p.
- Cygan-Rehm K. (2013). Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW discussion paper series*. 04. 45 p.
- Devolder D., X. Bueno (2012). Effects of migration on fertility patterns for non-native women in Spain // Paper presented at the EPC conference. Stockholm. 13–16 June.
- Dribe M., C. Lundh (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005 // *International migration review*. 45(2): 297–324.
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: intergenerational adaptation and fertility convergence // *Population and development review*. 38(2): 353-388.
- Elder Jr.G.H. (1985). Perspective on the life course // *Life course dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980* / Elder Jr.G.H., ed. Ithaca: Cornell University Press: 23–49.

- Forste R., M. Tienda (1996). What's behind racial and ethnic fertility differences // *Population and development review*. 22 (Suppl.): 109-133.
- Frank R., P. Heuveline (2005). A cross-over in Mexican and Mexican-American fertility rates: evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic research*. 12 (4): 77-104.
- Giele J.Z., Jr.G.H. Elder (1998). Life course research: development of a field // *Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches* / J.Z. Giele, Jr.G.H. Elder, eds. Thousand Oaks: Sage Publications: 5–27.
- Goldscheider C. (1971). *Population, modernization, and social structure*. Boston: Little, Brown & Company. 345 p.
- Goldscheider C., P. Uhlenberg (1996). Minority group status and fertility // *American journal of sociology*. 74(2): 361-372.
- Goldstein S. (1978). Migration and fertility in Thailand, 1960-1970 // *Canadian studies in population*. 5: 167-180.
- Goldstein S., A. Goldstein (1981). The impact of migration on fertility: an 'Own children' analysis for Thailand // *Population studies*. 35(2): 265-284.
- Goldstein S., A. Goldstein (1983). *Migration and fertility in peninsular Malaysia: an analysis using life history data*. Santa Monica: Rand Corporation. 138 p.
- Goldstein S., P. Tirasawat (1977). The fertility of migrants to urban places in Thailand. 43. *East-West population institute: East-West Center: Honolulu*.
- Gore D.L., E. Carlson (2010). Ethnicity, education, and the non-proportional hazard of first marriage in Turkey // *Population studies*. 64(2): 179-191.
- Guilmoto C.Z., S. Rajan (2001). Spatial patterns of fertility transitions in India districts // *Population and development review*. 27(4): 713-738.
- Gyimah S.O. (2005). The dynamics of timing and spacing of births in Ghana // *Journal of comparative family studies*. 36(1): 41-60.
- Haller W.J., A. Portes, S. Lynch (2011). Dreams fulfilled, dreams shattered: determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation // *Social forces*. 89(3): 733-762.
- Hendershot G.E. (1971). City migration and urban fertility in the Philippines // *Philippines sociological review*. 19: 183-193.
- Hervitz H. (1985). Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The international migration review*. 19(2): 293-317.
- Hill L., H. Johnson (2004). Fertility changes among migrants: generations, neighborhoods, and personal characteristics // *Social science quarterly*. 85(3): 811-826.
- Hoem J.M., A. Nedoluzhko (2008). Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic research*. 18 (21): 611-628.
- Holland J.A., H.A.G. de Valk (2013). Ideal ages for family formation among immigrants in Europe // *Advances in life course research*. 18(4): 257–269.
- Hushek D., H.A.G. de Valk, A.C. Liefbroer (2012). Partner choice patterns among the descendants of Turkish immigrants in Europe // *European journal of population*. 28(3): 241–268.
- Jensen E.R., D.A. Ahlburg (2004). Why does migration decrease fertility? Evidence from the Philippines // *Population studies*. 58(2): 219-231.

- Kley S. (2011). Explaining the stages of migration within a life-course framework // *European Sociological Review*. 27(4): 469-486.
- Klimek Ł. (2017). Migration and fertility. Polish migrant families in Ireland and non-migrant families in Poland: a comparison of fertility plans and behaviour // *Central and Eastern European migration review*. 6(2): 5-30.
- Krapf S., K. Wolf (2015). Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany // *Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie*. 67: 137-164.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European journal of population research*. 21: 51-87.
- Kulu H. (2006). Fertility of internal migrants: comparison between Austria and Poland // *Population, space and place*. 12: 147-170.
- Kulu H., A. Gonzalez-Ferrer (2014). Family dynamics among immigrants and their descendants in Europe: current research and opportunities // *European journal of population*. 30: 411-435.
- Kulu H., N. Milewski (2007). Family change and migration in the life course: an introduction // *Demographic research*. 17 (19): 567-590. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol17/19/default.htm> (accessed: 17.07.2017).
- Kulu H., T.Hannemann (2016). Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic research*. 35 (49): 1441-1488 URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (accessed: 17.07.2017).
- Lee B.S., L. Pol (1993). The influence of rural-urban migration on migrants' fertility in Korea, Mexico and Cameroon // *Population research and policy review*. 12(1): 3-26.
- Lee B.S., S.C. Farber (1984). Fertility adaptation by rural-urban migrants in developing countries: the case of Korea // *Population studies*. 38(1): 141-155.
- Lee B.S., S.C. Farber (1985). The influence of rapid rural-urban migration on Korean National fertility levels // *Journal of development economics*. 17: 47-71.
- Lindstrom D.P. (2003). Rural-urban migration and reproductive behavior in Guatemala // *Population research and policy review* 22: 351-372.
- Massey D.S., B.P. Mullan (1984). A demonstration of the effect of seasonal migration on fertility // *Demography*. 21(4): 501-517.
- Mayer J., T. Riphahn (2000). Fertility assimilation of migrants: evidence from count data models // *Journal of population economics*. 13(2): 241-261.
- Milewski N. (2010). Immigrant fertility in West Germany: is the reasocialization effect in transitions to second and third births // *European journal of population*. 26(3): 297-323.
- Milewski N. (2011). Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in life course research*. 16: 178-189.
- Moultrie T., R. Dorrington, A. Hill, K. Hill, J. Timæus, B. Zaba (2013). Tools for demographic estimation. UISSP. 433 p.
- Mulder C., M. Wagner (1993). Migration and marriage in the life course: a method for studying synchronized events // *European journal of population*. 9(1): 55-76.
- Mussino E., A. van Raalte (2008). Fertility of migrants: a comparative study between Italy and Russia // *MPIDR Working Paper*. 2008-026. 24 p.

- Mussino E., S. Strozza (2012). Does citizenship still matter? Second birth risks of migrants from Albanina, Marocco and Romania in Italy // *European journal of population*. 28(3): 269-302.
- Nedoluzhko L., V. Agadjanian (2009). Marriage, child-bearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring ibterdependencies // *MPIDR Working Papers*. 2009-003. 28 p.
- Pailhé A. (2015). The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm university families and societies working papers*. 39: 98-127.
- Parrado E., P. Morgan (2008). Intergenerational fertility among Hispanic women: new evidence of immigrant assimilation // *Demography*. 45(4): 651-671.
- Parrado E.A. (2010). How high is Hispanic/Mexican fertility in the U.S.? Immigration and tempo considerations // *PSC Working Paper Series*. 18. 41 p.
- Puur A., L. Rahn, L. Abuladze, L. Sakkeus, S. Zakharov (2017). Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // *Demographic research*. 36 (41). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol36/41/36-41.pdf>. (accessed: 11.07.2017).
- Ram B., M. George (1990). Immigrant fertility patterns in Canada, 1961-1986 // *International migration*. 35(4): 413-426.
- Retherford R.D., L.J. Cho (1987). Age-parity-specific birth rates and birth probabilities from census or survey data on own children // *Population studies* 32(3): 567–581.
- Ribe H., T.P. Schultz (1980). Migration and native fertility in Columbia in 1973: are migrants selected according to their reproductive preference? // *Center discussion paper*. 355. Economic growth center: Yale university: New Haven. 66 p.
- Robards J., A. Berrington (2016). The fertility of recent migrants to England and Wales // *Demographic research*. 34 (36). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol34/36/34-36.pdf> (accessed: 10.07.2017).
- Roig Vila M., T.C. Martín (2007). Childbearing patterns of foreign women in a new immigration country: the case of Spain // *Population*. 62(3): 351–379.
- Schmid S., M. Kohls (2009). Reproductive behavior of migrant women in Germany: data, patterns and determinants // *Vienna yearbook of population research*: 39-61.
- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // *Population and development: The search for selective interventions* / Ridker R.G., ed. Baltimore: Johns Hopkins university press. 239-289.
- Singley S., N. Lindale (1998). Incorporating origin and process in migration-fertility frameworks: the case of Puerto Rican woman // *Social forces* 76(4): 1437-1464.
- Sobotka T. (2008). The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic research*. 19 (9). URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/19-9.pdf>. (accessed: 10.07.2017).
- Sobotka T. (2017). Migrant fertility in Europe: accelerated decline during recession Period // Conference “The fertility of migrants and minorities” (Hannover, February 6-8, 2017).
- Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages from the period TFR: Should we stop using it? // *Comparative population studies*. 35(3): 637-664.
- Stock J., M. Watson (2015). *Vvedenie v ekonometriku [Introduction to Econometrics (in Russian)]*. Moscow: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS. 836 p.

- Stonawski M., M. Potancokova, V. Skirbekk (2016). Fertility patterns of native and migrant muslims in Europe // *Population, space and place*. 22(6): 552-567.
- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women in France: new data, a new approach // *Population Association of America Annual Meeting (Los Angeles, 31 March – 1 April 2006)*. URL: paa2006.princeton.edu/papers/61103. (accessed: 10.07.2017).
- White M., L. Moreno, Sh. Guo (1995). The interrelation of fertility and geographical mobility in Peru: a hazard model analysis // *The international migration review*. 29(2): 492-414.
- Wilson B., J. Kuha (2016). What is the influence of childhood exposure to cultural norms: the role of segregation and community composition in explaining migrant fertility // *European Population Conference – 2016 (Mainz, August 31 – September 3, 2016)*.
- Wolf K. (2014). Fertility of Turkish migrants in Germany: duration of stay matters // *MPIDR working paper*. 2014-01. 43 p.
- Yeter M., H. Stichnoth (2013). Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany // *ZEW-Centre for European economic research discussion paper*. 12-023. 70 p.
- Zakharov S.V., S.V. Surkov (2009). Migratsionnyy opyt i rozhdaemost' v poslevoennykh pokoleniyakh rossiyan [Migration experience and fertility in post-war generations of Russians] // *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve [Parents and children, men and women in family and the society]*. 2 / S.V. Zakharov, T.M. Maleva, O.V. Sinjavskaja, eds. Moscow: NISP: 45-118.
- Zarate A., A.U. de Zarate (1975). On the reconciliation of research findings of migrant-nonmigrant fertility differentials in urban areas // *International migration review*. 9(2): 115-156.

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ШКОЛАХ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

ЕКАТЕРИНА ДЕМИНЦЕВА, ДАРЬЯ ЗЕЛЕНОВА,
ЕЛИЗАВЕТА КОСМИДИС, ДМИТРИЙ ОПАРИН

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосквья. Анализируются сложности, возникающие у семей мигрантов при записи ребенка в школы. Проводится анализ ситуации попадания ребенка из семьи мигрантов в школы со «сложным социальным контекстом». Авторы приходят к выводу, что для учителей важную роль в понимании, кто такой «ученик-мигрант», является этническое происхождение детей, а не их гражданство. Основной проблемой адаптации детей мигрантов в школах и сами дети, и учителя школ называют незнание русского языка в первый год обучения. Отсутствие программ, направленных на обучение русскому как иностранному, а также курсов подготовки учителей для работы с многоэтничными классами затрудняют быструю ассимиляцию детей мигрантов. Под влиянием миграционных потоков и появления все большего числа детей мигрантов в некоторых школах происходит изменение самого школьного пространства. Внеклассные практики становятся более разнообразными и зачастую этнически ориентированными. Этнизация школьного пространства является отражением и продолжением этнизации городской среды.

Ключевые слова: дети мигрантов, школы, ассимиляция, адаптация, этнизация.

В последние годы в российском обществе все чаще говорят о проблеме присутствия в школах детей мигрантов [Зайончковская и др. 2014; Троицкий 2017], однако исследований, направленных на понимание реальной ситуации, существует крайне мало [Александров и др. 2011; 2012; Александров и др. 2015; Омельченко и др. 2010; Сабирова, Андреева 2014; Солдатова 2014]. Ситуация единичных исследований, посвященных этой теме, объясняется как сложностью «вхождения» в школы, требующего согласования с государственными институтами, так и отсутствием артикуляции данной темы на уровне департаментов образования и других государственных структур. В открытом доступе нет статистики, показывающей, какое число детей мигрантов учится в школах России, нет отчетов государственных структур о том, какие образовательные и внеклассные программы направлены на адаптацию детей мигрантов.

ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА ДЕМИНЦЕВА (edemintseva@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗЕЛЕНОВА (d.zelenova@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА КОСМИДИС (kosmidislisa@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ОПАРИН (dimaoparin@hotmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья написана по итогам проекта Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского проекта Высшей школы экономики НИУ ВШЭ 2017 года.

Статья поступила в редакцию в июне 2017 г.

Эта тема остается маргинальной на разных уровнях: и в научных исследованиях, и в общественных и государственных дебатах. Основными «поставщиками» информации о «мигрантских школах» и «классах, заполненных мигрантами» остаются российские средства массовой информации¹, часто передающие существующие в обществе стереотипы, а не реальную ситуацию.

Однако сегодня возрастает потребность в понимании реальной ситуации: как дети мигрантов, обучающиеся в школах России, распределяются между учебными заведениями, и насколько затруднена их адаптация в школьном коллективе. Во-первых, увеличилось количество семей мигрантов, привозящих в Россию детей [Деминцева, Пешкова 2014; Флоринская и др. 2015]. Во-вторых, вокруг темы присутствия детей мигрантов в школах растет число мифов, создаваемых как СМИ, так и родителями и «местных» детей, и мигрантов. Родители «местных» опасаются большого числа не говорящих по-русски детей в классах и соответственно более низкого уровня образования. Родители детей мигрантов с опасением относятся к коммуникации с государственными школами.

Александровым и коллегами [2015] подсчитано, что в школах исследуемых ими городов и регионов (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Томск, Псков, несколько небольших городов в других областях России, N=6992, 162 школы) «русские дети составляют от 85 до 93% учащихся, и только от 7 до 16% приходится на представителей других этнических групп... Наибольшее число представителей других этносов живет в Московской области (16,2%)» [Александров и др. 2105: 179]. Дети, чьи родители родились за пределами России и относятся к представителям иноэтничных групп, не составляют большинства и даже половины от всех учащихся в Подмосковных школах и в других городах и регионах России.

Наше исследование было проведено в городе и регионе, обозначенных исследователями как те, в школах которых больше всего иноэтничных детей [Александров и др. 2105]. Объектом нашего внимания были дети, имевшие опыт миграции, те, кто приехал в Россию из других стран в школьном возрасте. В отличие от коллег, проводивших исследования в разных по социальному составу и результатам успеваемости школах, наше исследование было сконцентрировано только в школах со «сложным социальным контекстом». Как определили наши коллеги из Института образования НИУ ВШЭ [Фрумин и др. 2012], именно в этих школах учатся дети, чьим языком не является русский. Таким образом, мы изначально вошли в школы, в которых учатся преимущественно дети из семей с низким социальным статусом, и результаты успеваемости в которых ниже, чем в других школах города и области.

Целью нашего исследования было понять, почему дети мигрантов попадают именно в такие школы, как происходит в этих школах адаптация детей, как складываются их

¹ Балабас Е. (2015). Число детей мигрантов в столичных школах доходит до 60%. Но адаптируются они с трудом // Московский комсомолец. 14 декабря. URL: <http://www.mk.ru/social/2015/12/14/chislo-detey-migrantov-v-stolichnykh-shkolakh-dokhodit-do-60.html> (дата обращения: 10.06.2017). Ващенко В. (2016). Я пошел впервые в школу. Учителя не знают, как учить детей мигрантов в школах // Газета.ру. 9 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/09/10184939.shtml> (дата обращения: 10.06.2017).

отношения с одноклассниками и учителями и можно ли сегодня говорить, что школьное пространство меняется в связи с появлением в нем детей мигрантов.

В странах Европы и Америки существуют обширные исследования, посвященные детям мигрантов, обучающихся в школах разных стран. Исследования, направленные на изучение адаптации детей мигрантов, анализируют образовательные и социальные барьеры, с которыми детям иностранцев приходится сталкиваться в школе. Ученые отмечают, что детям мигрантов, в особенности плохо владеющим или не владеющим вовсе языком принимающего общества, необходимы дополнительные занятия, в которых не испытывают необходимости «местные» дети [Vernez, Abrahamse 1996; Christensen, Stanat 2007; OECD 2015]. Также эти дети сталкиваются со специфическими для мигрантов проблемами, которые могут мешать их адаптации в учебном заведении и коммуникации со сверстниками. К таким проблемам можно отнести высокую мобильность их семей (семьи мигрантов чаще, чем семьи «местных», переезжают с места на место); они в большей степени подвержены эмоциональному стрессу при попадании в школу, так как оказываются в новых для себя условиях социальных и этических норм; многие из них вынуждены расстаться с частью семьи, что также является большой нагрузкой на психологическое состояние ребенка [Rumbaut 1995; Alba, Holdaway 2013].

По мнению исследователей, именно знание языка принимающего общества является наиболее важным фактором для более легкой ассимиляции и ключевым фактором успеха в обучении детей мигрантов в школе [Rumbaut 1997; Genesee et al. 2006; Christensen, Stanat 2007]. Румбо [Rumbaut 1997] указывает на то, что чем в более раннем возрасте ребенок приезжает в страну, тем быстрее он овладевает языком страны. Он обозначил период от шести лет до раннего подросткового возраста, когда ребенок без особых усилий может овладеть языком. При этом им подчеркивается, что школьная среда в этом случае играет особую роль. Ребенок легче овладевает языком, находясь в школьном коллективе, где он также знакомится с нормами жизни и культурой принимающего общества.

Еще одной важной проблемой адаптации детей является возможный конфликт ребенка из мигрантской семьи со своими родителями, в особенности, если семья придерживается других правил и ограничений, нежели принимающее общество [Olsen 1988; Rumbaut 1994; Crul, Holdaway 2009]. Эта проблема распространяется в большей степени на учеников средней школы, когда дети входят в подростковый возраст. Так, девочки из мусульманских семей в американском или европейском обществе могут испытывать сильное давление со стороны своих мигрантских семей [Rumbaut 1994; Lacoste-Dujardin 1992]. Эта ситуация может приводить к напряженности между девочками-мигрантками и их родителями, поскольку они пытаются интегрироваться в культуру принимающего общества, которая противоречит традиционному взгляду на роль женщин их семей.

Ученые, проводившие исследования в США, утверждают, что дети мигрантов часто встречаются с расовыми предрассудками и дискриминацией [James 1997; Rumbaut 1997; Karsten 2006]. Попадая в школу, в особенности без знания языка, ребенок сталкивается с агрессией или же плохим отношением со стороны одноклассников. Однако расовая дискриминация может не ограничиваться первыми годами жизни в стране. Восприятие

ребенком-мигрантом и даже выходцем из мигрантской среды дискриминации может быть различным в зависимости от продолжительности пребывания в стране, но не исчезает полностью [Gil et al. 1994; Crul, Vermeule 2003; Alba, Holdaway 2013]. Исследователи даже предполагают, что второе поколение может чувствовать себя еще более дискриминированным, поскольку его представители, уже граждане страны, имеют более высокие ожидания и стремления [Rogler et al. 1991; Crul et al. 2012]. Эту же ситуацию можно наблюдать, например, во Франции, где дети мигрантов, родившиеся у себя в стране, более восприимчивы к любого рода расовой дискриминации по отношению к ним [Lareyronnie 2008]. К тому же многие исследования показали, что дети и внуки иммигрантов сталкиваются с иными и не менее серьезными проблемами, чем мигранты в первом поколении, так как миграция не являлась их решением, и они не были заранее готовы к неминуемым социальным барьерам и дискриминации [Alba, Silberman 2009].

Первое большое исследование о детях мигрантов в школах России было проведено Д. Александровым и его коллегами из Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге [Александров и др. 2011; 2012]. В нем доказано, что распределение детей по школам определяется их социальным положением, а не этническим происхождением. Мигранты чаще всего попадают в школы, где учатся дети семей с невысоким социальным статусом. Это же подтверждают коллеги из Института образования НИУ ВШЭ, обследовавшие школы со «сложным социальным контекстом» в нескольких областях России [Фрумин и др. 2012]. В исследовании было доказано, что в такие школы чаще всего попадают дети, для которых русский язык не является родным.

Исследователи увидели, что дети мигрантов учатся не хуже, чем их местные сверстники, а их образовательные планы на жизнь и образовательные стратегии не отличаются от планов других учеников [Александров и др. 2012]. Также исследования показывают, что дети мигрантов не сталкиваются с проблемами ксенофобии и расизма в школах [Александров и др. 2012; Сабирова, Андреева 2014]. Дети мигрантов при выборе друзей не ориентируются на их этническое происхождение, а подростковая компания способствует приобретению мигрантом необходимых молодежных компетенций/социальных навыков для его включения в локальное территориальное сообщество [Сабирова, Андреева 2014].

В статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов. Во-первых, мы анализируем, почему дети мигрантов оказываются именно в этих школах и какие существуют у них барьеры при вхождении в нее. Во-вторых, – с какими проблемами сталкиваются дети внутри школы и как на них реагируют окружающие. В-третьих, – как меняются и меняются ли школы с появлением в них детей мигрантов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы, связанные с адаптацией мигрантов и их детей в принимающем обществе, были и остаются одними из основных в миграционных исследованиях. Исследователи говорят о двух факторах, влияющих на возможности адаптации мигрантов: индивидуальный (личные характеристики индивида) и внешний (в каких условиях живет мигрант в принимающем

обществе, и какие оно выстраивает отношения с ним). Существуют две теоретические перспективы понимания процессов адаптации мигрантов [Ainsworth 2013]. Первая, классическая теория ассимиляции говорит о том, что со сменой поколений происходит большее включение выходцев из мигрантской среды в группу большинства. То есть чем дольше семья находится в стране, тем больше вероятность, что ребенок полностью ассимилируется в обществе. Гордон [Gordon 1964] в середине 1960-х годов написал о нескольких этапах ассимиляции, которые проходят мигранты. В его понимании сначала можно говорить о структурной ассимиляции, когда у представителя этнического меньшинства завязываются отношения с принимающим обществом. Затем происходит этническая идентификация с принимающим обществом. И наконец, следует отказ от каких-либо предрассудков со стороны большинства по отношению к меньшинству и отказ от его дискриминации. Уже в 2000-х годах Альба и Ни [Alba, Nee 2003] уточняют, что эта теория верна только в условиях, если речь идет о более или менее однородном в расовом и социальном плане обществе, а также при активном участии в этих процессах гражданских институтов.

В начале 1990-х годов Портес и Жу [Portes, Zhou 1993] представили другую теорию – сегментированной ассимиляции. Они настаивают на важной роли структурных барьеров, которые могут препятствовать ассимиляции детей мигрантов. К таким барьерам можно отнести плохую школу в бедном городском квартале, т.е. те условия, которые ограничивают учащихся в них детей в выборе дальнейшей траектории жизни. И эти барьеры, даже при желании детей мигрантов интегрироваться в принимающее общество, препятствуют им в этом и не позволяют выйти из своей социальной и этнической среды. Более того, те дети, которые оказываются в наиболее неблагоприятных условиях, могут вовсе отказаться от ассимиляции в принимающее общество и создать, например, свою банду «таких же как они». Сегментированная модель ассимиляции фокусируется на выявлении контекста, структурных и культурных факторов, которые или влияют на успешную ассимиляцию, или же определяют ее неудачи.

Еще одна из моделей – адаптации и аккультурации без ассимиляции (*accommodation and acculturation without assimilation*) или кумулятивной аккультурации (*additive acculturation*) [Gibson 1988] – говорит об ассимиляции, при которой дети не заменяют одну культуру другой, а дополняют свою новой. Гибсон доказала возможность такой модели ассимиляции на примере детей сикхов в Калифорнии. Она пришла к выводу, что академически успешными зачастую оказываются те дети, которые как осваивают язык и культуру принимающего общества, так и сохраняют крепкие культурные и социальные связи со своим сообществом.

Ориентируясь на эти модели, мы постараемся понять, о какой модели ассимиляции можно сегодня говорить в рассматриваемых нами школах. Нам важно увидеть не только восприятие ребенком из мигрантской среды тех проблем, с которыми он сталкивается, но и тот контекст, в котором эти процессы происходят.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами были выбраны 8 школ в Подмосковье, в которых были проведены 5 фокус-групп с детьми мигрантов и 2 фокус-группы с «местными» детьми. Все фокус-группы проводились с учениками 9-11-х классов. Также во всех 8 школах были проведены интервью с учителями и директорами школ (N=34).

Что касается московского поля, то мы изменили метод исследования. Нами были проведены 21 интервью с детьми мигрантов, которые учатся в московских школах, а также 30 интервью с учителями московских школ, в которых присутствует значительное число детей мигрантов.

Под детьми мигрантов в данном исследовании мы понимали тех детей, которые имели опыт переезда из другой страны вне зависимости от этнического происхождения и социального статуса. Все эти дети были учащимися только школ «со сложным социальным контекстом», в которых мы проводили исследование. У детей могло быть как российское гражданство, так и гражданство своей страны. Мы не принимали во внимание этот статус (гражданство), так как некоторые семьи могли получить российское гражданство по облегченной схеме и при этом жить на территории другой страны.

При отборе школ в Подмосковье мы исходили из результатов исследований Института образования НИУ ВШЭ. В 2011-2012 гг. Институтом образования было доказано, что в школах с более низкими результатами ЕГЭ характерна концентрация детей из семей с низким социальным статусом, а также детей, чей язык не является русским [Фруммин и др. 2012]. Вторым важным для отбора информантов показателем стали результаты исследований того же института, в которых проанализировано влияние территориального фактора на результативность образовательных учреждений [Фруммин и др. 2012]. Так, поселение, в котором расположена школа, может рассматриваться для нее в качестве источника ресурсов: в городах или районах города с низко статусным населением (вокруг закрытых заводов, в старых поселках без производств) большая вероятность наличия социальных проблем и соответственно вероятность попадания в школы детей с низким социальным статусом велика. Поэтому мы ориентировались на школы, расположенные в старых подмосковных городах и рядом с закрытыми предприятиями.

Также результаты исследований коллег из Института образования указывают на то, что возможна ситуация, когда в социально смешанном районе города при наличии нескольких школ одни учебные заведения являются «престижными» (в них отдают детей из семей с высоким социальным статусом, дети мотивированы для учебы, происходит отбор в такие школы, в них выше, чем в соседних школах, результаты ЕГЭ), другие – «непрестижными» (в них записывают всех тех, кто не попал в окрестные «хорошие» школы). Таким образом «хорошие» школы могут соседствовать с «плохими» в непосредственной близости, на территории одного микрорайона [Ястребов и др. 2013].

Мы выбрали для проведения исследования в Подмосковье «устойчиво неуспешные школы», т.е. «школы, которые в течение продолжительного периода демонстрируют по определенным показателям учебные результаты хуже, чем все остальные» [Пинская и др.

2011: 152]. Также выбранные нами школы Подмосковья являются участниками государственной программы Министерства образования Московской области для школ «со сложным социальным контекстом».

Что касается Москвы, то у нас не было доступа непосредственно в школьные комплексы. Однако при отборе учителей и учеников для интервью мы также исходили из имеющихся у нас данных. Наши собственные исследования [Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017] позволяют говорить, что дети мигрантов в Москве часто попадают в «непрестижные», «плохие» школы районов города. Поскольку мигранты селятся в Москве во всех районах и нельзя говорить о существовании «этнических» или «мигрантских» районов [Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017], то школы, в которых есть значительное присутствие детей мигрантов, можно найти в любой части города. Дети мигрантов попадают чаще в «плохие» (низкие рейтинги ЕГЭ) школы районов, куда их охотно берут из-за недобора учащихся. Сегодня в Москве школы объединены в учебные комплексы, однако в одном комплексе может быть как «престижная» школа, так и «плохая». Дети мигрантов, как правило, концентрируются в последней. Выборка учителей, работающих в школах Москвы, была в основном случайной, проводилась методом «снежного кома», когда одни учителя рекомендовали пообщаться с коллегами из школ, «в которых тоже много мигрантов». Дети мигрантов также отбирались в основном случайно: мы провели интервью в нескольких волонтерских школах, которые помогают в учебе детям мигрантов, а также интервью с детьми, которые учатся в «плохих» школах Москвы.

В КАКИЕ ШКОЛЫ ПОПАДАЮТ ДЕТИ МИГРАНТОВ?

«К нам отправляют всех, кого другие школы не взяли: кто плохо учится, у кого проблемы какие, детей мигрантов. Всех к нам, в XX школу!», – комментирует ситуацию директор одной из Подмосковных школ, в которой мы проводили исследование. Эта фраза повторялась администрацией всех школ, в которых мы побывали. Обычно школы, в которых учится много детей мигрантов, имеют схожую историю: школа приходит в упадок, в нее не хотят отдавать детей жители окрестных домов, в школе происходит недобор учащихся, и администрация начинает «добирать» учеников теми детьми, которых не хотят принимать в другие школы района. Мигранты попадают в категорию детей, «которых не хотят брать».

«На самом деле, вот почему у школы такая сложилась история. 4-5 лет назад было подушевое финансирование, и директор откровенно нам сказала, что, вот, она просто набирала всех подряд, всех, кто к ней шли, даже из соседних школ. Говорили: "Идите в XX, вас там возьмут – там всех берут". И так получилось, что их стало настолько много, детей из Средней Азии, что русские дети постепенно стали уходить из школы», – комментирует учитель ситуацию возникновения «мигрантской» составляющей в одной из московских школ.

Школы, в которых мы проводили исследование, имели схожие характеристики. К ним можно отнести:

- 1) худшая школа по своим учебным показателям в районе, городе (поселке, поселении);

- 2) самая «непрестижная» школа. Именно так она охарактеризовалась среди местного населения;
- 3) школа в советские годы была «на хорошем счету», по рассказам директоров, «сломяк» произошел в 1990-е. К основным причинам можно отнести смену жителей районов и городов, уменьшение финансирования школ. Также, как правило, во всех школах в 1990-2000-е годы были директора, не пытавшиеся «выровнять» ситуацию, или же была частая смена руководства;
- 4) основной контингент записывающихся в школы – дети из социально неблагополучных семей, многие дети из неполных семей, дети из семей мигрантов;
- 5) во всех школах был недобор учащихся в классах (10-11-е классы по 12-18 человек).

По оценке и учителей, и администрации школ, несмотря на то, что эти школы записывают к себе большинство детей из семей иностранцев города, нельзя говорить о большом числе детей, приехавших из других стран, в классах школы. Оценки мало расходятся от школы к школе, детей, приехавших в основном из стран СНГ, примерно 2-4 в старших классах школы, в средней школе в классе 5-6 человек. Больше число детей учится в начальной школе: в классах из 28-30 человек детей мигрантов из других стран 7-9. Эти дети могут как иметь российское гражданство, так и нет. Некоторые приехали в Россию давно, для других это первый год учебы в российской школе. Как отмечали директора школ и учителя младших классов, в последние 3-4 года число детей, приехавших из других стран, в младших классах увеличивается. *«Вы понимаете, мигранты привозят детей, когда уже устроены здесь. У папы стабильная работа, они могут снять квартиру. Поэтому детей не так много в городе. Не все мигранты из других стран могут себе это позволить»*, – комментирует ситуацию директор школы подмосковного города.

В большинстве школ, в которых проходило исследование, недавно (3-4 года назад) поменялся директор. Новые директора были направлены в эти школы, как правило, для устранения уже существовавшей в них «сложной ситуации». *«Я когда вошла в школу, посреди коридора стоял старшеклассник в трениках и курил! Он знал, что я новый директор, но ему было все равно. Вот такие были здесь нравы»*, – рассказывает о своем опыте директор одной из подмосковных школ. Главные проблемы, с которыми пришлось столкнуться новым директорам, были связаны, по их словам, с присутствием в школе детей из социально неблагополучных слоев (дети людей, страдающих алкогольной зависимостью, дети из неполных семей), часто не мотивированных к учебе. Со стороны учителей тоже не было мотивации помощи отстающим по школьной программе детям, интереса к неблагополучным семьям и т.п. Описывая ситуацию, с которой столкнулись новые директора при назначении в эти школы, ни один из них не назвал присутствие детей-мигрантов основной проблемой для школы или хотя бы проблемой первого ряда, с которыми они столкнулись, получив это назначение.

В двух школах из восьми, где проводилось исследование в Подмосковье, 3-4 года назад были созданы кадетские классы. Таких классов сегодня насчитывается 5-6 в каждой школе. Запись в них осуществляется на добровольной основе при согласии детей и родителей. По нашим наблюдениям, в кадетских классах мало детей мигрантов (1-2 человека на класс), тогда как в параллельном «простом» классе может быть 8-10 человек. Это же подтвердил и заместитель директора одной из школ: дети мигрантов редко

записываются в кадетские классы, в основном туда идут «местные». Хотя в младших классах стали появляться в этих классах и дети из мигрантских семей.

Школы в Подмосковье, в которых мы проводили исследование, имели либо классы для детей с особенностями развития (в 2016 г. их расформировали, дети разошлись на домашнее обучение или в другие классы школы), либо классы вечерней школы. Школа включала в себя разный контингент учащихся (инвалиды, «сложные дети»), который не «вписывался» в другие школы. На протяжении многих лет школы были теми учебными заведениями, в которые целенаправленно записывали детей, которые не попадали в рамки «нормальных» учеников: дети «проблемных» родителей, дети-инвалиды, дети, не справляющиеся со школьной программой. С появлением детей мигрантов в них также стали записывать и эту категорию детей. *«Если там ученик не нужен или не дотягивает – сразу отправляют к нам. Знают, что мы всех берем»*, – комментирует ситуацию директор одной из таких школ.

Еще одним вариантом выделения в школах детей мигрантов может быть создание в школе класса, в котором учатся дети из «группы риска». По рассказам одной из учительниц подмосковной школы, именно так формируются классы в их учебном заведении: *«В нашем городе дети-учащиеся приходят [в школы] по территориальному признаку. Поэтому выбор за родителями остаётся как бы условным. А вот внутри самой школы идёт градация... Скажем, почётного звания учителя я не имею, вынуждена работать как раз с детьми «группы риска». Это дети-инвалиды и «дети группы риска». – А это что за «группа риска»? – ... Это многодетные семьи, это дети, над которыми взяли опеку. Это дети, которые имеют медицинские отклонения, это могут быть дети, у которых ослаблена сила воли, и они, скажем так, нарушают дисциплину, но это медицинские показания»*. В такие классы, по словам учителей, часто попадают и дети мигрантов. Обычно программа в них облегченная, поэтому администрация школ переводит туда детей мигрантов, в особенности тех, у кого проблемы с русским языком.

Пришедшие в школы работать несколько лет назад директора пытаются решать вопросы, связанные не только с учебной, но и с социальными проблемами учеников. Так, в двух школах в обязанности классных руководителей входит посещение всех учеников класса у них дома для понимания ситуации, в которой живут дети. Это не входит в обязанности учителей, но, поскольку в этих школах администрация постоянно сталкивается с социальными проблемами, она просит классных руководителей взять под контроль не только успеваемость, но и личную жизнь ребенка (ребенок перестает ходить в школу, и не могут найти его родители; ребенка увозят в другой город, не информируя школу; родителей лишают родительских прав, а администрация не знает, кто назначен опекуном; ребенок должен перейти на обучение в интернат – вот список проблем, называемых директорами школ).

Школы пытаются взаимодействовать с различными городскими образовательными и спортивными центрами в своем городе, делают совместные программы (так, в одной из школ Подмосковья директор подписала договор о социальном партнёрстве с центром социально-психологической помощи, в котором работают психологи, логопеды, дефектологи, у них есть договоренность о дополнительной работе с детьми мигрантов). Но

это единичные примеры, такие инициативы идут, как правило, от самих директоров, которые используют любые возможности для поддержания образовательного уровня школы.

Таким образом, «мигрантские школы» – это те учебные заведения, в которые не хотят отдавать своих детей «местные» не только из-за уровня образования (низкий уровень ЕГЭ), но и из-за социального контекста. В этих школах, как правило, еще до появления в них детей мигрантов обучались дети, которых не брали в другие школы (например, инвалиды или дети из неблагополучных российских семей), или же в них переводили детей из «хороших» школ из-за неуспеваемости в учебе или плохого поведения. Сегодня эта ситуация «усложнилась» фактом наличия мигрантов. *«Нашу школу называют в городе «черной», потому что у нас много детей мигрантов»*, – комментирует завуч подмосковной школы. Если даже для самой школы присутствие детей мигрантов не является основной проблемой (основными проблемами учителя называют присутствие детей из неблагополучных семей, детей-инвалидов, в особенности в последний год, когда отменили специальные классы для них), именно мигранты сегодня являются для местных жителей показателем «неблагополучности» школы. Чем больше становится детей мигрантов в таких школах, тем больше уходят оттуда дети «местных», чьи родители не хотят, чтобы дети были с ними в одном классе.

ПРОБЛЕМЫ «ВХОЖДЕНИЯ» ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ШКОЛЫ

Эксперты полагают, что для успешной адаптации мигранта к жизни в принимающем обществе он должен преодолеть три основных барьера: он должен овладеть знанием государственного языка, пониманием основных исторических и культурных ценностей страны, способностью к соблюдению бытовых норм поведения [Rumbaut 1995; Омельченко и др. 2010]. Для детей мигрантов школа является важным, а часто и единственным значимым социальным институтом, выполняющим функции по их адаптации не только в классе, но и в принимающем обществе в целом. Именно там они интегрированы в сообщество класса, основной язык общения в школе – русский, они проходят ту же программу, что и другие ученики.

По законодательству РФ тесты для поступления в государственную школу детям иностранцев сдавать не нужно. На данный момент основным документом, определяющим порядок зачисления детей в школу, является приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования». Согласно данному приказу существуют два пакета документов, необходимых для зачисления ребенка в школу. Первый – для детей, имеющих гражданство РФ, и второй – для иностранных граждан и лиц без гражданства. Для записи ребенка в школу требуются: заявление от родителей; ксерокопия свидетельства о рождении; справка о регистрации; медицинская справка 026/у. В дополнение к этим документам «родители детей, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, предъявляют документ, подтверждающий родство заявителя (или законность

представления прав ребенка), и документ, подтверждающий право заявителя на пребывание на территории Российской Федерации»².

Администрация и департамент образования города обязаны записать ребенка в государственную школу при наличии в ней мест. Но в реальной жизни возникает несколько трудностей, которые вынуждают мигрантов в худшем случае отказываться от услуг московских и подмосковных школ и не записывать в них детей, либо искать различные пути решения проблем.

Первая проблема – это регистрация через сайт госуслуг (для Москвы). Мигранты часто боятся официально регистрироваться на государственных сайтах. Даже если у них есть все документы, они боятся вносить их в какие-то базы данных. На наш взгляд, это связано прежде всего с тем, что многие не уверены в подлинности каких-то документов, а в некоторых случаях точно знают о том, что они куплены. Например, наиболее часто покупаемый мигрантами документ – это регистрация по месту жительства, обязательное наличие которой требуют все школы, так как необходимость его наличия прописана в документе об образовании (хотя можно усомниться в обязательности его предъявления, если внимательно читать формулировку документа [Троицкий 2017]). Документы покупаются у «посредников», адреса и телефоны которых мигранты передают друг другу. Директора учебных заведений осведомлены о том, что дети чаще всего не живут по адресу, указанному в этом документе, так как знают о том, что родителям трудно зарегистрироваться по месту жительства [Деминцева, Пешкова 2014]. Однако так как они обязаны принимать в школу ученика только с регистрацией, им приходится закрывать глаза на то, что, возможно, документ куплен.

Вторая возникающая проблема – это отказ некоторых школ записывать в них детей. Обычно администрация школ отказывает со ссылкой на их наполненность (что часто верно, так как лучшие школы города и региона обычно комплектуют свои классы еще в конце мая). Поэтому, как мы и описывали ситуацию выше, дети мигрантов чаще попадают в те школы, в которых остались места, потому что туда не хотят отдавать детей «местные». Но, столкнувшись с отказом, мигрант может вообще отказаться от идеи отдавать ребенка в школу.

Наконец, третья проблема – несоответствие возраста ученика тому классу, в который его определяют. Программы многих стран, откуда приезжают дети, отличаются от той, которая реализуется в российской школе. Также ребенок может не говорить по-русски и это затрудняет процесс осваивания им программы других школьных предметов. Поэтому детей мигрантов, особенно учеников средней школы, отправляют в класс на год или два младше, чем тот, которому он соответствует по своему возрасту. Дети часто оказываются в позиции аутсайдера и испытывают сложности с включением в коллектив. И даже записав ребенка в школу, родители сталкиваются с ситуацией, когда сам ребенок отказывается ее посещать.

– А здесь? Ты пошел в школу в начале сентября?

² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования».

- *Я не хотел. Думал, тяжело, боялся.*
 - *Но тебя отдали в школу?*
 - *Нет.*
 - *То есть тебя родители хотели отдать, но ты отказался?*
 - *Отказался. Да.*
 - *Ты ни разу даже не был в школе? Даже в классе ни разу не посидел?*
 - *Был.*
 - *Сколько?*
 - *Ну, там, после Нового года были там... сказали, поздно уже, надо в сентябре.*
 - *В январе были? Сказали, что надо в сентябре приходиться? И ты пойдешь в сентябре в школу?*
 - *Не знаю. Думаю, да.*
 -– *Ты почему не хочешь в школу?*
 - *Боюсь.*
 - *Чего боишься?*
 - *Как-то я не могу как все. Слабый.*
 - *Ты не можешь по-русски говорить, как все?*
 - *Да.*
 - *Ну, ты хорошо говоришь.*
 - *У меня проблемы с письмом. Я не могу нормально писать.*
- (Из интервью с 14-летним мальчиком из Оша, Киргизия).

Ситуация забюрократизованности процесса оформления в школу, отказ некоторых школ принимать детей мигрантов или же страх перед записью через портал госуслуг создают среди самих родителей-мигрантов мифы вокруг этой ситуации. Например, согласно одному из распространенных мифов, детей с незнанием русского языка могут не взять в школу, если они не пройдут тест на знание языка. По закону тесты для поступления в школу не нужны, однако миф рождается не на пустом месте. Обычно детей младших классов просто записывают в школу, тогда как в среднюю школу их также записывают, но директора школ дают детям мигрантов тестовые задания для определения их уровня подготовки. Эти задания обычно разрабатываются учителями той же школы, не существует каких-то общих критериев для всех школ, но благодаря им директор понимает, может ли он записать ученика в класс, соответствующий его возрасту, или нет. Таким образом, если официально теста при приеме в школу нет, то неформально директора вынуждены его проводить. По заверению директора одной из подмосковных школ, это вынужденная мера, так как если не определить уровень знаний ученика средней школы во время его поступления, то в течение первых же месяцев учителя столкнутся с тем, что ученик не

может включиться в учебный процесс и наравне с другими учениками выполнять задания. И все равно его придется переводить в младшие классы.

По заверениям директоров школ, с такими ситуациями им приходится сталкиваться 2-3 раза в год и каждый раз в индивидуальном порядке их решать. Они не имеют права не записать ребенка в школу или же, при плохих показателях, попросить его уйти из школы. Но иногда дети, переживающие стресс из-за этой ситуации, сами перестают посещать учебные заведения. Это и рождает миф в мигрантской среде о тестах, которые могут закрыть дорогу ребенку-мигранту в школы. В неформальных беседах родители мигрантов часто сами высказывают опасения относительно того, сможет ли их ребенок, не говорящий/плохо говорящий по-русски, попасть в московскую или подмосковную школу.

Приехав в Москву и Подмосковье, некоторые дети мигрантов могут подолгу находиться вне школы. В некоторых ситуациях родители-мигранты сознательно оставляют ребенка дома. Например, девочку или мальчика лет десяти могут оставлять сидеть с младшими детьми, пока родители на работе. По рассказам 11-летней девочки-киргизки, ее родители привезли на лето для того, чтобы она присматривала за 2-летней сестрой. Но, когда начался учебный год, они ее оставили на месяц, потому что некому было сидеть с ребенком, потом еще на один. В школу ее не записывали, по ее словам, так как все время хотели отправить на родину. Интервью проводилось в апреле, девочка уже почти год жила в России, но ни разу не ходила в школу. Обычно мы ничего не знаем о таких детях, сколько их, как они проводят время, когда они приезжают и уезжают на родину. Привозя их в Россию, родители могут никаким образом не оформлять их в стране, и довольно сложно узнать об их существовании в России.

Таким образом, при наличии упомянутых нами ранее документов мигрант может записать своего ребенка в школу. Однако могут возникнуть проблемы, связанные со страхом записи через портал госуслуг, возможностью получения отказа от школы либо беспокойством за своего ребенка, который столкнется с ситуацией понижения класса и незнания языка. На сегодняшний момент мы можем знать ситуацию только с теми детьми, которые записаны в школы. Однако, что происходит с детьми мигрантов, которые не записаны ни в какие учебные заведения, сколько их и как планируют их родители их «встраивание» в российскую жизнь, узнать практически невозможно.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ШКОЛАХ

Главная и, пожалуй, самая очевидная проблема, с которой сталкиваются ученики-мигранты при поступлении в школу, – это слабое знание или незнание русского языка. Проблему с включением в детский коллектив называли нам те дети мигрантов, которые по приезду в страну не говорили или плохо говорили по-русски. *«В чем заключались проблемы? — Вначале, как бы там... не хорошо знаешь русский язык. — И что? — Издеваются. — Издеваются? — Ну да, бывает такое»*, – объясняет ситуацию школьник из Средней Азии.

Одним из тяжелых периодов дети мигрантов, не говорящие при приезде или плохо говорящие по-русски, назвали свой первый год обучения. Многие вспоминали о нем, как о «периоде молчания». *«Я молчала, потому что мне не нравилось, когда меня поправляют, я*

хотела уже нормально говорить по-русски, я читала книги, смотрела фильмы и я хотела уже нормально как заговорить и потом уже завести друзей», – делится опытом девушка из Армении, которая приехала в 3-м классе в Россию. «Человек, который приехал в Россию и не знает русского языка. Ему надо сначала выучить, потом только общаться. И он только тогда станет наравне с другими ребятами, которые уже знают русский», – комментирует ситуацию другой школьник, приехавший несколько лет назад в Россию из Таджикистана.

«Да я как-то... первый год вообще ни с кем не общалась в классе. Я больше ходила одна. А после этого, когда уже подружилась с ребятами, я им помогала, они мне помогали, кто что мог», – делится своим опытом 9-классница. Обычно после первого года обучения дети начинают говорить по-русски. Первый год они посещают наравне с другими детьми уроки, но, как правило, отстают по программе, так как не всегда понимают, что происходит вокруг них. Специальных уроков для помощи детям мигрантов не существует. Но поскольку учителя должны работать по программе со всем классом, они пытаются найти время для дополнительных занятий с этими детьми. Обычно они просят их прийти раньше, до начала занятий, или же после уроков. «Какой у вас подход к этим детям, у которых есть проблемы с русским языком? – Много [в классе] читаю, объясняю, даже оставалась после уроков с этими детьми... То есть потихонечку, постепенно это выравниваем», – делится опытом учительница младших классов. Но, по признанию учителей, этого времени мало, часто они просто помогают решать текущие задания, никакой методической литературы, учебников для детей-иностранцев в школах нет.

С появлением все большего числа детей-иностранцев, не говорящих по-русски, директора стараются решить проблему незнания русского языка. Как мы уже упоминали, это может быть контракт с центром социально-психологической помощи, в котором работают психологи, логопеды, дефектологи. Дети мигрантов ходят туда на дополнительные занятия русским языком после школы. В другой школе часы бесплатного кружка отдали для занятий русским языком с иностранцами. Но ни в том, ни в другом случае учителя не имеют никакой специально разработанной программы обучения детей-иностранцев языку. Такая инициатива обычно исходит от директора, который понимает сложность ситуации и пытается ее решить всеми возможными способами.

«Есть один учащийся, которому... нет, с речью, с говорением, все в порядке. Мы встречаемся с проблемой понимания. Почему – потому что внутри они же все равно мыслят на своем родном языке, правильно? И чтобы проработать ту информацию, которая к ним поступает, естественно, тут проблема и есть. Поэтому мы стараемся больше углубиться в изучение, вот, фонетики, работаем. Кстати, Юлия Владимировна, до меня коллега была, она именно учитель-логопед, вот с этими детками она занимается индивидуально. На базе нашей школы у нас есть даже как вид по программе деятельность, которая так и называется: «Речевая копилка». И естественно, эти детки все, совершенно все, ходят на эту «речевую копилку».

Все же большинство детей приезжает в Россию со знанием русского языка. Это дети украинцев, белорусов и молдаван, выходцы из тех стран, в которых во многих семьях говорят либо на русском, либо на русском и на родном языках. Дети из стран Кавказа и

Средней Азии тоже иногда приезжают со знанием языка: многое зависит от региона, откуда они родом (есть русскоязычные регионы, как, например, Бишкек), и социального статуса родителей (дети могли ходить в своей стране в русские школы, в семье говорят на двух языках). Как показали проведенные нами фокус-группы, лишь небольшая часть детей испытывала сильные трудности с языком. Большая часть детей к моменту переезда уже свободно говорили на русском языке. Однако, по заверениям учителей, ситуация ухудшается. Как показывают исследования последних лет [Флоринская и др. 2015], сегодня в Россию приезжает все больше людей с низким социальным статусом, без образования, выходцев из деревень. Не многие из них привозят детей (это слишком дорого, они не могут позволить оформить все документы и снять удобное жилье для проживания с детьми), но все же увеличилось число детей из семей, в которых родители не говорят по-русски. И если среди опрошенных нами старшеклассников таких детей было немного, то можно ожидать их увеличения в следующих поколениях.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются и дети, и родители мигрантов, связана с дискриминацией и ксенофобией в школах. В современной российской школе толерантность – это норма, она воспринимается учителями и руководством как формальная ценность, прописанная в уставных документах. Интервью показали, что в большинстве случаев учителя отрицают ксенофобию как социальное явление в школе. При общении с директорами школ, которое выходило за рамки официального интервью, поскольку они координировали нашу работу в школах, тема ксенофобии затрагивалась неоднократно. Они указывали на то, что в младших классах дети практически не замечают этнического различия. Негативные высказывания в адрес другой национальности начинают транслироваться в возрасте 9-10 лет и обычно повторяют существующий дома дискурс. Задачей учителей является затушить эту ксенофобию, определив для детей рамки отношений между ними.

По свидетельству киргизки, матери троих детей, ее дочь пришла учиться в московскую школу, закончив два класса русской школы в Киргизии. Девочка попала во второй класс, она хорошо владела русским языком, но, по словам матери, ей все равно было тяжело учиться в школе. Были трудности в освоении школьной программы, которая отличалась от той, что была на родине, а также возникли проблемы в отношениях с детьми в классе. *«Они спросили, как меня зовут, – рассказывает ее дочь, – я сказала, они начали смеяться, я играла с одним мальчиком, он не смеялся, другие не разговаривали со мной... Все мальчики дразнили меня «китайцем», потому что у меня глаза узкие. Потом меня один мальчик пинал и по голове бил, я сказала учительнице, и она их поругала, она сказала: «Она из другой страны приехала», и потом они перестали».*

На институциональном уровне кроме декларативной/формальной толерантности в школах не существует специальных обучающих программ ни для учителей, ни для учеников, в которых бы поднималась проблемы ксенофобии и расизма. Тем не менее некоторые учителя говорят о том, что проводят беседы на тему толерантности в рамках классных часов. Однако эти беседы редко являются детальным разговором об особенностях разных культур и зачастую сводятся к трансляции стандартизированной нормы, принятой на официальном уровне. Складывается впечатление, что и сами учителя не совсем понимают, на каком языке говорить об этой теме, какие приводить аргументы в пользу

хорошего отношения друг к другу. Многие предпочитают не выходить за рамки существующего стандартного набора фраз, немного даже отстраняясь от этой темы.

С одной стороны, школа является территорией, на которой действуют жесткие формы дисциплинарного контроля, которые *de jure* ограничивают распространение ксенофобии. Ни в одном интервью ни ученики, ни учителя не отзывались негативно об этнических меньшинствах или же о «местных» детях. Эта тема является сегодня своего рода табу в официальном дискурсе школы. Однако полностью отрицать существование ксенофобии нельзя. Зачастую ксенофобия существует на безрефлексивном уровне и не воспринимается дискриминирующим как нечто негативное. Существование подобной *латентной* ксенофобии можно объяснить различием между официальной и бытовой нормами, последняя из которых устойчиво закрепились в русском обществе.

Таким образом, в современной российской школе ребенок с миграционной историей испытывает дополнительную социальную нагрузку, которая определяется, прежде всего, психологическими сложностями вливания в новый коллектив, в некоторых случаях с незнанием или слабым знанием русского языка, а также с возможными проявлениями ксенофобии со стороны учеников. В первый год некоторые дети мигрантов предпочитают «отмалчиваться», когда другие могут в агрессивной форме отстаивать свое равенство с другими.

– Кто вспомнит, как удалось удачно наладить общение [в первый учебный год]?

– Да. У меня была драка с одним из нашего класса... ..Сразу после этого слились с компанией. Он [с кем подрался] каждый раз, когда я приходил [до драки] в школу, ... ждал, туда... хач... туда-сюда. После, как подрались с ним, и он перестал обзывать. Так и в коллектив влился.

– А с ним как у вас отношения?

– Сейчас нормальные.

Помимо трудностей адаптации первого года, языковых для одних и психологических практически для всех наших собеседников (новая школа, коллектив, стресс переезда), никто не мог назвать проблем в последующие годы. «...В четвёртом классе... приехал, это было лето. Самые элементарные вещи знал, здарсьте, там, и ещё что-то. То, что нужно в школе, чтобы спросить. Писать умел, а дальше с друзьями, с одноклассниками общение, все дела. И месяца четыре где-то понадобилось, чтобы общаться нормально. Как все», – рассказывает ученик подмосковной школы. Некоторые дети указывали, что год – это максимальный срок. При знании языка это скорее месяца два-четыре, когда происходит привыкание к одноклассникам, завязывается дружба с кем-то.

В этот же год появляются первые и наиболее острые проблемы с одноклассниками. Ребенок воспринимается ими как «чужой»: «Национальность не имеет значения. Могли они что-то предложить, если я отказывалась, не то, чтобы они меня гнобили. Я не была такая как они, но это не из-за национальности. У меня было другое воспитание, они могли гулять допоздна, они могли гулять с мальчиками, но у меня было другое воспитание. Я сначала должна уважать мнение своих родителей, потом уже думать о себе», – рассказывает

девушка, приехавшая в шестом классе в школу. Многие дети мигрантов, проучившиеся несколько лет в школе, вспоминают, что с появлением первых друзей постепенно проблемы уходили. Они не могли выделить какие-то новые для себя проблемы, говорили, что сталкиваются в школе с теми же трудностями, что и другие одноклассники.

Таким образом, попадая в школу, в первый год дети мигрантов сталкиваются с несколькими главными проблемами, затрудняющими процесс адаптации. Первая – это незнание русского языка для некоторых детей. И для таких детей требуется как минимум год, чтобы не только научиться говорить, но и начать общаться с одноклассниками. Вторая проблема, которая охватывает уже всех детей мигрантов, – это психологические сложности адаптации в новом для себя коллективе. Но, описывая их, дети отмечали такие проблемы, как страх перед новым классом, многие скучали по своим прошлым одноклассникам, называли сложным период первых месяцев, когда еще не можешь отнести себя ни к одной классной компании. Однако такие же проблемы называли и «местные» ученики, которым приходилось переводиться в другую школу. И наконец, третья проблема – проявление ксенофобии со стороны учеников, которая со временем, по признанию многих, становится менее насыщенной.

ИЗМЕНЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ

С одной стороны, школьное пространство московского региона является наднациональным. Система школьного образования Москвы и Подмосковья не нацелена на поддержание этнокультурного многообразия. С другой стороны, интенсификация как внутренней, так и внешней миграции за последние два десятилетия изменила этнический состав московских и подмосковных школ, что не могло не сказаться как на внеклассных и образовательных практиках внутри школ, так и в целом на современном школьном пространстве московского региона.

Данные исследования показали, что происходит «этнизация» школьного пространства. Понятие «этнизации» требует уточнения. Этнологи В.И. Дятлов и К.В. Григоричев понимают «этнизацию», как «актуализацию этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями» [Дятлов, Григоричев 2014: 8]. Мы согласны с таким определением и считаем, что понятие, которое ученые используют для описания явлений городской повседневности, может быть применимо и к школьному пространству. Так или иначе, этническое становится артикулированным в школах: во внеклассных мероприятиях, в меньшей степени в рамках образовательного процесса, а также в повседневности.

Одним из новых предметов, на который указывали учителя как на дисциплину, в рамках которой обсуждается с учениками культурное и религиозное разнообразие, был введенный в декабре 2010 г. курс для 4-го класса «Основы религиозных культур и светской этики». Курс направлен, как это прописано в официальных документах, на «формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному

на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений»³. Ученик, как это предусмотрено по программе, может выбрать один модуль из шести: «Основы светской этики»; «Основы православной культуры»; «Основы мировых религиозных культур»; «Основы буддийской культуры»; «Основы исламской культуры»; «Основы иудейской культуры». Хотя дети могли выбирать один из этих шести модулей, на практике они посещали один из предложенных им в школе двух или трех. По словам директоров и учителей, в школе в реальности чаще преподавали «Основы светской этики», «Основы православной культуры» и «Основы мировых религиозных культур», так как по другим предметам не было специалистов. Хотя практически в каждом классе из обследуемых нами школ обучались дети этнических мусульман, никто из них не посещал курс «Основы исламской культуры». Некоторые из детей мигрантов-мусульман записывались на курс «Основы православной культуры», преследуя, по словам учителей, ознакомительные цели. Большая же часть родителей-мигрантов выбрали для своих детей «Основы светской этики». В единицах школ преподавался модуль «Основы мировых религиозных культур», который, по замечаниям учителей, вызывал особенный интерес у учащихся мигрантов:

«Вести «Основы мировых религиозных учений» сложно, потому что там [в классах] много мусульман, там и немало, собственно, христиан, православных. И когда речь заходит, скажем, о Коране или об исламе, сразу включаются дети-мусульмане, когда речь заходит о христианстве, то это почти никому не интересно. Ну, такая вещь... Если мы говорим об исламе, они все включаются, то есть это часть их идентичности и это очень резко обострено, если даже, когда ты спрашиваешь, кто такой порок Мухаммед, они не знают, но они все думают, что они знают лучше всех...», – рассказывает преподаватель истории, «Основ светской этики» и «Основ мировых религиозных культур» в одной из московских школ. В другой школе преподаватель истории и «Основ православной культуры» поделилась своими соображениями, что этот курс очень удобен для интеграции детей в российское «православное» общество. Более того, на базе школы был создан православный театр, в который учителя приглашали и представителей других религий.

Популярной формой внеклассного мероприятия стали так называемые «Дни национальных культур» или «Фестиваль национальных культур». Такие мероприятия чаще всего проводятся в первых числах ноября, рядом с датой празднования «Дня народного единства», но могут проходить и в другие месяцы. Чаще всего знакомство с этнической культурой ограничивается танцевальным номером или небольшой театральной сценкой, как правило, на таких мероприятиях угощают всех собравшихся национальной едой, которую помогают приготовить родители. Масштабы мероприятия разнятся: в каких-то школах все сводится к однократному выступлению в актовом зале, в котором может быть задействован только один класс, другие же учителя запускают годовой проект, состоящий из серии мероприятий, подготовка к которому длится не одну четверть, а участие

³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования».

принимает вся школа. Некоторые школы ограничивают набор национальных мероприятий только теми культурами, представители которых учатся в школе, другие же пытаются охватить весь мир, например, в одной из школ были выбраны Бразилия и Великобритания. По заверению учителей, обычно ученики в классе сами между собой договариваются, какую национальность они будут представлять. Как правило, на выбор школьной администрацией дается несколько стран, из которых и делается школьниками выбор. Однако этот набор ограничен, и, как можно предположить, все же выбор в большинстве случаев координируется учителями.

«... когда я пришла в эту школу и, увидев, что такая школа многонациональная, мы проект запустили – у нас называется «Фестиваль национальных культур». Но фестиваль – это уже кульминация проекта, а весь год мы собираем какие-то материалы: дети изучают особенности национальной культуры, особенности национального костюма, особенности национальной кухни, мы приглашаем родителей, потому что родителей же тоже надо задействовать, и мы приглашаем родителей, родители тоже нам рассказывают, ну вот, особенно мамы любят там о кухне рассказывать, о прическах национальных..., в преддверии самого этого праздника они готовят эти блюда, и вот мы накрываем такой большой стол, где разные национальности выставляют свое, причем национальные именно блюда..., мы представляем только те национальности, дети которых обучаются в нашей школе. Вот армяне есть – мы представляем, вот узбеки есть – представляем, евреи есть – представляем... Причем они представляют песни, танцы, о стране рассказывают, рассказывают, какие великие люди – выходцы их национальности, да, про них. В общем, в этом году будет уже четвертый год, и оно приобретает все больший размах, это мероприятие, потому что дети к нему готовятся, но не просто так, что вот пришли и там танец станцевали и ушли. Такого не бывает», – рассказывает директор одной из Подмосковных школ. Похожую практику описывает и завуч одной из московских школ. В одном из зданий учебного комплекса сконцентрировано много детей мигрантов, поэтому администрация решила сделать похожий фестиваль, привлекая к его организации родителей детей мигрантов.

Необходимо отметить, что такие фестивали (по сути – программы по работе с многоэтничным коллективом детей) и другие подобные формы работы в таких школах являются инициативами их директоров и учителей. Эти длительные по времени проекты не являются обязательными, но администрация и учителя чувствуют необходимость их создания в школах: *«Нас и так все вокруг плохими считают, что у нас тут мигрантов много, так мы это делаем плюсом, показываем какая у нас школа многонациональная»», – делится с нами ее директор.*

Отдельного упоминания заслуживает проблема присутствия/отсутствия родных языков детей мигрантов в рамках школьного пространства. Как мы уже упоминали, основной проблемой, с которой сталкиваются как дети мигрантов, так и учителя, оказывается незнание или чаще всего недостаточное знание некоторыми учениками русского языка. Проблемы с русским языком сказываются как на социализации учеников, так и на их общей успеваемости. Поэтому учителя озабочены тем, чтобы дети как можно быстрее начали свободно говорить на русском языке. Учителя просят родителей

максимально сократить общение с детьми на родном языке в семейном пространстве, запрещают детям говорить друг с другом на родном языке на переменах.

«Вот у меня в классе есть еще один Гриша, у него две старших сестры. Они, когда на перемене к нему спускаются узнать, как он себя чувствует, ... сразу начинают на своем языке разговаривать. Мы просим, конечно, в нашем присутствии так не делать, потому что непонятно. Но не так, чтобы ругать. Но просим, чтобы на нашем языке. И родителей просим и индивидуально, и на собрании, когда остаются, чтобы спросить, как мой ребенок, чтобы на русском больше общались с такими детьми».

«Они могут даже заговорить на своем где-то, хотя мы как-то вот говорим, раз уж, вот, в школе все говорят на русском, давайте, вот, на русском, значит, и говорить. Потому что, ну что вы там сказали, может, посмеялись над кем-то, может еще, так некрасиво».

Подобная запретительная практика напоминает позицию преподавателей в советских и российских сибирских интернатах, в которых учились и продолжают получать образование дети из числа коренных народов [Лярская 2006]. Тотальное исключение родного языка из школьного пространства затрудняет адаптацию детей в инокультурной и иноязыковой среде. Ощущение свободы и уверенность в помощи билингвальных земляков – необходимые факторы, способствующие успешной адаптации нового ученика. Многие исследования показали, что дети мигрантов социально и академически успешнее в школах, если они не принимают ассимиляционную образовательную стратегию и, наряду с изучением принимающей культуры и местного языка, сохраняют родной язык и родную культуру [Deyhle 1995; Gibson 1988; Mehan et al. 1994].

Стоит отметить, что иногда некоторые учителя интересуются культурой и языком своих иноэтничных учеников, не исключают их культуру и язык из школьного пространства, а напротив, включают: *«... мы им не навязываем, а наоборот, у них спрашиваем: а как у вас проходит вот этот праздник, а как у вас происходит вот то-то, то-то. У них, наоборот, мы пытаемся познать, а как вот у них в семьях, а насколько они вообще придерживаются своих народных традиций, вот мы с этой позиции подходим»*, – рассказывает директор одной из подмосковных школ.

Учителя, которые сами приехали из Средней Азии или Закавказья, перекидываются парой слов с детьми мигрантов, что не только не мешает усвоению ими русского языка, но создает доброжелательную атмосферу в классе, «легитимизирует» инаковость, в том числе и лингвистическую. В некоторых подмосковных и московских школах в процесс адаптации недавно приехавшего из другой страны ученика школьная администрация и педагогический коллектив целенаправленно включают уже работающих в школе мигрантов – учителей, поваров, уборщиц.

Согласно наблюдениям учителей, зачастую дети мигрантов имеют иные поведенческие паттерны по сравнению с местными учениками. Как отмечают учителя, другой опыт и другие жизненные представления являются причинами иных форм поведения, проявляющихся не только в семье, но и в пространстве школы. Нередко поведенческие несоответствия служат основой для конфликтных ситуаций. В одной из

московских школ на новогоднем балу кавказские старшеклассники демонстративно игнорировали бальные танцы: «... *есть там небольшая группа чеченцев, дагестанцев, этнических азербайджанцев из Дагестана, которые отошли в сторону, ну, это вот следствие их культурного кода, и они не включались... Ну, соответственно к ним было сделано обращение в их сторону: "Что ж, вы, горные друзья так выделяетесь?". Ну, им пошли навстречу, там где-то в середине прозвучала лезгинка...*», – рассказывает учитель одной из московских школ.

Некоторым мигрантам свойственна перформативность в этническом поле. Публичное исполнение лезгинки в школе становится символическим маркированием пространства, реакцией на кавказофобскую городскую российскую среду. «*Была школьная дискотека... И кавказцы стали танцевать лезгинку. Они это делали очень эффектно, очень красиво, очень здорово. В какой-то момент люди стали возмущаться. И мне кажется, это возмущение пошло именно от взрослых, а не от детей. Типа: «Что это такое, вы приехали сюда свои правила устанавливать». Потому что они раз станцевали, стали просить два, через какое-то время три, ... в результате до драки не дошло, но чуть-чуть не дошло. Чуть-чуть*», – рассказал преподаватель русского языка и литературы в старших классах московской школы.

Школьное пространство, как и городское, меняется под влиянием миграционных волн. Внеклассные практики становятся более разнообразными и зачастую этнически ориентированными. Местные школьники и учителя знакомятся с другой культурой, носителями которой являются дети мигрантов и/или их родители, они сталкиваются с новыми формами поведения и жизненными стратегиями, что обогащает опыт всех участников образовательного процесса.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Теория сегментированной ассимиляции выделяет несколько факторов, влияющих на адаптацию детей мигрантов. Согласно Портесу и Румбо [Portes, Rumbaut 2001] к ним относятся политика государства, которая может как препятствовать адаптации мигрантов, так и помогать их включению в принимающее общество. Второй фактор – это отношение принимающего общества к ребенку-мигранту. С одной стороны, для ребенка важно постоянно общение с представителями «местного» общества, это ведет к его более быстрой социализации в нем. Однако это же принимающее общество, в случае если оно настроено отрицательно по отношению к мигрантам или каким-то этническим меньшинствам, может препятствовать встраиванию в него ребенка-мигранта. И третьим фактором является отношение «своего», мигрантского сообщества к процессам адаптации детей в принимающем обществе, которое может как положительно влиять на них, так и препятствовать включению ребенка в принимающее общество.

Наше исследование показывает, что в процессе адаптации детей мигрантов в российских школах играют роль все упомянутые факторы. На уровне государства дети мигрантов выделяются администрацией школ при зачислении в школу как сложная социальная группа, присутствие которой в учебном заведении требует дополнительной

нагрузки на учителей. Сегодня можно говорить о существовании в Москве и Подмосковье школ, в которых концентрируется большее число детей мигрантов, нежели в других учебных заведениях. Одни школы не хотят брать к себе детей мигрантов и отказывают им в приеме со ссылкой на переполненность. Как правило, это школы с высокими показателями ЕГЭ, в которые стараются отдать детей «местные», и часто они действительно заполняются раньше других. Другие школы, наоборот, записывают к себе всех детей вследствие недобора. Как правило, такие школы имеют низкие показатели ЕГЭ и в них чаще, чем в других школах района (города, округа), имеются специализированные классы (например, для детей-инвалидов до 2016 г., вечерняя школа и др.). Таким образом, на уровне школ происходит сегрегация, одни школы отбирают лучших, другие берут всех «остальных» [Константиновский и др. 2008; Шпаковская 2015].

Следует отметить, что такое явление как «мигрантская школа» требует дальнейшего рассмотрения и обоснования. В зависимости от позиции наблюдающего можно говорить не только о различном отношении к таким школам, но и оспаривать сам факт существования подобного маркирования. С одной стороны, как уже было отмечено, на уровне государственного дискурса категория детей мигрантов находится на периферии общественного внимания, и зачастую присутствие таких детей в учебном процессе игнорируется, что проявляется в фактическом отсутствии государственных программ для мигрантов. С позиции родителей «местных» детей можно говорить о существовании «плохих» школ, которые ассоциируются с высокой концентрацией в них мигрантов. На самом деле, сегодня определить количество школ, в которых число мигрантов действительно превышает число «местных», практически невозможно. Таким образом, в реальности можно говорить о наличии школ, в которых среднее число мигрантов составляет около 6-7 человек в классе, что уже является достаточным основанием для маркирования их как «мигрантских». А это, в свою очередь, может выступать в качестве отталкивающего фактора при выборе школы «местными».

Однако, попадая в эти «мигрантские» школы, дети оказываются в среде, которая готова их принять. На наш взгляд, успешная адаптация детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья связана с разнородностью первых. Это дети из разных стран, с разными историями, разными стилями жизни и семейными традициями. Ни в одной школе не было речи о каких-либо сообществах на этнической почве. Многие дети мигрантов, приезжая в Россию, говорят по-русски и практически сразу вливаются в школьный коллектив. Этничность играет роль лишь первое время, в особенности, когда дети плохо знают язык. Но, стоит ребенку встроиться в коллектив класса, эти этнические границы стираются, в том числе и потому, что ребенок не встраивается в какие-то этнические сообщества.

Попадая в школы со «сложным социальным контекстом», дети мигрантов оказываются в социальной среде, которая сама является исключенной в российском обществе. Это дети из семей с низким социальным статусом, входящие в социально уязвимые группы. Дети мигрантов не чувствуют себя исключенными в школьном сообществе, так как они оказываются в социальной среде, предполагающей отклонения от нормы. Их история миграции вписывается в те сложные социальные истории, которые переживают их одноклассники. Фокус-группы, проведенные с детьми мигрантов и «местными» детьми, показали, что, если даже и не существует особой дружбы между ними,

то в основном складывается нейтральное отношение к сверстнику как к «своему», к однокласснику. Дети мигрантов не входят в какие-то другие сообщества, кроме школьного, поэтому постепенно они полностью вливаются в коллектив, не имея другой альтернативы общения.

Важную роль во включении детей в принимающее общество играют их семьи. Мигранты из-за рубежа привозят детей только в том случае, если они уже встроены в местную жизнь и экономику страны. Это те мигранты, которые планируют жить в России и настроены на интеграцию своих детей в российское общество. Существующие в некоторых семьях рамки традиций, которые могут ограничивать детей в общении со сверстниками (в основном они касаются девочек-подростков), упоминались в интервью и фокус-группах, но ни разу не был приведен пример, когда ребёнок перестал бы ходить в школу или общаться со сверстниками вследствие каких-то запретов семьи. Учителя и дети указывают на то, что в основном семьи детей мигрантов нацелены на интеграцию детей, даже если внутри семьи они предпочитают придерживаться своих традиций, и родители при возможности помогают детям адаптироваться в принимающем обществе.

«Этнизация» школьного пространства является отражением и продолжением «этнизации» городской среды. Опасность заключается в том, что нередко как учителя, так и местные родители переносят свои негативные представления об интенсификации миграции в Москву и Подмосковье на школу. Они распространяют на детей мигрантов стереотипы, почерпнутые за стенами школы: из СМИ и собственного отрицательного опыта взаимодействия с мигрантами. Таким образом, можно говорить о двух «этнизациях» школьного пространства: о реальном усложнении этнической картины школ московского региона и актуализации этнического в образовательных практиках и об «этнизации» школьного пространства в оценочных представлениях взрослых, транслирующих свои взгляды детям.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Д.А., В.В. Баранова, В.А. Иванюшина (2011). Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга. Предварительные данные. СПб.: Издательство Политехнического университета. 100 с.
- Александров Д.А., В.В. Баранова, В.А. Иванюшина (2012). Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 1: 176–199.
- Александров Д.А., Иванюшина В.А., Казарцева Е.В. (2015) Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2: 173-195.
- Деминцева Е.Б., В.М. Пешкова (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 597–598. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата обращения: 10.06.2017).
- Дятлов В.И., К.В. Григоричев (2014). Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. 10: 8–19.

- Зайончковская Ж.А., Ю.Ф. Флоринская, К.А. Доронина, Д.А. Полетаев (2014). Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 605–606. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (дата обращения: 10.06.2017).
- Константиновский Д.Л., В.С. Вахштайн, Д.Ю. Куракин (2008). «Бег с препятствиями». Кому доступно качественное общее образование? // Россия реформирующаяся. Ежегодник. 7. М.: Институт социологии РАН: 142-158.
- Лярская Е.В. (2006). «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропологический форум. 5: 242–258.
- Омельченко Е.Л., Ю.В. Андреева, Е.Л. Лукьянова, Г.А. Сабирова, Г.А. Я.Н. Крупец (2010). Адаптация детей мигрантов в школе. Методическое пособие: рекомендации по проведению комплекса адаптационных мероприятий в общеобразовательных учебных заведениях РФ. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета. 216 с.
- Пинская М.А., С.Г. Косарецкий, И.Д. Фрумин (2011). Школы, эффективно работающие в сложных социальных контекстах // Вопросы образования. 4: 148–177.
- Сабирова Г.А., Ю.В. Андреева (2014). Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 1: 170–189.
- Солдатова А. (2014). Опыт этнологического изучения школьных систем в полиэтничных мегаполисах (подходы и практики обучения детей этнических меньшинств в Москве, Лондоне и Мехико): дисс. ... канд. истор. наук. М.: Издательство Московского университета.
- Троицкий К. (2017). Всеобщее право не для каждого. Доступ к школьному образованию для детей беженцев и трудовых мигрантов в России. Доклад комитета «Гражданское содействие». Москва. Май. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupe-k-obrazovaniyu.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).
- Флоринская Ю.Ф., Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М. Кириллова (2015). Миграция и рынок труда. М.: ИД "Дело". 108 с.
- Фрумин И.Д., М.А. Пинская, С.Г. Косарецкий (2012). Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ // Народное образование. 1: 17–24.
- Шпаковская Л.Л. (2015). Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социальных неравенств // Журнал исследований социальной политики. 2: 211–224.
- Ястребов Г.А., А.Р. Бессуднов, М.А. Пинская, С.Г. Косарецкий (2013). Проблема контекстуализации образовательных результатов: школы, социальный состав учащихся и уровень депривации территорий // Вопросы образования. 4: 188–246.
- Ainsworth J. (2013). *Sociology of education an A-to-Z guide*. Thousand Oaks: SAGE Publications. 1056 p.
- Alba R., J. Holdaway (2013). *The children of immigrants in school: a comparative look at integration in the United States and Western Europe*. NY: New York university press. 350 p.
- Alba R., R. Silberman (2009). *The children of immigrants and host-society education systems: Mexicans in the United States and North Africans in France* // *Teachers college record*. 9: 1444–1475.

- Alba R., V. Nee (2003). *Remaking the American mainstream: assimilation and the new immigration*. Cambridge, MA: Harvard university press. 384 p.
- Christensen G., P. Stanat (2007). *Language policies and practices for helping immigrants and second-generation students succeed*. The Transatlantic Task Force on immigration and integration. Washington DC: Migration policy institute. URL: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/ChristensenEducation091907.pdf>. (дата обращения: 01.10.2017).
- Crul M., H. Vermeulen (2003). *The future of the second generation: the integration of migrant youth in six European countries*. Special issue // *International migration review*. 37: 965–986.
- Crul M., J. Holdaway (2009). *Children of immigrants in schools in New York and Amsterdam: the factors shaping attainment* // *Teachers college record*. 111(6): 1476–1507.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (2012). *School careers of second-generation youth in Europe*. Amsterdam: Amsterdam university press. 420 p.
- Demintseva E. (2017). *Labour migrants in post-soviet moscow: patterns of settlement* // *Journal of ethnic and migration studies*. 43 (15): 2556-2572
- Deyhle D. (1995). *Navajo youth and anglo racism: cultural integrity and resistance* // *Harvard educational review*. 65(3): 23–67.
- Genesee F., K. Lindholm-Leary, W. Saunders, D. Christian (2006). *Educating English language learners: a synthesis of the empirical evidence research*. NY: Cambridge university press. 245 p.
- Gibson M. (1998). *Accommodation without assimilation: sikh immigrants in an American high school*. Ithaca, NY: Cornell university press. 272 p.
- Gil A., W.A. Vega, J.M. Dimas (1994). *Acculturative stress and personal adjustment among Hispanic adolescent boys* // *Journal of community psychology*. 22: 43–54.
- Gordon M. (1964). *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. NY: Oxford university press. 272 p.
- James D.C. (1997). *Coping with a new society: the unique psychosocial problems of immigrant youth* // *Journal of school health*. 67: 98–102.
- Karsten S. (2006). *Policies for disadvantaged children under scrutiny: the dutch policy compared with policies in France, England, Flanders and the USA* // *Comparative education*. 42 (2): 261–282.
- Lacoste-Dujardin C. (1992). *Yasmina et les autres de Nanterre et d'ailleurs : filles de parents maghrébins en France*. Paris : Ed. De la Decouverte. 286 p.
- Lapeyronnie D. (2008). *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui*. Paris: Robert Laffont. 624 p.
- Mehan H., L. Hubbard, I. Villanueva (1994). *Forming academic identities: accommodation without assimilation among involuntary minorities* // *Anthropology and education quarterly*. 25: 91–117.
- OECD (2015). *Immigrant students at school. Easing the journey towards integration*. OECD publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264249509-en> (дата обращения: 01.10.2017).
- Olsen L. (1988). *Crossing the schoolhouse border: immigrant students and the California public schools*. SF: California tomorrow. 131 p.

- Portes A., M. Zhou (1993). The new second generation: segmented assimilation and its variants // *The annals of the American academy of political and social science*. 530: 74-96.
- Portes A., R. Rumbaut (2001). *Legacies: the story of the immigrant second generation*. Berkeley, CA: University of California press and Russell sage foundation. 353 p.
- Rogler L.H., D.E. Cortes, R.G. Malgady (1991). Acculturation and mental health status among Hispanics: convergence and new directions for research // *American psychologist*. 46: 585–597.
- Rumbaut R.G. (1994). The crucible within: ethnic identity, self-esteem, and segmented assimilation among children of immigrants // *International migration review*. 28: 748–794.
- Rumbaut R.G. (1995). The new Californians: comparative research findings on the educational progress of immigrant children // *California's Immigrant children: Theory, research, and implications for educational policy* / R.G. Rumbaut, ed. San Diego: University of California. 17-70.
- Rumbaut R.G. (1997). Assimilation and its discontents: between rhetoric and reality // *International migration review*. 31: 923–960.
- Vernez G., A. Abrahamse A. (1996). *How immigrants fare in U.S. education*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 83 p.

ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN IN THE SCHOOLS OF MOSCOW AND THE MOSCOW REGION

EKATERINA DEMINTSEVA, DARIA ZELENОВА, ELIZAVETA KOSMIDIS,
DMITRY OPARIN

The paper presents the results of a study of the adaptation of migrant children in schools in Moscow and the Moscow region. We analyze the obstacles that migrant families face when enrolling a child in school and the situations they deal with in schools with a “socially challenging environment”. We argue that in the eyes of teachers the ethnic origins of children are more important than their citizenship for defining what a “migrant student” is. Both the migrant children themselves and their teachers consider the students’ low proficiency in Russian to be the key obstacle to their adaptation during their first year at school. The lack of classes of Russian as a foreign language, as well as of special training for teachers working in an ethnically diverse classroom also hamper assimilation. Given the significant inflows of migrant children, some schools are currently experiencing changes in the school environment. Extracurricular activities are becoming more diverse and often ethnically oriented. The ethnicization of the school environment is an extension of the ethnicization of the urban environment.

Key words: migrant children, schools, assimilation, adaptation, ethnization.

EKATERINA DEMINTSEVA (edemintseva@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DARIA ZELENОВА (d.zelenova@gmail.com), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

ELIZAVETA KOSMIDIS (kosmidislisa@gmail.com), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DMITRY OPARIN (dimaoparin@hotmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

THIS ARTICLE IS THE PRODUCT OF A RESEARCH PROJECT IMPLEMENTED AS PART OF THE BASIC RESEARCH PROGRAMME AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) 2017.

DATE RECEIVED: JUNE 2017.

REFERENCES

- Ainsworth J. (2013). *Sociology of education an A-to-Z guide*. Thousand Oaks: SAGE Publications. 1056 p.
- Alba R., J. Holdaway (2013). *The children of immigrants in school: a comparative look at integration in the United States and Western Europe*. NY: New York university press. 350 p.
- Alba R., R. Silberman (2009). *The children of immigrants and host-society education systems: Mexicans in the United States and North Africans in France* // *Teachers college record*. 9: 1444–1475.
- Alba R., V. Nee (2003). *Remaking the American mainstream: assimilation and the new immigration*. Cambridge, MA: Harvard university press. 384 p.
- Alexandrov D., Baranova V., Ivanyushina V. (2011). *Deti iz semey migrantov v shkolakh Sankt-Peterburga. Predvaritel'nye dannye [Children from migrants' families in St. Petersburg schools. Preliminary data]*. S-Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta. 100 p.

- Alexandrov D., Baranova V., Ivanyushina V. (2012). *Deti i roditeli-migranty vo vzaimodeystvii s rossiyskoy shkoly* [Children and their migrant parents in cooperation with Russian school] // *Issues of education*. 1: 176-199.
- Alexandrov D., V. Ivanyushina, E. Kazartseva (2015). *Ethnic make-up of the schools and migratory status of the students in Russia* // *Issues of education*. 2: 173-195.
- Christensen G., P. Stanat (2007). *Language policies and practices for helping immigrants and second-generation students succeed. The Transatlantic Task Force on immigration and integration*. Washington DC: Migration policy institute. URL: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/ChristensenEducation091907.pdf>. (accessed: 01.10.2017).
- Crul M., H. Vermeulen (2003). *The future of the second generation: the integration of migrant youth in six European countries. Special issue* // *International migration review*. 37: 965–986.
- Crul M., J. Holdaway (2009). *Children of immigrants in schools in New York and Amsterdam: the factors shaping attainment* // *Teachers college record*. 111(6): 1476–1507.
- Crul M., J. Schneider, F. Lelie (2012). *School careers of second-generation youth in Europe*. Amsterdam: Amsterdam university press. 420 p.
- Demintseva E. (2017). *Labour migrants in post-soviet moscow: patterns of settlement* // *Journal of ethnic and migration studies*. 43 (15): 2556-2572
- Demintseva E., V. Peshkova (2014). *Migranty iz Sredney Azii v Moskve* [Migrants from Central Asia in Moscow] // *Demoscope Weekly* [Demoscope Weekly]. 597-598. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (accessed: 10.06.2017).
- Deyhle D. (1995). *Navajo youth and anglo racism: cultural integrity and resistance* // *Harvard educational review*. 65(3): 23–67.
- Dyatlov V., K. Grigorichev (2014). *Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva* [Siberia: dynamic of the ethnization of the urban space of the settled society] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10: 8-19.
- Florinskaya Yu., Mkrtychyan N., Maleva T., Kirillova M. (2015). *Migratsiya i rynek truda* [Migration and the labor market]. Moscow: ID "Delo". 108 p.
- Frumin I., M. Pinskaya, S. Kosaretsky (2012). *Sotsial'no-ekonomicheskoe i territorial'noe neravenstvo uchenikov i shkol* [Socio-economic and territorial inequality of pupils and schools] // *Narodnoe obrazovanie* [Public education]. 1: 17-24.
- Genesee F., K. Lindholm-Leary, W. Saunders, D. Christian (2006). *Educating English language learners: a synthesis of the empirical evidence research*. NY: Cambridge university press. 245 p.
- Gibson M. (1998). *Accommodation without assimilation: sikh immigrants in an American high school*. Ithaca, NY: Cornell university press. 272 p.
- Gil A., W.A. Vega, J.M. Dimas (1994). *Acculturative stress and personal adjustment among Hispanic adolescent boys* // *Journal of community psychology*. 22: 43–54.
- Gordon M. (1964). *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. NY: Oxford university press. 272 p.
- James D.C. (1997). *Coping with a new society: the unique psychosocial problems of immigrant youth* // *Journal of school health*. 67: 98–102.

- Karsten S. (2006). Policies for disadvantaged children under scrutiny: the dutch policy compared with policies in France, England, Flanders and the USA // *Comparative education*. 42 (2): 261–282.
- Konstantinovskiy D., Vahstein V., Kurakin D. (2008). «Beg s prepyatstviyami». Komu dostupno kachestvennoe obshchee obrazovanie? [“Obstacle race”. Who can afford good general education?] // *Rossiya reformiruyushchayasya [Rossiya reformiruyushchayasya]*. Ezhegodnik [Annually]. 1. 7. Moscow: Institut sotsiologii RAN: 142-158.
- Lacoste-Dujardin C. (1992). *Yasmina et les autres de Nanterre et d’ailleurs : filles de parents maghrébins en France*. Paris : Ed. De la Decouverte. 286 p.
- Lapeyronnie D. (2008). *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui*. Paris: Robert Laffont. 624 p.
- Lyarskaya E. (2006). «U nikh zhe vse ne kak u lyudey...»: Nekotorye stereotipnye predstavleniya pedagogov Yamalo-Nenetskogo okruga o tundrovikakh [“They don’t resemble people...”. Some Yamal teachers’ stereotypes about tundra nomads] // *Antropologicheskii forum [Anthropological forum]*. 5: 242-258.
- Mehan H., L. Hubbard, I. Villanueva (1994). Forming academic identities: accommodation without assimilation among involuntary minorities // *Anthropology and education quarterly*. 25: 91–117.
- OECD (2015). *Immigrant students at school. Easing the journey towards integration*. OECD publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264249509-en> (accessed: : 01.10.2017).
- Olsen L. (1988). *Crossing the schoolhouse border: immigrant students and the California public schools*. SF: California tomorrow. 131 p.
- Omelchenko E.L., Yu.V. Andreeva, E.L. Lukyanova, Sabirova, G.A. Ya.N. Krupets (2010). *Adaptatsiya detey migrantov v shkole. Metodicheskoe posobie: rekomendatsii po provedeniyu kompleksa adaptatsionnykh meropriyatiy v obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniyakh RF [Adaptation of migrants’ children in school. The methodical manual: recommendations on carrying out of a complex of adaptive measures in educational institutions of the Russian Federation]*. Ulyanovsk: Izdatel'stvo Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 216 p.
- Pinskaya M., S. Kosaretsky, I. Frumin (2011). *Shkoly, effektivno rabotayushchie v slozhnykh sotsial'nykh kontekstakh [Schools that work effectively in complex social contexts] // Voprosy obrazovaniya [Issues of education]*. 4: 148-177.
- Portes A., M. Zhou (1993). The new second generation: segmented assimilation and its variants // *The annals of the American academy of political and social science*. 530: 74-96.
- Portes A., R. Rumbaut (2001). *Legacies: the story of the immigrant second generation*. Berkeley, CA: University of California press and Russell sage foundation. 353 p.
- Rogler L.H., D.E. Cortes, R.G. Malgady (1991). Acculturation and mental health status among Hispanics: convergence and new directions for research // *American psychologist*. 46: 585–597.
- Rumbaut R.G. (1994). The crucible within: ethnic identity, self-esteem, and segmented assimilation among children of immigrants // *International migration review*. 28: 748–794.
- Rumbaut R.G. (1995). *The new Californians: comparative research findings on the educational progress of immigrant children // California’s Immigrant children: Theory, research, and implications for educational policy / R.G. Rumbaut, ed. San Diego: University of California*. 17-70.

- Rumbaut R.G. (1997). Assimilation and its discontents: between rhetoric and reality // *International migration review*. 31: 923–960.
- Sabirova G., Andreeva Yu. (2014). Shkol'naya družeskaya kompaniya podrostanta s migratsionnoy istoriey [School teenager company with a migration background] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. 1: 170-189.
- Shpakovskaya L. (2015). Obrazovatel'nye prityazaniya roditeley kak mekhanizm vosproizvodstva sotsial'nykh neravenstv [Educational claims of parents as a mechanism for the reproduction of social inequalities] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of social policy studies]. 2: 211-224.
- Soldatova A. (2014). Opyt etnologicheskogo izucheniya shkol'nykh sistem v polietnichnykh megapolisakh (podkhody i praktiki obucheniya detey etnicheskikh men'shinstv v Moskve, Londone i Mekhiko): diss. ... kand. istor. nauk [Experience in the ethnological study of school systems in polyethnic megacities (approaches and practices of teaching children of ethnic minorities in Moscow, London and Mexico). Thesis for the degree of candidate of historical sciences]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Troitsky K. (2017). Vseobshchee pravo ne dlya kazhdogo. Dostup k shkol'nomu obrazovaniyu dlya detey bezhentsev i trudovykh migrantov v Rossii [Universal law is not for everyone. Access to school education for refugee and labour migrants' children in Russia]. Doklad komiteta «Grazhdanskoe sodeystvie» [Report of the Civic Assistance Committee]. Moscow. May. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupe-k-obrazovaniyu.pdf> (accessed: 10.06.2017).
- Vernez G., A. Abrahamse A. (1996). How immigrants fare in U.S. education. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 83 p.
- Yastrebov G., A. Bessudnov, M. Pinskaya, S. Kosaretsky (2013). Problema kontekstualizatsii obrazovatel'nykh rezul'tatov: shkoly, sotsial'nyy sostav uchashchikhsya i uroven' deprivatsii territoriy [The problem of the contextualization of educational results: schools, the social make-up of students and the level of deprivation of territories] // *Voprosy obrazovaniya* [Issues of education]. 4: 188-246.
- Zaionchkovskaya J., Y. Florinskaya, K. Doronina, D. Poletaev (2014). Migranty glazami moskvichey [Migrants through the eyes of the Moscovites] // *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly]. 605-606. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (accessed: 10.06.2017).

ДАТЫ РОЖДЕНИЙ И ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ У ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ

ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВ, ДАРЬЯ РАЗУМОВА, АЛЕКСЕЙ КНОРРЕ

Распространенное среди православных убеждение о недопустимости интимной близости в период поста должно отражаться на распределении числа рождений. Православие является традиционной религией в России, большинство православных получает свои религиозные убеждения в ходе первичной социализации. Таким образом, православная самоидентификация скорее всего означает, что человек имеет православных родителей (хотя бы одного). Это дает возможность использовать социальную сеть ВКонтакте, где пользователи могут выразить свою религиозную принадлежность, для проверки распространенности воздержания от интимной близости в период поста. Мы использовали случайную выборку примерно из 725 тыс. аккаунтов и сравнили распределение рождений у пользователей, указавших православное и неправославное мировоззрение. Результат показывает, что воздержание от интимных связей в период поста практикуется, но его влияние на годовое распределение числа рождений незначительно. Обнаруженный эффект может наблюдаться, если около 2% православных строго избегают интимной близости в пост.

Ключевые слова: пост, интимная близость, православие, ВКонтакте, социальные сети.

Группа, состоящая из голландского, бельгийского и румынского исследователей, использовала данные по датам рождений совместно с данными о религиозной принадлежности для проверки соответствия частот рождений закону Бенфорда [Ausloos et al. 2015]. В их статье проанализирована длинная временная серия (95 лет) количества рождений в православных и неправославных румынских семьях и показаны серьёзные отклонения от закона Бенфорда, а также различия рождений в православных и неправославных семьях.

Румынские данные содержали число рождений по дням года для всех участников переписей 1991 и 2001 г. Доля православных составляла 86,8%. И для православных, и для неправославных распределение существенно отличалось от ожидаемого по Бенфорду. Основная причина вполне ясна. И для православных, и для прочих семей диапазон числа рождений достаточно узок. Максимум числа рождений для православных семей находится в диапазоне 500-600 в день, чаще всего встречается первая значащая цифра 5, для неправославных – 90-100, поэтому часто встречается 9, 1, 8.

Нас вдохновила идея использования статистических тестов для изучения демографических данных. Мы использовали её для поиска различий в распределении числа рождений по датам с учетом религиозного самоопределения у пользователей соцсетей.

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ (vitg2@mail.ru), САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Россия.

ДАРЬЯ БОРИСОВНА РАЗУМОВА (63599@mail.ru), САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОФИЛАКТИКИ АСОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ «КОНТАКТ», Россия.

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ КНОРРЕ (a.v.knorre@gmail.com), ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, Россия.

Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

Внешнее благочестие и внутренняя религиозность по убеждению не обязательно совпадают. Первое может быть следствием адаптации или культурной привычкой, но может следовать и из религиозных взглядов. Белинский в общеизвестном письме к Гоголю написал: «Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почёсывая себе задницу» [Белинский 1953: 243-252]. Правда Белинский, можно решить, если найти индикатор религиозности, полностью или почти полностью свободный от социального контроля. По мнению Б.Н. Миронова, таким индикатором может служить сезонное распределение рождений:

«Воздержание от интимных контактов во время Великого поста менее поддавалось контролю общественности, и поэтому данные об этих контактах могут пролить дополнительный свет на приверженность населения к религиозным обрядам или, как говорили люди, на степень «страха Божьего». Православная и католическая церкви во время Великого поста, который продолжался 48 дней между февралем и маем (пост не имел строгой датировки, но февраль или март целиком приходились на пост), требовали от своей паствы ограничений в пище, развлечениях, а также полового воздержания. Нарушение этих запретов считалось грехом. На исповеди священники спрашивали прихожан: «В праздники господские, в воскресные дни, в среды и пятницы и Великий пост не совокупляешься ли с ним/с нею?». Если бы все православные соблюдали запреты, то в год, когда пост приходился на февраль, нулевая рождаемость наблюдалась бы в ноябре, а когда пост приходился на март — в декабре. Чем менее соблюдались запреты воздержания в Великий пост, тем больше была бы рождаемость в соответствующие месяцы, и наоборот. Следовательно, колебания рождаемости через 9 месяцев после поста могут служить хорошим показателем строгости его соблюдения» [Миронов 2003: 327].

Таким образом, религиозные убеждения родителей оставляют след в демографии потомства.

Историческая демография использовала изучение сезонности рождений, в том числе, в контексте религиозности населения России [Авдеев и др. 2002; Дьячков, Канищев 2003; Миронов 2005a; 2005b]. Однако между специалистами отсутствует согласие в интерпретации наблюдаемых данных. Причины, по которым интерпретация данных затруднена, состоят в следующем.

- На сезонность рождений оказывает влияние не только религиозный фактор, но и многие другие (сезонность полевых работ, сезонность отпусков и тому подобное).
- Особенности регистрации рождений могут вносить искажения в данные.
- Продолжительность беременности не является вполне определенной величиной.

Нам представляется, что прямое сравнение сезонного распределения рождений у православных и неправославных может указывать на наличие или отсутствие определенной сезонности, связанной с религиозными взглядами. В таком случае люди с иными взглядами на религию будут выступать контрольной группой, на которую в равной мере воздействуют нерелигиозные факторы, связанные с сезонностью.

Православная традиция разрешает интимную близость исключительно между супругами и предполагает периоды воздержания от нее. Их соблюдение является скорее

идеальной нормой, нежели обязанностью: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление» (слова апостола Павла: 1Кор 7: 5-6). Согласно церковным правилам, запретными днями являются вечер субботы, канун торжества двенадцатого праздника и постных среды и пятницы (вечер вторника и четверга), дни говения (т.е. подготовка к таинству причащения), а также многодневные посты [Павлов 1897: 166].

Хотя в церковных кругах наблюдается расхождение во мнениях об обязательности воздержания от близости во время поста, от полного отсутствия таковой¹, до несомненной обязательности для каждого христианина [Белов 2009], для большинства православных верующих в наше время такое воздержание – важный признак благочестия.

В связи с тем, что сроки беременности не могут определяться с точностью до дня, в своем исследовании мы не учитываем однодневные посты, а уделяем внимание многодневным (Великий, Петров, Успенский и Рождественский). В отличие от Успенского (14 - 28 августа) и Рождественского (28 ноября - 7 января) постов, первые два не имеют устойчивых календарных дат. Празднование Великого поста начинается за 7 недель до Пасхи и длится в течение 47-48 дней. Петров пост не имеет точной продолжительности и начинается через неделю после Троицы (после девятого воскресенья по Пасхе).

Из-за зависимости некоторых постов от переходящего праздника Пасхи ежегодно составляется православный церковный календарь. Мы рассчитывали, приходится ли предполагаемая дата зачатия на пост, с учетом этих особенностей.

Для историков, скажем, XIX века было трудно найти группу для построения базы сравнения частот рождаемости, так как православное вероисповедание было господствующим в империи. Например, А. Авдеев с коллегами в качестве контроля используют данные по Франции [Авдеев и др. 2002]. В наше время построение контрольной группы вполне реально. Важным допущением является то, что религиозная социализация приверженцев традиционных религий происходит в семье, и религиозные взгляды детей определяются в значительной степени религиозной принадлежностью родителей, что является хорошо установленным фактом [Вao et al. 1999; Житенев 2008]. Следовательно, вера родителей должна отражаться как на распределении рождений, так и на религиозных взглядах потомства.

Мы решили использовать данные из социальной сети ВКонтакте, позволяющей пользователям выражать свои религиозные взгляды. Поле “Мировоззрение” содержит заранее сформированный список вариантов (в русском интерфейсе: Иудаизм, Православие, Католицизм, Протестантизм, Ислам, Буддизм, Конфуцианство, Светский гуманизм, Пастафарианство) или позволяет указать пользователю свой вариант.

Гипотеза 1. Мы обнаружим различие в распределении дат рождений пользователей, указавших принадлежность к православию и других пользователей.

¹ Кураев А. (2009). Постового устава супружеских отношений не существует. URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/14764.html?thread=1914284> (дата обращения: 21.08.2016).

Гипотеза 2. Пропорция зачатий, приходящихся на постные дни, будет иметь статистические значимые различия для групп православных и неправославных пользователей.

Чтобы проверить эти гипотезы, мы по дате рождения определяли примерную дату зачатия и смотрели, приходится ли эта дата на период поста.

Существует несколько способов расчета продолжительности беременности: с первого дня последних месячных, с первого дня овуляции, с момента зачатия ребенка (если эта дата точно известна). Для определения даты зачатия используются анализы содержания гормонов в моче, а также УЗИ. Обычно эти методы не дают точной даты.

Согласно правилу Негеле, средняя продолжительность беременности составляет 9 месяцев (280 дней = 40 недель). Этот срок отсчитывается от последних месячных, что дает завышенную оценку срока беременности.

Сроки нормальной беременности отличаются высокой вариативностью. Согласно Монгелли и его коллегам, только 4% женщин вынашивают плод в течение 280 дней и 70% рождений отклоняются на 10 дней от предполагаемой даты. Британские исследователи провели сравнение сроков беременности по этнической принадлежности (среди белых европейских, черных и азиатских женщин) [Jukic et al. 2013]. В выборку вошло 122 415 первородящих женщин, чья беременность закончилась одноплодными родами. Средняя продолжительность беременности у темнокожих и азиатских рожениц совпала (39 недель), в то время как у белых европейцев она оказалась на неделю больше (40 недель).

Наибольшей валидностью в определении среднего срока беременности, на наш взгляд, обладает исследование Анны Марии Джукич с коллегами [Jukic et al. 2013]. В отличие от предыдущих исследований, ученые Северной Каролины рассчитывали среднюю продолжительность беременности, исходя из первого дня овуляции, которую определяли по гормональным анализам суточных проб мочи 125 одноплодных женщин. Испытуемые имели намерение забеременеть и участвовали в исследовании с самого начала беременности. 80% сроков беременности оказалось в интервале 256-275 дней. Медианный промежуток от овуляции до рождения составил 268 дней. В нашем исследовании мы принимаем в качестве продолжительности беременности именно это медианное значение.

МЕТОД

Из общего числа пользователей сети ВКонтакте (на октябрь 2016 г. около 330 млн аккаунтов) простой случайной выборкой был отобран 725 471 аккаунт. Столь некруглое число получилось из-за того, что из созданной выборки были исключены закрытые и заблокированные аккаунты, число которых нельзя было предвидеть заранее.

Предварительная обработка данных заключалась в том, чтобы исключить особенности написания пользователями своего мировоззрения. Например, такие мировоззрения, как “православие” (со строчной буквы), “провославие”, “православный/-ая” и тому подобные перекодировались в “Православие” (стандарт, предлагаемый сетью в русском интерфейсе).

Гипотезы проверяли тремя способами.

1. Графическое представление распределений рождений пользователей, указавших православное мировоззрение (будем называть их “православные”) в течение года, сравнивали со всеми остальными пользователями и с пользователями, указывающими неправославное мировоззрение, что позволило визуально оценить расхождения. К неправославным пользователям были отнесены аккаунты со следующими мировоззрениями: "Ислам", "Светский гуманизм", "Католицизм", "Буддизм", "Атеизм", "Протестантизм", "Иудаизм", "Пастафарианство", "Конфуцианство", "Агностицизм". Мы включили в список именно эти мировоззрения с учетом частоты упоминания.
2. Использовали статистический тест, основанный на статистике хи-квадрат Пирсона, для поиска различий количества зачатий в постные и обычные дни для православных и других пользователей. Дату зачатия определяли вычитанием продолжительности беременности из даты рождения. Мы ввели две переменные показывающие, что предполагаемая дата зачатия пришлась на пост (1) и что предполагаемая дата зачатия пришлась на середину поста – не менее 10 дней от начала и не менее 10 дней до окончания поста (2). Мы ожидаем, что вторая переменная должна дать более четкую картину из-за уменьшения неопределенности в связи с изменчивостью сроков беременности.
3. Использовали двухвыборочный тест Кёйпера [Verens 2009] для проверки идентичности распределений дат рождения в течение года для православных и других пользователей. Это вариант теста Колмогорова-Смирнова, адаптированный для работы с циклическими данными, такими как частоты рождений по числу и месяцу.

Анализ проводили с использованием программной среды вычислений R [R Core Team 2016].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Прежде всего, отметим, что в сети ВКонтакте представлены достаточно молодые пользователи. Примерно половина пользователей на момент сбора данных родились после ноября 1989 г. (рисунок 1). В выборке мужчины составляют 53%, женщины – 46%, пол остальных не указан. 10 наиболее распространенных мировоззрений представлены в таблице 1.

Таблица 1. Число аккаутов с наиболее распространенными мировоззрениями в социальной сети ВКонтакте

Мировоззрение	Вся выборка (N=725471)		Указавшие день рождения (N=334034)		Указавшие полную дату рождения (N=211708)	
	число	доля, %	число	доля, %	число	доля, %
Не указано	677214	93,35	299014	89,52	188929	89,24
Православие*	22861	3,15	17373	5,20	11188	5,28
Ислам*	4678	0,64	3386	1,01	2266	1,07
Христианство	2449	0,34	1712	0,51	1132	0,53
Светский гуманизм*	1375	0,19	955	0,29	612	0,29
Католицизм*	1204	0,17	863	0,26	567	0,27
Буддизм*	932	0,13	656	0,20	421	0,20
Атеизм	838	0,12	617	0,18	455	0,21
Верю в Бога	741	0,10	499	0,15	301	0,14
Протестантизм*	459	0,06	303	0,09	191	0,09

Примечание: * – Варианты, представленные в списке, который предлагает ресурс.

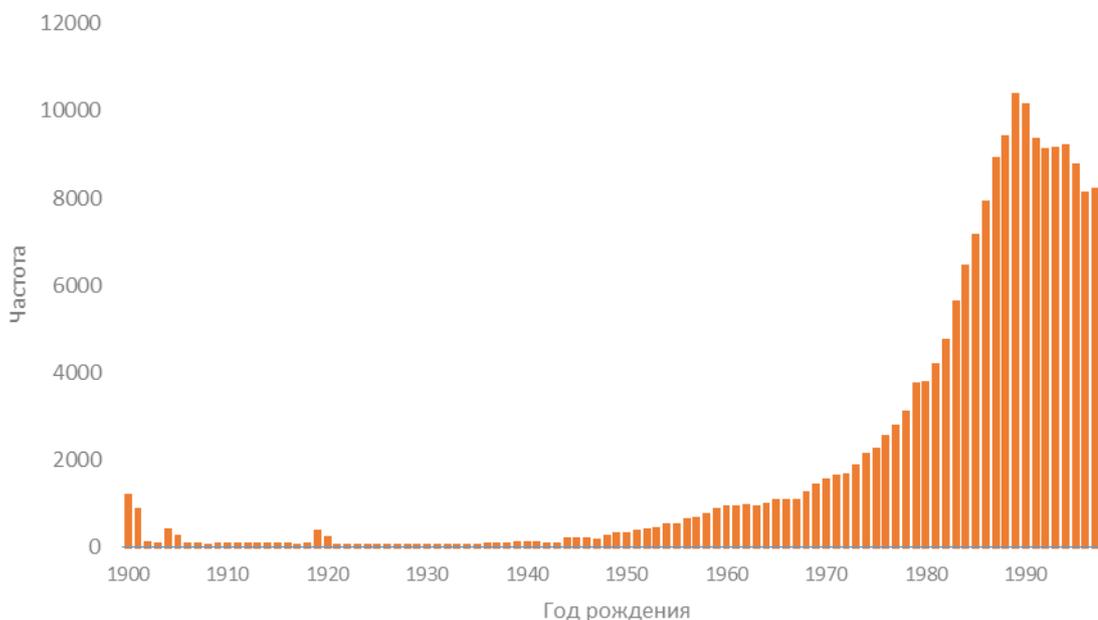

Рисунок 1. Распределение рождений пользователей ВКонтакте, указавших дату рождения (N=211708)

Распределение рождений по дням года для трех групп пользователей представлено на рисунке 2 (использовали сглаживание). Первая группа – указавшие православие в разделе мировоззрение, вторая – пользователи с неправославным мировоззрением, третья – все пользователи. Из распределения исключены родившиеся 29 февраля. На графике серые полосы выделяют периоды, когда должны рождаться дети, зачатые в постные дни. Более широкая полоса соответствует Рождественскому посту. Узкая полоса соответствует Великому посту. Из-за переходящего характера дат его начала и конца полоса получилась уже, потому что мы выделяли интервал с датами зачатия, безусловно приходящимися на пост. Общее количество дней, приходящихся на пост, получилось равным 58.

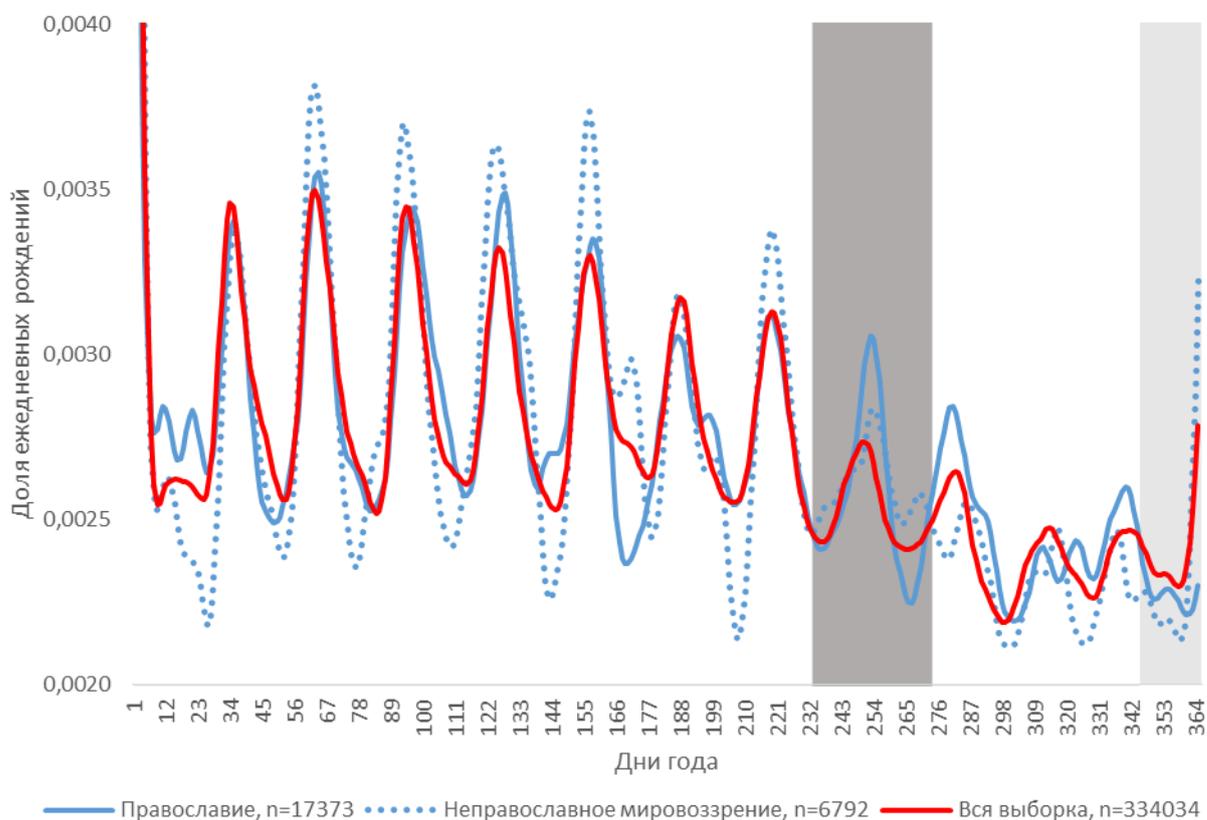

Рисунок 2. Распределение дней рождения, указанных пользователями (со сглаживанием)

Графическое представление не показывает заметных различий в распределении рождений. Расхождение кривых незначительно по сравнению с колебаниями самих кривых.

Таблица 2. Мировоззрение пользователей и зачатие в пост

Мировоззрение	Всего		Зачатие не в пост	Зачатие в пост	В % от общего числа зачатий	
	Тыс.	%			Зачатие не в пост	Зачатие в пост
Православие	11188	5,3	7561	3627	67,6	32,4
Неправославные мировоззрения	4482	2,1	2936	1546	65,5	34,5
Выборка в целом	211708	100,0	141782	69926	67,0	33,0

Таблица 3. Мировоззрение пользователей и зачатие в пост с использованием более жесткого критерия отбора зачатий в пост

Мировоззрение	Всего		Зачатие не в пост	Зачатие в пост	В % от общего числа зачатий	
	Тыс.	%			Зачатие не в пост	Зачатие в пост
Православие	11188	5,3	9661	1527	86,4	13,6
Неправославные мировоззрения	4482	2,1	3847	635	85,8	14,2
Выборка в целом	211708	100,0	182167	29541	86,0	14,0

Результаты теста хи-квадрат, напротив, показывают, что, по-видимому, существует связь между указанным мировоззрением и датой вероятного зачатия в пост ($\chi^2 = 6,23$,

$df = 1, p = 0,01$). Распределение частот представлено в таблице 2. В таблице 3 представлены аналогичные данные для более жесткого отбора (интервал постных зачатий сужен на 10 дней с каждой стороны). При более жестком отборе статистическая значимость несколько уменьшилась ($\chi^2 = 0,68, df = 1, p = 0,41$).

Тест Кёйпера на идентичность распределений не показал отличий в распределении зачатий по числам и месяцам ни при сравнении православных и неправославных ($k = 0,18, p > 0,1$), ни при сравнении православных со всеми остальными пользователями ($k = 0,13, p > 0,1$).

ОБСУЖДЕНИЕ

Если говорить о распределении рождений в течение годового цикла (**гипотеза 1**), то ни графический анализ, ни тест Кейпера не показывают особенностей рождений в православной подвыборке. Тест Кейпера и не мог их дать. Имитационное моделирование показало, что даже если приписать нулевые частоты зачатий православной подвыборке в так называемые “постные дни”, статистика не достигнет критического значения при сохранении остальной динамики рождений.

Статистика хи-квадрат более чувствительна при таких частотах, как в нашем случае. Меньшее число рождений у православных пользователей по сравнению с ожиданием при предположении, что посты не влияют на рождаемость, составило 1,8% для зачатий в пост и 1,0% для зачатий в середине поста (интервалы сужены на 20 дней). Эти числа дают оценку распространенности практики непоказного благочестия, выражающейся в воздержании от половых сношений в пост. Со статистической точки зрения **гипотеза 2** подтвердилась, однако влияние ограничения половых контактов в пост на годовое распределение числа рождений выглядит несущественным.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А., А. Блюм, И. Троицкая (2002). Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Российский демографический журнал. 1: 35–45.
- Белинский В. (1953). Письмо Гоголю // Н.В. Гоголь в русской критике: сборник статей. М.: Художественная литература: 243—252.
- Белов И. (2009). О супружеском воздержании в пост: норма или каноническое недоразумение? // Благодатный огонь. 19. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/5/> (дата обращения: 21.08.2016).
- Дьячков В.Л., В.В. Канищев (2003). Декабрьские рождения // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. М. – Барнаул: 317–342.
- Житенев Т.Е. (2008). Религиозные воззрения современной городской молодежи // Вестник гуманитарного института ТГУ. 3: 197—210.

- Миронов Б. Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2. СПб.: Дм. Буланин. 583 с.
- Миронов Б.Н. (2005а). (Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков? // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. Барнаул: Издательство Алтайского университета:528-543.
- Миронов Б.Н. (2005b). Нет, не увидеть всю Россию из Малых Пупков! // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. Барнаул: Издательство Алтайского университета: 578-592.
- Павлов А.С. (1897). Номоканон при Большом Третьяковом. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникавших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем синоде. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10073127> (дата обращения: 21.08.2016).
- Ausloos M., C. Herteliu, B. Pleanu (2015). Breakdown of Benford's law for birth data // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 419: 736–745.
- Bao W.N., L.B. Whitbeck, D.R. Hoyt, R.D. Conger (1999). Perceived parental acceptance as a moderator of religious transmission among adolescent boys and girls // *Journal of marriage and the family*. 61(26093): 362-374.
- Berens P. (2009). Circstat: a matlab toolbox for circular statistics // *Journal of statistical software*. 31(10). URL: <http://www.jstatsoft.org/v31/i10> (дата обращения: 21.08.2016).
- Jukic A.M., D.D. Baird, C.R. Weinberg, D.R. McConaughy, A.J. Wilcox (2013). Length of human pregnancy and contributors to its natural variation // *Human reproduction*. 28(10): 2848-2855.
- R Core Team (2016). R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 21.08.2016).

ORTHODOX SELF-IDENTIFICATION AND THE DISTRIBUTION OF BIRTHDAYS OF VK USERS

VITALY GRIGORIEV, DARIA RAZUMOVA, ALEXEY KNORRE

The common belief among Orthodox Christians that intimate relations are forbidden during a fasting period should affect the distribution of the number of births. Orthodoxy being the traditional religion for Russia, most Orthodox Christians acquire their religious beliefs in the course of primary socialization. Therefore, Orthodox self-identification most likely means that a person has at least one Orthodox parent. This makes data from the social network VK (where users have the opportunity to express their religious identity) useful for studying the prevalence of sexual abstinence during the period of fasting. We used a random sample of approximately 725,000 accounts and compared the distribution of births among users who indicated an Orthodox and non-Orthodox identity. The result shows that sexual abstinence during the fasting period exists, but is not substantial. The observed effect can be obtained if about 2% of Orthodox believers strictly avoid intimacy during the fast.

Key words: *fasting, sexual abstinence, Orthodoxy, VK, social networks.*

VITALY GRIGORIEV (vitg2@mail.ru), ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DARIA RAZUMOVA (63599@mail.ru), SPb SBI CCSP "CONTACT", RUSSIA.

ALEXEY KNORRE (vitg2@mail.ru), INSTITUTE FOR THE RULE OF LAW (IRL) AT THE EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT-PETERSBURG, RUSSIA.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2017.

REFERENCES

- Ausloos M., C. Herteliu, B. Ileanu (2015). Breakdown of Benford's law for birth data // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 419: 736–745.
- Avdeev A., A. Blum, I. Troitskaya (2002). Sezonnnyy faktor v demografii rossiyskogo krest'yanstva v pervoy polovine 19 veka: brachnost', rozhdaemost', mladencheskaya smertnost' [Seasonal factor in the demographics of the Russian peasantry in the first half of the 19th century: nuptiality, fertility, infant mortality] // *Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal* [The Russian demographic journal]. 1: 35–45.
- Bao W.N., L.B. Whitbeck, D.R. Hoyt, R.D. Conger (1999). Perceived parental acceptance as a moderator of religious transmission among adolescent boys and girls // *Journal of marriage and the family*. 61(26093): 362-374.
- Belinsky V. (1953). Pis'mo Gogolyu [A letter to Gogol] / N.V. Gogol' v russkoy kritike: sbornik stately [N. Gogol in Russian criticism: collected papers]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura: 243-252.
- Belov I. (2009). O supruzheskom vozderzhanii v post: norma ili kanonicheskoe nedorazumenie? [On conjugal abstinence during fasting: the norm or the canonical misconception?] // *Blagodatnyy ogon'* [Holy fire]. 19. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/5/> (accessed: 21.08.2016).
- Berens P. (2009). Circstat: a matlab toolbox for circular statistics // *Journal of statistical software*. 31(10). URL: <http://www.jstatsoft.org/v31/i10> (accessed: 21.08.2016).

- Dyachkov V.L., V.V. Kanishchev (2003). Dekabr'skie rozhdeniya [December births] // *Krug idey: elektronnye resursy istoricheskoy informatiki* [Circle of ideas: electronic resources of historical informatics] / L.I. Borodkin, V.N. Vladimirov, eds. Moscow – Barnaul: 317–342.
- Jukic A.M., D.D. Baird, C.R. Weinberg, D.R. Mcconnaughey, A.J. Wilcox (2013). Length of human pregnancy and contributors to its natural variation // *Human reproduction*. 28(10): 2848-2855.
- Mironov B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia in the empire periode (XVIII – early XX century.): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. 2. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 583 p.
- Mironov B.N. (2005a). *Mozhno li uvidet' vsyu Rossiyu iz Malykh Pupkov?* [Is it possible to see the whole of Russia from the Little Podunk?] // *Krug idey: Algoritmy i tekhnologii istoricheskoy informatiki. Trudy IX konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Circle of ideas: Algorithms and technologies of historical Informatics. Proceedings of the IX conference of the Association "History and computer"] / L.I. Borodkin, V.N. Vladimirov, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta: 528-543.
- Mironov B.N. (2005b). *Net, ne uvidet' vsyu Rossiyu iz Malykh Pupkov!* [No, you do not see whole of Russia from the Little Podunk!] // *Krug idey: Algoritmy i tekhnologii istoricheskoy informatiki. Trudy IX konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Circle of ideas: Algorithms and technologies of historical Informatics. Proceedings of the IX conference of the Association "History and computer"] / L.I. Borodkin, V.N. Vladimirov, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta: 578-592.
- Pavlov A.S. (1897). *Nomokanon pri Bol'shom Trebnike. Ego istoriya i teksty, grecheskiy i slavyanskiy, s ob'yasnitel'nymi i kriticheskimi primechaniyami. Opyt nauchnogo razresheniya voprosov ob etom sbornike, vznikavshikh v proshlom stoletii v Svyateyshe pravitel'stvuyushchem sinode* [Nomokanon under the Great Service-book: History and texts, Greek and Slavic, with the explanations and critical notes: the scientific practice of resolution of questions about this collection that arose in the last century in the Holy Synod]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10073127> (accessed: 21.08.2016).
- R Core Team (2016). *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed: 21.08.2016).
- Zhitenev T.E. (2008). *Religioznye vozzreniya sovremennoy gorodskoy molodezhi* [Religious beliefs of modern urban young people] // *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU* [TSU Humanitarian institute bulletin]. 3: 197—210.

ПОЧЕМУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЖДЕНИЙ ПО ДАТАМ У ПРАВОСЛАВНЫХ И НЕПРАВОСЛАВНЫХ ПОЧТИ НЕ РАЗЛИЧАЮТСЯ

НИКОЛАЙ САВЧЕНКО

Статистические исследования православных верующих показывают, что их даты рождения выявляют практически такую же частоту случаев их зачатия во время постов, как и у неправославных. Автор статьи объясняет причину этого кажущегося противоречия. Используя имеющуюся статистику возрастного и полового распределения глубоко верующих прихожан, автор определяет примерный процент глубоко верующих семей в репродуктивном возрасте в составе всего населения России и оценивает динамику численности таких семей за последние 30 лет. Вывод статьи состоит в том, что подавляющее большинство православных в России не являются потомственными православными. Потомственная преемственность соблюдения постов в России оказалась вначале разрушенной репрессиям и гонениям против религии в СССР, а потом испытала и продолжает испытывать бурный рост в пределах одного поколения. По этим причинам даты рождений современных верующих не обязательно указывают на дни зачатий, отличные от дней многодневных постов.

Ключевые слова: даты рождений, православные, неправославные, пост, ВКонтакте.

Исследование о связи дат рождения православных пользователей сети ВКонтакте с соблюдением их родителями правил поста (см. стр. 110-120) определенно имеет научную ценность. Исследование построено на предположении, что православная самоидентификация пользователей сети ВКонтакте должна коррелировать с тем, что их день зачатия не будет выпадать на время многодневных постов. И хотя итогами исследования такая связь почти не прослеживается, для меня совершенно очевидно, что это не ошибка метода. Исследователи просто подтвердили статистическими методами чрезвычайно сильные изменения, произошедшие за последние 30 лет в численности верующих, их возрастном и половом распределении, а также в их религиозной практике, особенно что касается глубоко религиозных людей. Попробуем кратко пояснить причины таких результатов исследования.

Опрос ВЦИОМ 2013 г. показывает, что полностью соблюдают пост 4% населения, а частично его соблюдают от 12 до 19%¹.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ САВЧЕНКО (nicholas-savchenko@lycos.com), Священник Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне, Россия.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

¹ URL: <http://www.pravoslavie.ru/78328.html> (дата обращения: 10.12.2017).

При этом надо понимать, что воздержание от супружеской близости относится, как правило, к тем, кто постится строго. Для современного человека, состоящего в браке, гораздо проще воздерживаться от скоромной еды, чем от близких отношений. Поэтому процент воздерживающихся в пост православных христиан должен быть гораздо ближе к цифре 4%, т.е. к цифре строго постящихся, чем к доле частично постящихся. Сама цифра 4% строго соблюдающих пост уже сама по себе достаточно мала и близка к статистической погрешности. Однако и эта цифра нуждается в поправках в сторону понижения. Дело в том, что соблюдение воздержания в пост – это всегда обоюдное согласие мужа и жены.

Когда для одного из супругов такое воздержание становится обременительным, то второму супругу уклоняться не следует во избежание соблазна ближнего своего на еще больший грех. Поэтому целью исследований должны, по смыслу, быть семьи в репродуктивном возрасте, где и муж, и жена являются одновременно глубоко религиозными людьми. А это встречается еще реже. Вероятность случайным образом встретить в ходе опроса такого строго постящегося человека в активном репродуктивном возрасте, супруг или супругу которого также строго постится, оказывается уже существенно меньшей, чем 4% в общем составе населения. И в составе среднестатистического церковного прихода или общины доля постоянных прихожан-супругов оказывается значительно меньше половины прихода. Определенно чаще встречается противоположное, когда глубоко верующие прихожанка или прихожанин живут в семье с малоцерковленным мужем или женой, причем чаще встречаются более религиозные прихожанки с менее религиозными мужьями, чем наоборот. Хотя последние утверждения можно отнести лишь к категории личных наблюдений, однако есть возможность хотя бы в первом приближении оценить количество таких глубоко верующих православных мужей и жен в общем составе населения. Для этого можно рассмотреть доступные данные по двум статистическим показателям. Первый из них – примерный возрастной состав прихожан православных храмов в России. Второй показатель – половой состав прихожан. Хотя эти интересующие нас показатели нельзя назвать хорошо исследованными, однако первые шаги в этой области были сделаны. Так, например, компания «Башкирова и партнеры» в 2007 г. провела локальное социологическое исследование прихожан храмов². По итогам опросов 1500 респондентов выделялись те, кто отвечали, что они являются постоянными прихожанами храмов и посещают их раз в месяц и чаще. Таких оказалось 13% среди всех опрошенных. И среди этих постоянных прихожан 54% имели возраст меньше 50 лет, 18% – моложе 30, 15% – в возрасте от 30 до 39, 21% – от 40 до 49 лет. Что касается полового состава постоянных прихожан, то он, по исследованию, оказался следующим: 69,9% активных прихожан составляли женщины и 30,1% мужчины.

Исходя из полученных при исследовании данных, мы можем оценить лишь приблизительно, что в активном детородном возрасте (от 18 до 45 лет) находится менее 43% прихожан. Если же учесть, что 30,1% прихожан всех возрастов – мужчины, что далеко не все глубоко верующие мужчины имеют глубоко верующих жен, а также, что часть мужчин находится за пределами активного репродуктивного возраста, то в итоге получается, что полностью постящиеся мужчины и женщины в православных семьях в

² URL: <http://maponz.info/index.php/religiya/27-48/574-444> (дата обращения: 10.12.2017).

детородном возрасте составляют не более 1-1,5% населения. Это и есть та часть населения, которая в действительности и полноценно соответствует методике предложенного исследования.

Результаты упомянутого опроса могут вызвать вопрос, насколько надежна оценка доли активных и частых прихожан храмов в 13%? И можно ли на основе этой цифры увеличить число активно постящихся верующих? К сожалению, нет. Дело в том, что упомянутая методика опроса, выявившая около 13% постоянных прихожан в общем составе населения, имеет один существенный изъян. При любом опросе, касающемся частоты посещения храмов со слов респондентов, всегда заявляется в разы более частое посещение храмов, чем имеет место на самом деле. Скорее всего, здесь играет значительную роль желание человека быть лучше, стремиться к лучшему и казаться лучше, чем есть на самом деле. И это касается не только России, но и других стран, народов и религий. Например, посещаемость мусульманами мечетей имеет такую же закономерность. Если бы на самом деле все было так, как следует из ответов о посещаемости храмов респондентов на улицах, то имеющиеся в настоящее время храмы в России просто не вместили бы всех своих усердных прихожан. А на деле по-настоящему часто посещающих храм прихожан в России опять же около 5% населения. Кроме того, часто имеется разное понимание того, что означает «посетить храм». Для одних – это полноценное посещение службы и участие в таинствах церковных, тогда такое посещение храма раз в месяц и чаще – уже свидетельство достаточно серьезной религиозности. Для других же это просто «поставить свечку». И это уже совсем другое. Конечно же, заходящие раз в месяц или даже чаще со свечкой люди еще далеки от строгого соблюдения постов, поэтому ориентироваться на цифру 13% частых прихожан как на соблюдающих посты опрометчиво.

Высказанные уточнения по результатам опроса касаются лишь результирующей величины процента частых прихожан храмов в общем составе населения. Что же касается возрастного и полового распределения постоянных прихожан, то они представляются близкими к действительному положению дел.

Есть еще одно социологическое исследование прихожан храма, ценное тем, что оно проводилось в самом храме. Это храм Всех святых земли Владимирской в городе Владимире³. Исследование представляется достаточно ценным и своей подробностью, и тем, что исследовался приход областного города. Данное исследование выявило, что в составе прихода 83% – женщины и 17% – мужчины. А также, что 15% прихожан имеют возраст свыше 70 лет, 11% – от 61 до 70, 21% – от 51 до 60, 16% – от 41 до 50, 14% – от 31 до 40, 12% – от 25 до 30 и 3% – от 14 до 25 лет.

По результатам этого опроса в активном детородном возрасте находится примерно 35% прихожан, однако сравнительно низкая среди них доля мужчин (17%), приводит к тому, что полностью православные глубоко верующие семьи в активном детородном возрасте имеют вряд ли более 10% прихожан. А в общем населении таких, опять же, не больше 1-1,5%.

³ URL: <http://vseh-sv.cerkov.ru/main-page/statistika-prihoda/> (дата обращения: 10.12.2017).

Чрезвычайно важно также сказать несколько слов о подобной статистике строго постящихся в исторической перспективе. Дело в том, что показатели постящихся, отраженные в упомянутых опросах общественного мнения, характерны для наших дней, но не для более отдаленного прошлого. В 1990-е годы специальных исследований общественного мнения по теме соблюдения постов не проводилось, однако постящихся было определено меньше. Так, например, первые случаи рекламы постной еды в ресторанах Москвы и Петербурга относятся к самому началу XXI века, и лишь примерно с 2005 г. началось активное распространение постного меню в сетевых ресторанах в дни поста. Также, примерно с 2008 г., в сетевых магазинах начали появляться первые продукты, прямо рекламирующие, что они являются постными. И лишь после 2012 г. такие продукты закрепились в магазинах на постоянной основе. Кроме того, в XXI веке постепенно изменился и возрастной состав глубоко религиозных и постящихся людей. Если в 1980-е годы это были в основном пожилые женщины, то в 2000-е годы гораздо большей стала доля и молодежи, и людей среднего возраста, и детей. Тот факт, что до конца 1990-х годов огромное большинство глубоко религиозных прихожан составляли пожилые женщины, подтверждает и то, что лишь в XXI веке общество стало свидетелем появления скольконибудь заметного количества многодетных православных семей. Ведь для глубоко верующих семей не только аборты являются немыслимыми, но и противозачаточные средства отвергаются достаточно решительным образом. Такой принципиальный подход к семейной жизни предопределяет многодетный статус семьи. Однако до начала 1990-х годов такие многодетные православные семьи – очень редкое явление в обществе. Таким образом, если сейчас мы можем говорить лишь максимум о 1-1,5% населения России, состоящих в глубоко верующих православных семьях, то до 1990 г. таких было еще во много раз меньше. Так, например, в 1988 г. вся Русская Православная Церковь Московского Патриархата имела лишь 6893 прихода и 7397 священников и дьяконов. При этом более половины приходов из этого числа и примерно такая же доля духовенства находились за пределами России в границах 1991 г. Кроме того, в среднем от одной пятой до одной десятой доли всех священников и дьяконов – это монашествующие, которых надо мысленно вычестить из оценочной цифры. Также многие священнослужители пребывали уже за пределами репродуктивного возраста. И кроме священнослужителей до конца 1980-х годов очень мало кто имел полноценные глубоко верующие семьи, ведь даже далеко не все священнослужители их имели в те годы. Поэтому на 148,3 млн населения России в 1991 г. глубоко верующих полноценных православных семей насчитывалось лишь несколько тысяч. Это совершенно не та цифра, на которой можно построить масштабное статистическое исследование с ожиданием результатов. И в 1990-е годы рост числа глубоко верующих семей хотя и был значительным и даже многократным, однако и тогда еще их итоговая доля была слишком малой. Лишь к 2010 г. они стали хотя бы немного заметны в обществе с точки зрения массовой статистики.

Если сравнить достаточно скромное число глубоко верующих семей в 1980-е годы с количеством называющих себя православными пользователей социальной сети ВКонтакте сейчас, то эти цифры различаются почти на два порядка. И за очень редким исключением все православные пользователи сети ВКонтакте не являются потомственными православными. Почти все они пришли к вере сами уже в юношеском или взрослом возрасте. Поэтому связь между их православной идентификацией сейчас и уставами поста

их родителей перед их рождением прослеживаться не будет. Это и показало исследование. Лишь для самых молодых пользователей сети ВКонтакте в возрастах 15-20 лет процент потомственных православных должен быть более существенным. Для этих возрастов такая исследуемая связь уже должна прослеживаться.

Очевидно, что исследователи использовали методiku, применимую для стабильных обществ и народов, где христианские традиции передаются из поколения в поколение. Такими методами можно было бы пользоваться в странах Европы и Латинской Америки, если бы там сохранялись традиции поста, отмененные в Католической церкви после Второго Ватиканского собора 1961-1965 гг. В России же в течение нескольких десятилетий верующие испытывали сильнейшие гонения и давление общества, что неизбежно сказалось на численности глубоко верующих семей. Репрессии 1930-х годов привели к расстрелам и смертям в лагерях большинства глубоко верующих православных христиан, для оставшихся в живых сохранение семей оказалось чрезвычайно сложным делом. В 1940-е – 1960-е годы православные традиции чрезвычайно трудно передавались в семьях от старшего поколения к младшему из-за сильнейшего давления пропаганды. Очень часто господствующая богоборческая идеология использовала угрозы лишения родительских прав верующих родителей. И лишь к 1980-м годам такое давление ослабло. Именно по этой причине глубоко религиозных семей оказалось так немного в 1980-е годы, и именно это и предопределило практическое отсутствие связи между датами рождения православных пользователей ВКонтакте и календарем постов в дни их зачатий.

WHY THERE IS NO SIGNIFICANT DIFFERENCE BETWEEN THE DISTRIBUTIONS OF BIRTHS BY DATES OF ORTHODOX CHRISTIANS AND OF NON-ORTHODOX

NIKOLAI SAVCHENKO

Statistical studies of Orthodox Christian believers reveal that their birth dates show almost the same probability of their being conceived during religious fasting periods as in the case of non-Orthodox people. In the article, the author explains this apparent contradiction. Using the available statistics on the age and gender distribution of devout Orthodox parishioners, the author determines the approximate percentage of devout Orthodox families at reproductive age in the whole population, and makes estimations of the dynamics of this rate for the last 30 years. The conclusion of the article is that the vast majority of Orthodox Christian believers today were not raised Orthodox, hence did not inherit its traditions. The tradition of religious fasting in Russia was at first repressed by the persecution of religion in the USSR, and then within the space of a single generation experienced a tremendous growth that continues today. These are the main reasons that the birthdates of current Orthodox Christian believers do not necessarily indicate dates of conception different from those of religious fasting periods.

Key words: date of birth, orthodox, non-orthodox, post, VKontakte.

NIKOLAI SAVCHENKO (nicholas-savchenko@lycos.com), PRIEST OF THE MONASTERY TROITSE-SERGIEVA PUSTIN IN STRELNA, RUSSIA.

DATE RECEIVED : NOVEMBER 2017.

ДИНАМИКА УСТАНОВОК РОССИЯН В СФЕРЕ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛАРИСА КОСОВА

Модернизация социальной жизни - центральная тема исследовательской работы в сфере наук об обществе. Как отмечал Р. Нисбет, вся проблематика современной социологии заключается в изучении процессов перехода от сословного, иерархического, закрытого общества к обществу открытому, достижительскому. Важнейший аспект модернизации - смещение акцентов в принципах социальной регуляции от системных, наложенных извне запретов в сторону индивидуальной свободы и ответственности. Одна из поведенческих сфер, где подобные сдвиги проявляются наиболее ярко, сфера сексуальных отношений. В современных обществах сексуальное удовольствие и удовлетворенность признаются важными элементами личной жизни, имеющими право на существование как таковые, а не только как необходимое условие деторождения.

Процессы модернизации глобальны, однако фазовые различия существенны в разных странах. В статье анализируется динамика установок по отношению к сфере интимного в России, показано место России в ряду других стран. Расчеты основаны на данных социологических опросов, в первую очередь международного исследования ISSP (International Social Survey Programme), позволяющего как отследить динамику установок во времени, так и проводить межстрановые сравнения. Все данные получены из Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ: <http://sophist.hse.ru>

Тоталитарное государство стремится контролировать все сферы личной жизни. Ликвидация эротической культуры, маркировка сексуального как грязного, предосудительного – важнейший элемент системы тоталитарного контроля. Сокращение контроля со стороны государства повышает перmissивность в сфере интимного: либерализация установок в сексуальном поведении россиян была зафиксирована еще в 1960-е гг. и только усилилась с перестройкой и демократизацией. Россия занимает более чем либеральные позиции по отношению к внебрачному сексу, достаточно перmissивна по отношению к сексу добрачному. Сложнее выстраивается система установок по поводу гомосексуальных отношений: некоторая либерализация взглядов, заметная в конце 1990-х гг., сменилось ростом ригидности, последовавшим за изменившимся тоном государственной политики и пропаганды. Усиление консервативных тенденций государственной политики последнего времени сказывается на динамике установок в сфере сексуального поведения, но не может отменить основные модернизационные тренды - рост разнообразия сексуальных практик и индивидуальной ответственности за сделанный выбор.

Ключевые слова: модернизация, динамика установок в сфере интимных отношений, компаративный анализ, влияние государственной политики на установки, влияние социальных ресурсов на установки.

МОДЕРНОСТЬ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Модернизация различных аспектов социальной жизни является центральной темой исследовательской работы в сфере наук об обществе. Как отмечал Нисбет [Нисбет 2007], вся проблематика современной социологии заключается в изучении процессов перехода от сословного, иерархического, закрытого общества к обществу открытому, достижительскому

ЛАРИСА БОРИСОВНА КОСОВА (lkosova@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

СТАТЬЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В ОКТЯБРЕ 2017 Г.

Модерность не определяется техническим прогрессом или научными достижениями. Модернизация - это смещение акцентов в принципах социальной регуляции от системных, наложенных извне запретов в сторону индивидуальной свободы и ответственности. Одна из поведенческих сфер, где подобные сдвиги проявляются наиболее ярко, сфера интимного. В современных обществах сексуальное удовольствие и удовлетворенность признаются важными элементами личной жизни, имеющими право на существование как таковые, а не только как необходимое условие деторождения. Главная тенденция Нового времени - отделение сексуального поведения от репродуктивного, сексуального удовольствия от состояния брачности. Кон отмечал [Кон 2010], что в XX веке эротику включили в число законных предметов массового потребления, а свобода получения и распространения сексуальной информации стала одним из неотчуждаемых прав взрослого человека.

Признание того факта, что сексуальность сама по себе не обязательно направлена на продолжение рода и является самоценной сферой человеческой жизни, задает важную отправную точку в понимании как индивидуального поведения, так и регуляторных систем макроуровня. Основополагающей особенностью тоталитарных режимов является стремление установить контроль над всеми сферами частной жизни - «все в государстве, ничего вне государства»¹. Это в полной степени относится и к сексуальному поведению. Ликвидация эротической культуры, маркировка сексуального как грязного, предосудительного - важнейший элемент системы тоталитарного контроля. Остро и точно эта тема звучит у Дж. Оруэлла. Приведем несколько цитат: «Партия стремилась не просто помешать тому, чтобы между мужчинами и женщинами возникали узы, которые не всегда поддаются ее воздействию. Ее подлинной необъявленной целью было лишить половой акт удовольствия. Сам по себе разврат мало значил, лишь бы был он вороватым и безрадостным.... У брака признавали только одну цель: производить детей для службы государству... Дело не только в том, что половой инстинкт творит свой собственный мир, который неподвластен партии, а значит, должен быть по возможности уничтожен. Еще важнее то, что половой голод вызывает истерию, а она желательна, ибо ее можно преобразовать в военное неистовство и в поклонение вождю... Как еще разогреть до нужного градуса ненависть, страх и кретинскую доверчивость, если не закупорив наглухо какой-то могучий инстинкт, дабы он превратился в топливо?» [Оруэлл 1989: 27, 53].

В 1930-е гг. советская власть обратилась к репрессивным методам регулирования сферы интимных отношений: в 1934 г. было введено уголовное наказание за мужеложество, в 1936 г. появился законодательный запрет на аборт, в 1944 г. была крайне усложнена процедура разводов. Семья объявлялась ячейкой общества, чья деятельность должна была регулироваться государством: «у нас даже такие, казалось бы, интимные вопросы, как семья, как рождение детей, из личных становятся общественными» [Сольц 1937]. Однако официально провозглашенные цели этой политики - укрепление семьи и нравственности, повышение рождаемости - достигнуты не были. Напротив, как отмечает В. Сакевич [Сакевич 2005], факторы, способствовавшие ограничению рождаемости, оказались сильнее пронаталистской политики партии и правительства. Вместо повышения рождаемости

¹ Из речи Муссолини в Палате депутатов 26 мая 1927 г.

страна получила рост числа подпольных аборт, а как только аборт были легализованы заняла по этому показателю первое место в мире.

Характер контроля сферы интимного со стороны государства различался на разных этапах существования советской власти. Как показал Тольц, тотальный контроль над семейно-брачными отношениями сталинской эпохи и консерватизм Хрущева в данной сфере сменился некоторым либерализмом с приходом к власти Брежнева [Тольц 2014]. Так, была упрощена процедура расторжения брака, отменен знаменитый «прочерк в метрике вместо отца» для детей, рожденных вне брака. Однако административное регулирование сохранилось в полной мере: как отмечал Кон, состоялся переход от «командно-административных методов к морально-административным» [Кон 2010]. Несмотря на законодательное упрощение процедуры развода, семейные конфликты, особенно членов партии, оставались центром пристального внимания партийных органов, использовавших такой арсенал средств «примирения супругов» как выговор по партийной линии или угрозу исключения из партии. Существовала и последовательно реализовывалась установка на «асексуальное» воспитание молодежи. Приведем цитату из предисловия к книге «Новая книга о супружестве», автором которой является Р. Нойберт. Книга была переведена с немецкого, опубликована в 1969 г. и сразу стала бестселлером. Вот что написал в предисловии к этой книге известный советский психолог профессор Н.В. Колбановский: «Чтобы ослабить напряжение центральной нервной системы от импульсов, идущих из половой сферы, необходимо отвлечь внимание растущей молодежи, в большинстве своем учащейся, в сторону познания различных явлений действительности. Работа в научных кружках, на станциях юных натуралистов и техников, занятия спортом, туризмом, проба своих творческих сил в поэзии, литературе, различных видах искусства, в общественной деятельности настолько захватывает и отвлекает внимание от половых переживаний, что подростки, юноши и девушки легко справляются с ними» [Цит. по Кон 2010: 64].

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ СЕКСА НЕ БЫЛО

Тотальное регулирование сферы интимного, стигматизация сексуально-эротического как низкого и примитивного неизбежно порождают соответствующие стереотипы массового сознания. «В Советском Союзе секса нет» - эта фраза стала крылатой 17 июля 1986 г. после одного из первых советско-американских телемостов. Администратор гостиницы «Ленинград» и член общественной организации Комитет советских женщин Людмила Иванова произнесла эту фразу в ответ на реплику американской участницы о том, что в американских рекламных роликах «все крутится вокруг секса». Людмила Иванова среагировала немедленно: «Секса у нас нет, и мы категорически против этого». В обеих студиях грянули смех и аплодисменты. Этот шум, как отмечают очевидцы, заглушил окончание фразы: «У нас есть любовь»². С нашей точки зрения очень важно зафиксировать эту оппозицию: низкий, чтобы не сказать грязный, секс versus высокая любовь. Это не было случайной оговоркой растерявшейся перед телекамерой женщины. Данные опросов подтверждают высокую степень табуированности сферы сексуального в советском

² Телемост «Ленинград- Бостон», ЦТ, 1986. <https://www.youtube.com/watch?v=V1Mky9muQkM>

обществе. В одном из исследований 1992 г. («Культура»³) – фактически исследовании советского массового сознания – респондентам задавали вопросы о разных сферах сексуальных отношений. На прямой вопрос «Эротика – это хорошо или плохо?» 35% российских респондентов ответили, что это хорошо; 21% – плохо; 44% затруднились дать ответ на этот простой вопрос. Редко когда в опросах можно встретить такую высокую долю респондентов, уклонившихся от ответа, что, безусловно, свидетельствует о существовании табу на рационализацию и обсуждение данной темы. Результаты того же опроса подтверждают, что мужские установки в сфере сексуального более перmissive, чем женские. В таблице 1 приведены различия ответов мужчин и женщин на вопросы, связанные с допустимым поведением в интимной сфере. Ответы давались на дихотомической шкале, была возможность уклониться от содержательного ответа, выбрав опцию «затрудняюсь ответить». Для анализа была использована процедура t-test. Все различия значимы с доверительной вероятностью 95%.

Таблица 1. Различия в ответах мужчин и женщины на вопросы о допустимости некоторых действий в сфере интимных отношений

Как вы думаете, допустимо или нет...	мужчины	женщины
вступать в половые связи до заключения брака	нормально, допустимо	ненормально, недопустимо
иметь помимо мужа (жены) любовника (любовницу)	нормально, допустимо	ненормально, недопустимо
заниматься сексом без любви	нормально, допустимо	ненормально, недопустимо

Источник: расчеты автора по данным исследования «Культура».

Приведенные данные показывают, что секс не являлся самодостаточным для советской женщины, сексуальные отношения нуждались в оправдании, очищении: «умри, но не давай поцелуя без любви». Снятие табу с сексуальных отношений происходило посредством маркировки этих отношений как отношений любви. Тогда и только тогда они становятся дозволенными, достойными. Но это означает, во-первых, что всякий раз новые сексуальные отношения (или сексуальные желания) вынужденно будут маркироваться женщиной как любовь. Во-вторых, любовь перестает быть непосредственно переживаемым чувством. Она становится разрешением на нестандартное, запрещенное в обычной жизни поведение. Значит, и обстоятельства любви должны быть нестандартными. Сила любви будет измеряться амплитудой отклонения от нормального поведения, обыденные семейные отношения не будут опознаваться как отношения любви. А значит, неизбежно появление оппозиции рутинного семейного и праздничного любовного, неизбежно возникновение требований особого поведения мужчины (сына ли, мужа ли), должно манифестировать силу чувства, что неизбежно будет сказываться на выстраивании отношений с партнерами.

ОТНОШЕНИЯ С ПАРТНЕРАМИ

А. Темкина выделяла несколько сценариев выстраивания отношений с сексуальными

³ Исследование «Культура», полевые работы проводились Левада-центром с 25.03.1992 г. по 27.04.1992 г., опрошено 3305 человек по репрезентативным выборкам, из них в России 1834. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1858&T=m (дата обращения: 25.10.2017 г.)

партнерами [Темкина 2008]:

- *Романтический сценарий* - акцент на чувствах, эмоциональных отношениях, ревности, любви и страсти. Сексуальные техники описываются редко и рассматриваются как подчиненные.
- *Коммуникативно-партнерский сценарий* придает особую важность взаимопониманию, духовной близости, общности интересов, куда вписывается и физическая близость.
- *Гедонистический сценарий* ставит во главу угла получаемое от секса удовольствие, которое автономно как от длительности, так и от характера отношений. Собственно говоря, «отношений» может и не быть. Сексуальность – это просто набор телесных практик и телесного опыта, приводящего к удовольствию.
- *Рыночный сценарий* рассматривает сексуальность вполне прозаично, в нем присутствуют «спонсоры», «проститутки» и «содержанки», а главный критерий удовлетворенности – выгодность обмена, причем не обязательно взаимная. «Я расплачивалась сексом... за удобства, которые имею»
- *Достижительный сценарий* выдвигает на первый план гендерные различия, когда сексуальная активность рассматривается как средство реализации собственной мужской или женской сущности.

Данная типология была построена автором на основе качественных данных - интервью с информантами, позволяющими зафиксировать наличие предпосылок к реализации того или иного сценария. Количественные данные позволяют оценить распространенность полученных в ходе качественного исследования установок. Воспользуемся данными исследования «О чем мечтают россияне: идеал и реальность»⁴. Респондентов просили ответить на вопрос, какие качества из предложенного списка кажутся им самыми важными у идеального мужа, мужчины, жены, женщины. Распределение ответов представлено на рисунке 1. По мнению респондентов, самые важные свойства идеального мужчины – физическая сила и здоровье, самое важное свойство идеального мужа – умение обеспечить материальный достаток. Основное требование к идеальной женщине – внешняя привлекательность, главное свойство идеальной жены – любовь к детям.

Продекларированные респондентами установки можно рассматривать в разных планах. С одной стороны, они демонстрируют традиционные представления о семейных ролях: муж – добытчик семейных благ, жена – хранительница семейного очага. С другой стороны, можно рассмотреть полученные ответы в рамках приведенной А. Темкиной типологии [Темкина 2008]. «Рыночный сценарий», пусть и не в отрефлексированной форме, безусловно прослеживается в полученном распределении ответов. Главное свойство идеальной женщины – физическая привлекательность, главное свойство мужа/мужчины – материальная обеспеченность. Мужчина выступает в роли спонсора, женщина – в роли получателя благ. Став женой, женщина должна обрести хозяйственность и практичность,

⁴ Исследование «О чем мечтают россияне: идеал и реальность». Опрос проводился Центром социального прогнозирования и маркетинга 5 – 25 марта 2012 г. Опрошено 1751 человек.
URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3388&T=m (дата обращения: 25.10.2017 г.)

физическая привлекательность перестает быть императивом, т.е. происходит своего рода конвертация ресурса.

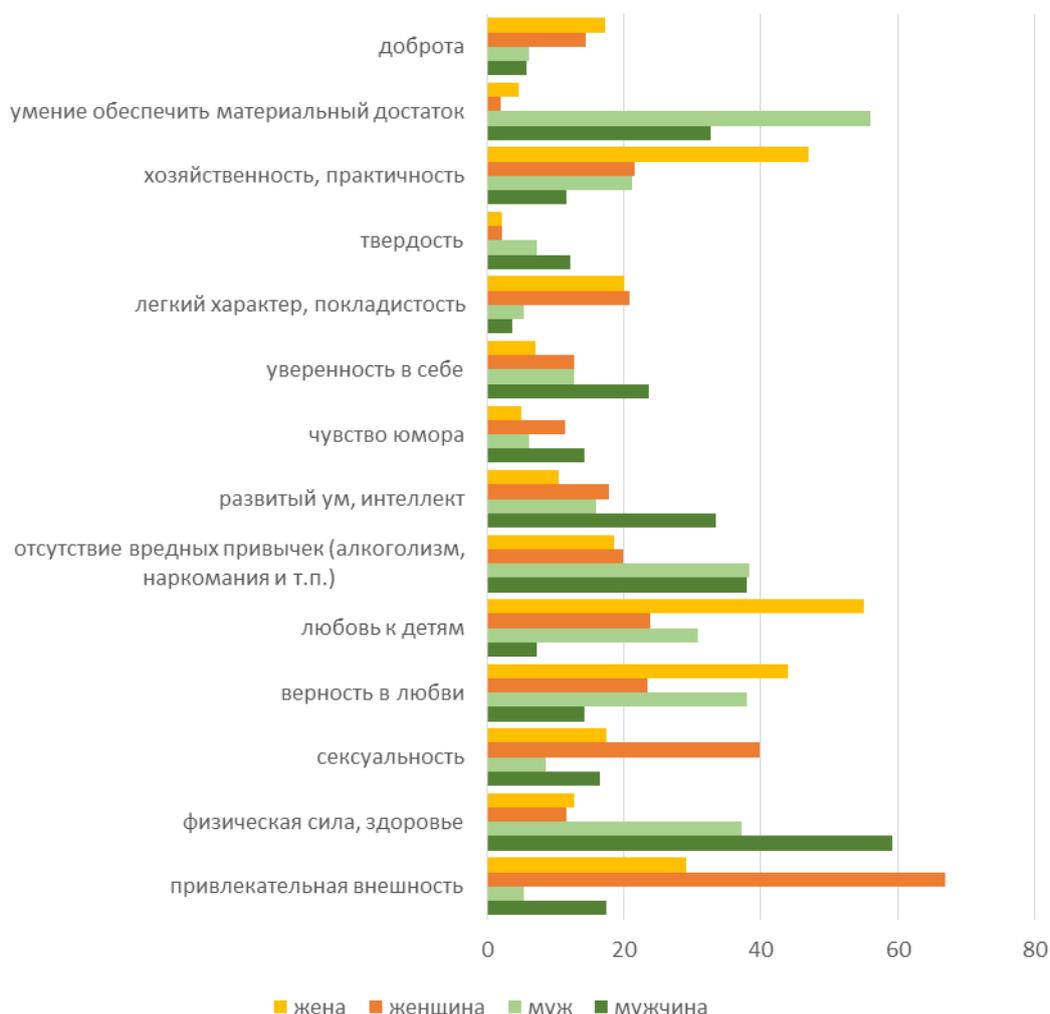

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос, какие черты являются самыми важными для идеального мужчины, мужа, женщины, жены, в %

Источник: расчеты автора по данным исследования «О чем мечтают россияне: идеал и реальность».

В ответах респондентов можно увидеть и следы «романтического» сценария: верность в любви важна для опрошенных, хотя это требование в разных ролевых ситуациях имеет разную значимость: для идеального мужа/жены это качество важнее, чем для мужчины/женщины. В полученных ответах присутствуют и следы гедонистического сценария: 40% опрошенных уверены, что основное свойство идеальной женщины – сексуальность.

НАПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Либерализации социальной жизни, сокращение контроля со стороны государства, расширяющие сферу индивидуальной свободы и ответственности, не могут не влиять на перmissивность в сфере сексуальных отношений. С. Голод отмечал, что еще в 1960-е гг. им

были выявлены признаки отхода молодежи от единой сексуальной морали, автономизация сферы сексуального [Голод 1999]. Эту позицию поддерживает О. Бочарова: «Послеоттепельное поколение» разрушило старую нормативную структуру и отделило секс от семьи. Можно назвать этот ценностный сдвиг “бархатной сексуальной революцией”, почти незаметно для современников подточившей одну из опор социального порядка» [Бочарова 1994]. Динамика изменений сферы интимных отношений лежит в нескольких плоскостях. Кон отмечал следующие аспекты [Кон 2010]:

1. более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков;
2. более раннее начало сексуальной жизни, охватывающее весь цикл психосексуального развития и все формы сексуального поведения;
3. социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства;
4. ослабление «двойного стандарта» сексуального поведения;
5. признание сексуальной удовлетворенности одним из важных факторов удовлетворенности браком и его прочности;
6. признание важности сексуального удовольствия для женщин, которых традиционная «викторианская» мораль вообще считала асексуальными;
7. сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике;
8. рост терпимости по отношению к необычным и даже девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности;
9. увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении — многое из того, что было абсолютно неприемлемо для родителей, дети считают нормальным и естественным.

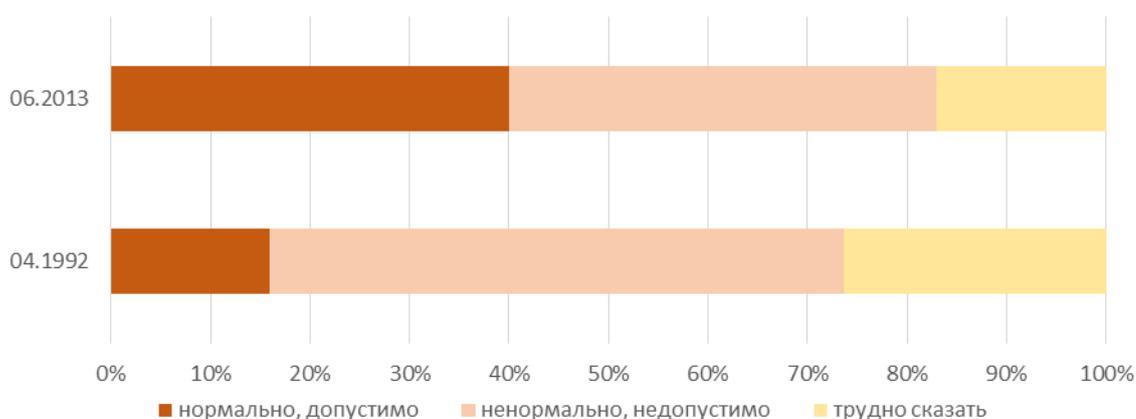

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, нормально/допустимо или ненормально/недопустимо заниматься сексом без любви»

Источник: расчеты автора по данным исследований «Культура» и «Курьер»⁵

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что сокращение тотального контроля приводит к «расколдовыванию» сексуальности - ее рационализации, снятию сакральных

⁵ В рамках исследования «Курьер» опрос проходил 06-10.06.2013, опрошено 1601 человек. Оба исследования проводились Левада-центром. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3395 (дата обращения: 25.10.2017 г.).

запретов. Россияне научаются различать любовь и чувственность. У нас есть возможность сравнить ответы на вопрос о допустимости секса без любви с интервалом в 20 лет (рисунок 2). Ценностный сдвиг очевиден. Доля тех, кто не видит в «сексе без любви» ничего предосудительного выросла с 16% до 40%, количество респондентов, полагающих, что это неприемлемо, сократилась с 57% до 43%, число затруднившихся ответить упало с 26% до 17%. То есть изменилась не только собственно перmissивность, но и степень отрефлексированности проблемы.

РОССИЯ В РЯДУ ДРУГИХ СТРАН: ОТНОШЕНИЕ К ДОБРАЧНОМУ СЕКСУ

Описанные выше процессы не являются специфичными для России, это общемировая тенденция. Данные ISSP (*International Social Survey Programme*)⁶ позволяют определить место России в ряду других стран. В рамках указанного исследования было проведено три волны опросов, объединенных общей тематикой, – в 1991, 1998 и 2008 гг. Подобная организация работы позволяет сравнить не только результаты, полученные в разных странах, но и отследить динамику установок. В рамках исследования респондентов просили ответить на вопросы, связанные с допустимостью/этичностью тех или иных действий в сфере интимных отношений. Вопросы звучали следующим образом:

- «Как Вы думаете, всегда ли предосудительно, если мужчина и женщина вступают в половую связь до вступления в брак?»
- «Как Вы думаете, всегда ли предосудительно, если человек, состоящий в браке, имеет половую связь помимо брака?»
- «Как Вы думаете, всегда ли предосудительно, если взрослые люди одного пола вступают в половую связь между собой?»

Возможные ответы представляли собой 4-х позиционную шкалу:

- 1) это всегда предосудительно;
- 2) это почти всегда предосудительно;
- 3) это предосудительно только в некоторых случаях;
- 4) в этом нет ничего предосудительного.

У респондентов была возможность уклониться от содержательного ответа, выбрав опцию «затрудняюсь ответить». Распределения полученных данных представлены на рисунках 3-5.

Установки по поводу добрачных отношений перmissивны в большинстве стран-участниц исследования. Самый жесткий запрет на добрачный секс зафиксирован на Филиппинах. В 1991 г. 60% опрошенных в этой стране полагали, что данный тип

⁶ Международная исследовательская программа, начатая в 1985 г. В настоящее время в ней принимает участие более 40 стран. Опросы проводятся по репрезентативным выборкам, единой методике и согласованной анкете, что обеспечивает сопоставимость данных.
URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=328&en=0> (дата обращения: 25.10.2017 г.).

сексуального поведения заслуживает самого серьезного осуждения, в 1998 г. эта доля выросла до 65%, затем несколько снизилась – в 2008 г. данную позицию разделяли 54% респондентов. С одной стороны, эти цифры кажутся опирающимися на серьезное основание: Филиппины – католическая страна, занимающая третье место в мире по числу католиков после Бразилии и Мексики [Католическая энциклопедия 2011: 1751]. С другой стороны, Филиппины известны как одно из основных направлений секс-туризма. По оценкам экспертов, сегодня в секс-индустрии Филиппин заняты от 400 до 500 тыс. проституток, и это число не учитывает сутенеров, «мамочек», охранников – инфраструктуру, без которой невозможно функционирование данной отрасли⁷. Иными словами, вербальное осуждение добрачного секса со стороны ¾ населения страны не препятствует течению процессов, составляющих предмет этого осуждения, – факт, еще раз заставляющий нас задуматься о природе и характере данных, получаемых в ходе массовых опросов.

Высокая доля жестких противников добрачного секса существует в Ирландии, хотя с 1991 по 2008 г. она последовательно сокращалась и снизилась более, чем в два раза: с 36% до 16%. Ирландия – католическая страна. Согласно переписи населения 2006 г. католиками себя считало более 85% населения страны, и влияние католической морали в обществе было очень заметным. Напомним, что до недавнего времени разводы в Ирландии были запрещены: референдум, проведенный в 1985 г., не одобрил легализацию этой процедуры. Только в 1995 г., после повторного референдума, разводы в Ирландии были легализованы. Однако влияние процессов модернизации на нормативно-ценностную систему ирландского общества становится все ощутимее. Согласно данным Центрального статистического бюро Ирландии, число тех, кто относит себя к не исповедующим никакой религии, растет. Само по себе оно в настоящий момент не так велико – примерно 10% населения. Однако рост этой группы с 2011 по 2016 гг. составил 73,6%. При этом локализована данная установка в возрастных группах от 20 до 45 лет – в тех возрастах, которые будут определять вектор развития общества⁸.

Весьма консервативны в отношении добрачного секса респонденты в США: в различных волнах исследования 25-30% опрошенных считают добрачный секс полностью предосудительным. Число сторонников этой позиции колеблется, но нельзя говорить о тенденции уменьшения или увеличения их числа. Первая поправка к Конституции США определяет, что в США не может быть государственной религии – церковь отделена от государства, гражданам гарантирована свобода вероисповедания. В США сегодня можно встретить приверженцев практически всех мировых религий. Верующими называют себя около 88% населения США, 59% американцев отметили, что «религия для них очень важна». Для сравнения – в Канаде аналогичная доля респондентов составила 30%, в Польше – 36%, в Италии – 27%⁹. Влияние религиозных ценностей оказывается весьма значимым не

⁷ <https://2philippines.info/krupnyim-planom/pikantnyie-filippinyi-seks-turizm-prostitutsiya-i-transvestityi> (дата обращения: 25.10.2017 г.)

⁸ Данные получены с сайта Центрального офиса статистики Ирландии. URL: http://cso.ie/en/media/csoie/releasespublications/documents/population/2017/Chapter_8_Religion.pdf (дата обращения: 25.10.2017 г.).

⁹ Согласно данным исследования Pew Research Center, проведенного в 2002 г. в 44 странах. Данные получены с сайта. URL: <http://www.pewglobal.org/2002/12/19/among-wealthy-nations/> (дата обращения: 25.10.2017 г.).

только на социальной периферии, но и в элитных группах американского общества. Так, в 2011 г. в Университете Бригэма Янга (*Brigham Young University - BYU*) ведущий игрок баскетбольной команды был исключен из команды за добрачный секс¹⁰. Этот университет в штате Юта находится под покровительством мормонской церкви. Поведение его студентов регулируется Кодексом чести (*Honor Code*), согласно которому студенты придерживаются правил «целомудрия и благонравия»¹¹. Отметим, что BYU не является заштатным учебным заведением – среди его выпускников, например, известный политик Митт Ромни.

Институт Гэллага проводит многолетние исследования влияния религиозной морали и распространенности религиозных ценностей в американском обществе. Обобщая результаты последних волн исследования, главный редактор Института Гэллага Фрэнк Ньюпорт отметил, что данные рисуют картину в целом верующего населения, внутренняя религиозность которого за последние десятилетия особенно не изменилась¹².

Данные, полученные в России, фиксируют разнонаправленные процессы. С одной стороны, доля жестких противников добрачных сексуальных отношений невелика, но она последовательно росла за время наблюдений и увеличилась с 13 до 17%, что на анализируемых выборках позволяет говорить о значимых различиях с доверительной вероятностью 95%. С другой стороны, доля тех, кто считает добрачный секс полностью приемлемым, намного превосходит долю «консерваторов». Так, в 1991 г. 36% ответивших полагали, что в добрачном сексе нет ничего предосудительного, в 1998 г. их число увеличилось почти вдвое – до 60%, в 2008 г. оно несколько снизилось, тем не менее, половина опрошенных не видят в сексуальных отношениях до брака ничего предосудительного.

Интересно, что на фоне общего роста перmissивности в отношении добрачного секса, в Израиле доля считающих подобное поведение приемлемым падает. В 1991 г. 15% опрошенных полагали, что секс до брака – «это всегда предосудительно», в 2008 г. число сторонников данной позиции выросло до 39%. Доля тех, кто не видел в добрачном сексе ничего предосудительного, сократилась в этой стране с 52% в 1991 г. до 43% в 2008 г.

¹⁰ Русская служба BBC 5 марта 2011 г. (дата обращения: 25.10.2017 г.).

URL: http://www.bbc.com/russian/life/2011/03/110305_student_premarital_sex

¹¹ С кодексом можно ознакомиться на сайте Университета. URL: <https://policy.byu.edu/view/index.php?p=26> (дата обращения: 25.10.2017 г.).

¹² Frank Newport, Gallup Editor-in-Chief. Данные получены с сайта Института Гэллага. URL:

http://news.gallup.com/poll/200186/five-key-findings-religion.aspx?g_source=RELIGION_AND_SOCIAL_TRENDS&g_medium=topic&g_campaign=tiles (дата обращения: 25.10.2017 г.).

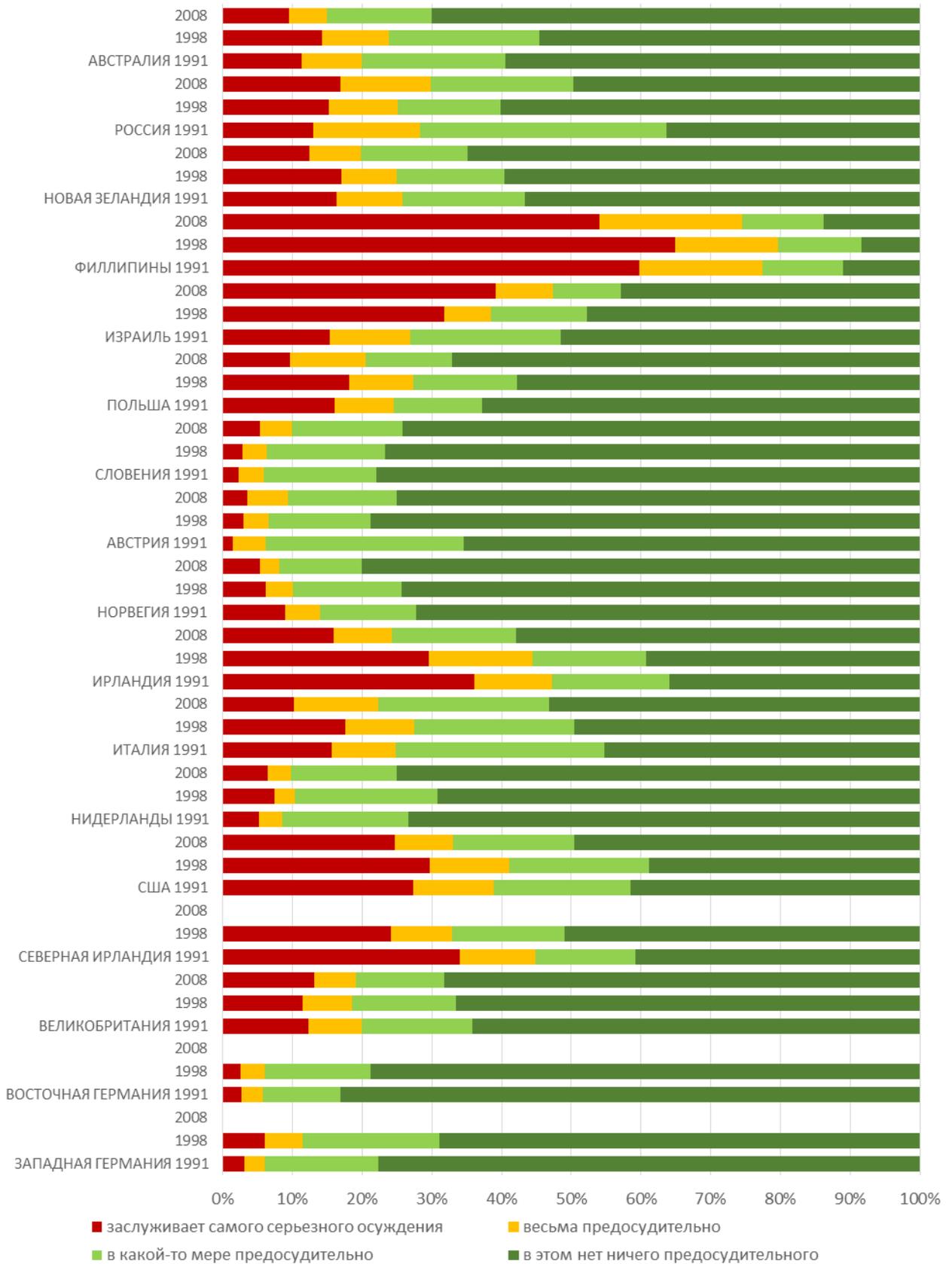

Рисунок. 3. Динамика отношения к добрачному сексу в различных странах, %

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP

РОССИЯ В РЯДУ ДРУГИХ СТРАН: ОТНОШЕНИЕ К ВНЕБРАЧНОМУ СЕКСУ

Установки по поводу внебрачного секса отличаются гораздо большей ригидностью: он осуждается большинством опрошенных во всех странах-участницах исследования. Существует важная грань в понимании допустимого применительно к добрачному и внебрачному сексу. Массовые установки по отношению к добрачному сексу перmissive - ведь секс *добрачный*, т.е. несет в себе предположение, что интимные отношения закончатся браком: «они поженятся, и грех будет покрыт». Вступление в брак в глазах большинства респондентов означает принятие на себя обязательств перед партнером, нарушение которого рассматривается как неэтичное поведение. Брачные отношения несут в себе императив верности.

Самая высокая доля противников внебрачного секса зафиксирована на Филиппинах: около 85% опрошенных считают, что внебрачный секс заслуживает самого серьезного осуждения, еще примерно 10% считают, что такое поведение весьма предосудительно. Отметим, что эта цифра практически не изменилась за 17 лет.

Очень высока доля осуждающих внебрачные сексуальные отношения в США, причем за время наблюдений осуждение подобного поведения только усилилось. Так, в 1991 г. 73% американцев полагали, что внебрачный секс заслуживает самого серьезного осуждения, еще 18% считали, что такое поведение весьма предосудительно. В 1998 г. доля категорически осуждающих внебрачный секс выросла до 80% и осталась на этом уровне в 2008 г. Одинаковое число респондентов (13%) полагали, что такое поведение весьма предосудительно и в 1998, и в 2008 гг. Даже в католических Ирландии и Польше доля осуждающих внебрачный секс ниже. Американцы прочно занимают вторую позицию на «шкале ригидности» по отношению к семейным изменам.

Установки россиян по отношению к внебрачному сексу весьма либеральны. В 1991 г. 38% российских респондентов считали внебрачные отношения абсолютно предосудительными – практически вдвое меньше, чем американцы. Эта доля несколько снизилась в 1998 г., но выросла до 45% в 2008 г. Россияне держат своего рода пальму первенства на шкале терпимости к внебрачному сексу. Чем можно объяснить подобную толерантность россиян по отношению к супружеским изменам в сравнении с респондентами других стран? К сожалению, данных, позволяющих дать однозначный ответ на этот вопрос, в нашем распоряжении нет, поэтому ограничимся некоторыми гипотезами. Прежде всего отметим, что супружеская измена – сфера, где двойной стандарт проявляется наиболее ярко. Так, согласно опросным данным 2006 г., около 30% россиян полагали, что для мужчин иметь внебрачные половые связи допустимо или скорее допустимо, тогда как приемлемость подобного поведения для женщин признавали лишь 18% опрошенных¹³.

¹³ Исследование Курьер 2006-4, опрос проведен Левада-центром 24-27 марта 2006 г., опрошено 1600 респондентов.

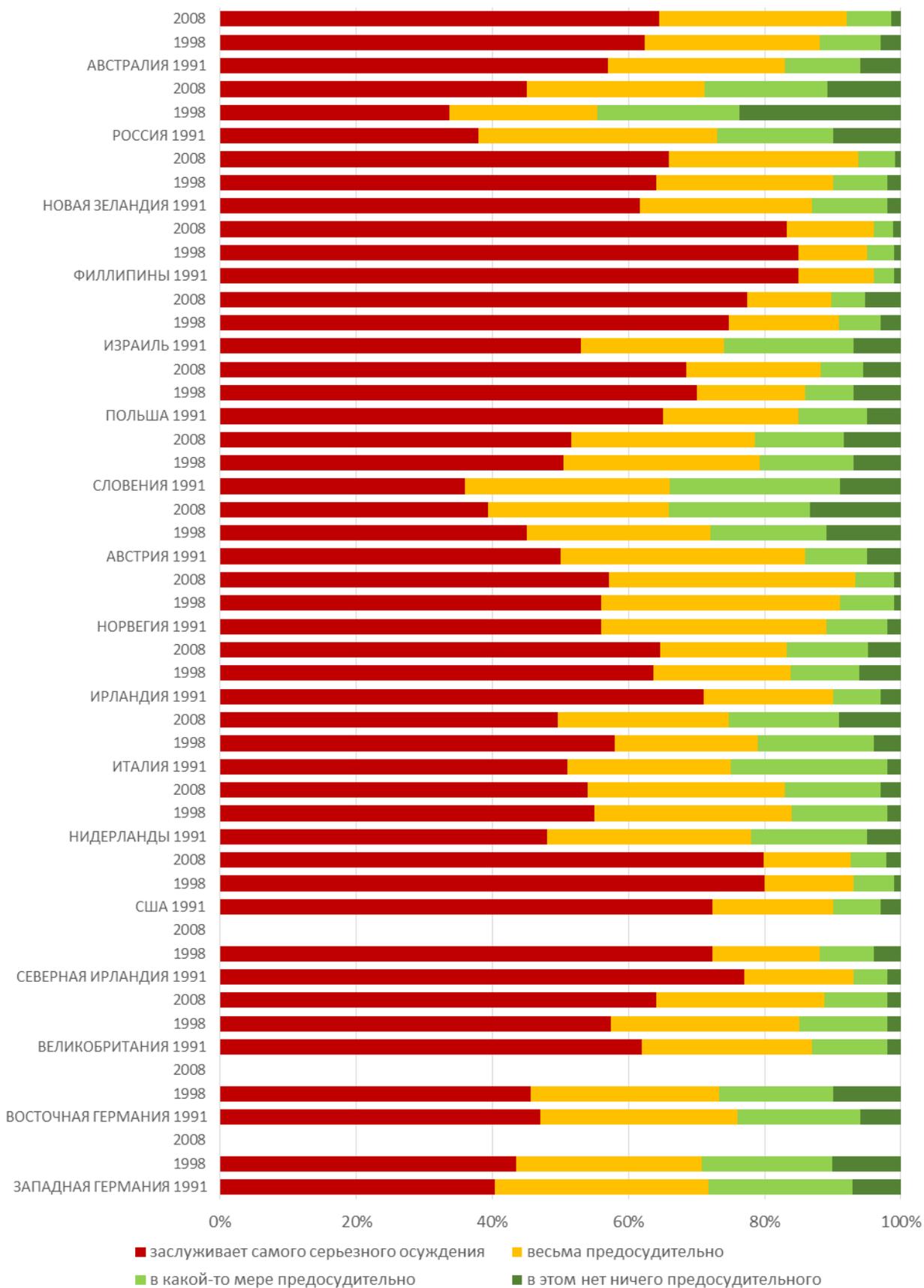

Рисунок 4. Динамика отношения к внебрачному сексу в различных странах, %

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP

По данным Исследовательского центра рекрутингового портала SuperJob.ru¹⁴ мужчины чаще, чем женщины, признаются в супружеских изменах (28% против 17%). Иными словами, супружеская измена – это социально-приемлемый элемент, скорее, мужского поведения, чем женского. Российское общество в большей степени готово прощать мужчин, возможно здесь лежит одно из объяснений толерантности по отношению к внебрачному сексу.

Хочется обратить внимание еще на один возможный фактор перmissивности. Согласно данным, полученным Исследовательским центром портала SuperJob.ru, респонденты, объясняя возможные причин супружеских измен, приводили следующие резоны: «измена сохраняет брак», «для мужчины, который любит свою семью, в определенных ситуациях это возможно, а иногда и необходимо». Иными словами, по мнению респондентов, семья и внебрачный секс не являются конкурентными формами поведения, внебрачный секс не угрожает семье, не разрушает, а дополняет ее. Отсюда толерантность в отношении супружеских измен.

РОССИЯ В РЯДУ ДРУГИХ СТРАН: ОТНОШЕНИЕ К ГОМОСЕКСУАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ МЕЖДУ ВЗРОСЛЫМИ ПАРТНЕРАМИ

Система установок по поводу гомосексуальных отношений значительно варьируется от страны к стране. Максимально негативное отношение зафиксировано на Филиппинах: доля резко осуждающих гомосексуализм, даже с учетом ее некоторого снижения, превосходит 80%. Противоположный полюс – полюс толерантности – занимают Нидерланды. Около 70% жителей этой страны полагают, что в гомосексуализме нет ничего предосудительного, и эта позиция находит все больше сторонников по мере проведения замеров. Следует отметить, что перmissивность установок по отношению к гомосексуализму растет во всех европейских странах. Так, в Норвегии в 1991 г. около трети респондентов отметили, что не видят в гомосексуализме ничего предосудительного, в 2008 г. их число выросло практически вдвое – 62% опрошенных заявили, что разделяют эту позицию. В еще большей степени смягчилось отношение к гомосексуализму в Австрии: в 1991 г. 19% респондентов отмечали допустимость гомосексуальных отношений, в 2008 г. их число выросло до 51% – более половины опрошенных заявили, что не видят в гомосексуализме ничего предосудительного. Данные фиксируют процесс нормализации отношения к гомосексуальности взрослых в европейских странах, снятия стигмы с однополых отношений.

В России доля считающих гомосексуализм абсолютно предосудительным высока: в 1991 г. эту позицию продекларировали 2/3 опрошенных. К 1998 г. их число снизилось, но вновь выросло в 2008 г. – уже 75% респондентов заявили о полной недопустимости однополых любви. Безусловно, это изменение системы установок связано с общим

¹⁴ Исследование «Про мужчин и женщин», опрос проведен 7-12 мая 2010 г. Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru, опрошено 4200 респондентов в возрасте от 18 лет и старше: URL: <https://www.superjob.ru/community/mw/45951/> (дата обращения: 25.10.2017 г.)

направлением государственной политики последнего времени, но не будем забывать и о том, что декриминализация гомосексуализма в России произошла существенно позже, чем в западных странах. В большинстве западных стран отмена уголовного наказания за гомосексуальные отношения состоялась в 1960—1970-х гг., в России — в 1993 г. Депатологизация, то есть купирование отношения к гомосексуальности как психическому заболеванию, произошла еще позже. Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуальность из перечня психических болезней в 1973 г. В 1990 г. в том же направлении пересмотрела классификацию болезней Всемирная организация здравоохранения. Россия приняла эту позицию только в 1999 г. При этом общественное мнение в России до сих пор в значительной степени демонизирует гомосексуальные отношения. В 2010 году 36% респондентов заявили, что гомосексуализм – это следствие болезни или психической травмы, еще 38% посчитали подобные отношения распущенностью, только 15% опрошенных указали, что гомосексуализм – сексуальная ориентация, имеющая такое же право на существование как и гетеросексуальные отношения¹⁵. По данным этого же исследования 21% опрошенных полагал, что гомосексуалистов следует лечить, еще 24% считали, что им нужно оказывать психологическую помощь. Проведенное в 2012 г. повторное исследование¹⁶ показало, что отношение к гомосексуализму как к отклонению, требующему медицинского вмешательства практически не изменилось.

Аналогичные результаты можно найти в статье М. Фабрикант и В. Магуна [Фабрикант, Магун 2014]. Авторы отмечают, что хотя общее отношение к гомосексуализму, скорее, смягчается – снижается доля респондентов, занимающих радикальные позиции, число респондентов, считающих гомосексуализм болезнью, растет. Так в 2005 г. 17% опрошенных полагали, что гомосексуалистов следует лечить, в 2013 г. их доля увеличилась до 22%.

Усиление консервативных трендов в идеологии и политике последнего времени, направленная гомофобная пропаганда, казалось, должны были бы сказаться на массовых позициях по поводу однополых отношений. Однако опросы фиксируют неоднозначную динамику. На рисунке 6 приведены ответы респондентов на вопрос о допустимости легализации однополых браков. Большинство россиян относятся к такому событию резко отрицательно. Вместе с тем однозначной тенденции роста негативных настроений нет. Так, в 2013 г. доля тех, кто занимает резко негативные позиции по отношению к легализации однополых браков, существенно выросла – до 62% в сравнении с 49% в 2012 г., однако в 2015 г. фиксируется некоторый спад негативизма. Нам близка позиция, высказанная К. Пипия на сайте Левада-центра в объяснение зафиксированной тенденции: внешнеполитические обстоятельства и связанная с ними пропаганда переключили фокус

¹⁵ По данным исследования Курьер 2010-08. Полевые работы проведены Левада-центром 23-29 июля 2010 г., опрошено 1600 респондентов. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2293 (дата обращения: 25.10.2017 г.).

¹⁶ Курьер 2012-09. Полевые работы проведены Левада-центром 20-23 июля 2012 г., опрошен 1601 респондент. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?en=0&ID_S=3088 (дата обращения: 25.10.2017 г.)

массового внимания с внутренних «врагов», гомосексуалистов, на внешних – Украину, США, Гейропу¹⁷.

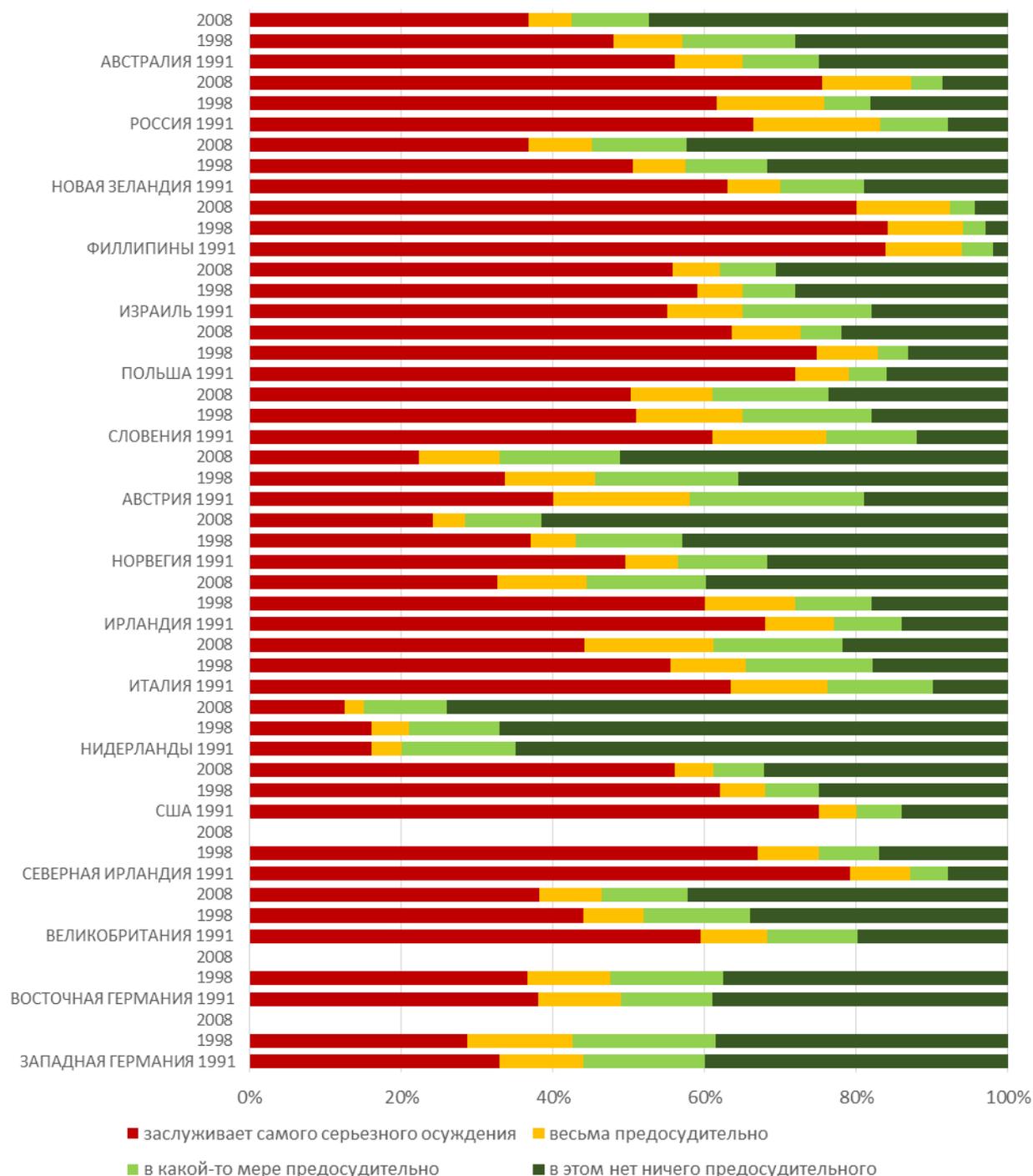

Рисунок 5. Динамика установок по поводу гомосексуальных отношений взрослых партнеров в различных странах, %

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP

¹⁷ <https://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/> (дата обращения: 25.10.2017 г.)

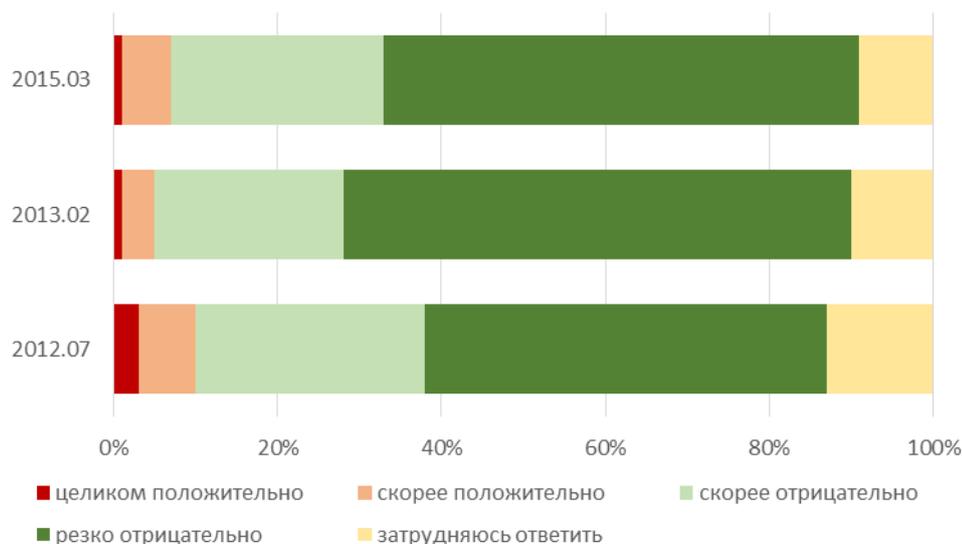

Рисунок 6. Ответы россиян на вопрос: «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы разрешить однополые браки в России?»

Источник: расчеты автора на основе данных опросов Левада-центра¹⁸.

ГДЕ ЛОКАЛИЗОВАНА СВОБОДА

Социальная среда не гомогенна, система установок, в том числе и отношение к дозволенному в интимной сфере, в значительной мере определяется топологией социального пространства. Авангардные практики элитных групп¹⁹ транслируются на другие этажи общества, при этом фазовые различия в рамках одной культуры могут оказаться более значимы, чем различия между культурами. Замеряемые в рамках опросов показатели, такие как место жительства, образование, пол, материальная обеспеченность, род занятий, подтверждают влияние ресурсообеспеченности – центральности положения в социальном пространстве – на перmissивность сексуальных установок и собственно сексуальное поведение. Так, 28% мужчин полагают, что иметь внебрачную сексуальную связь абсолютно предосудительно, тогда как среди женщин эту позицию разделяют 41% опрошенных. 12% жителей крупных городов считают добрачный секс абсолютно неприемлемым, в сельских населенных пунктах число сторонников данной позиции вырастает вдвое – 21% респондентов поддерживают эту установку.

Самые значимые различия в позициях связаны с возрастом. На рисунках 7-9 показана динамика установок по отношению к сексуальному поведению в зависимости от возраста²⁰. Как уже отмечалось, отношение к добрачному сексу среди россиян вполне

¹⁸ Исследование «Курьер», в каждой волне опрашивается не менее 1600 респондентов по случайным репрезентативным выборкам.

¹⁹ Напомним, что элита – это отнюдь не властвующие группировки. В рамках структурно-функционального подхода элитными называют группы, создающие социально значимые смыслы и поведенческие образцы.

²⁰ Использованы данные ISSP-2008 для России, опрошено 1015 человек по репрезентативной выборке. Полевые работы проводил Левада-центр в ноябре 2007 года. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3965&T=m (дата обращения: 25.10.2017 г.).

либерально: доля полагающих, что в добрачном сексе нет ничего предосудительного в 2008 г. составила 50% опрошенных. При этом оценки допустимости подобного поведения для разных возрастных групп различается в разы. Так, доля полагающих, что добрачный секс достоин самого жесткого осуждения, составляет менее 10% в возрастных группах до 45 лет. Далее отмечается значительный рост ригидности – в два раза к шестидесяти годам. Обратим внимание на «провал» негативного отношения к добрачному сексу в группе 41-45 лет. Возможно, это изменение установок связано со стадией жизненного цикла – вступлением в возраст родителей, у которых дети подросли и достигли возраста сексуальной активности. К сожалению, данные не позволили нам проверить эту гипотезу.

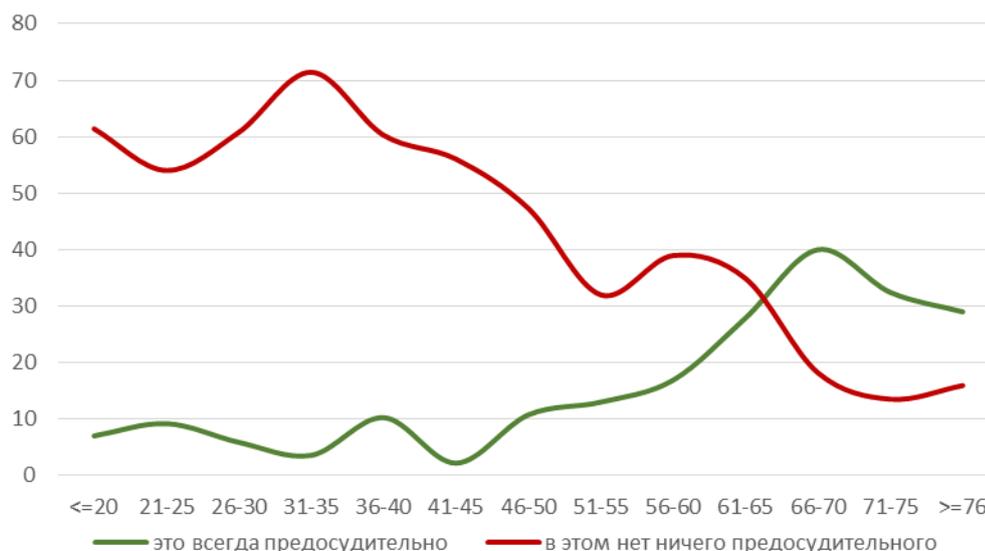

Рисунок 7. Отношение к добрачному сексу в зависимости от возраста, % ответивших

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP-2008 для России

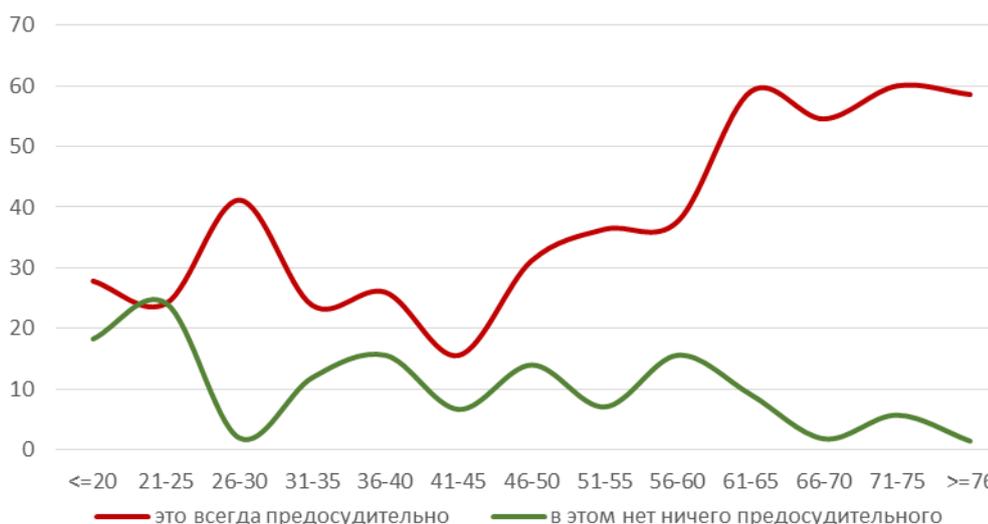

Рисунок 8. Отношение к внебрачному сексу в зависимости от возраста, % ответивших

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP-2008 для России

Как уже отмечалось, установки по отношению к внебрачному сексу отличаются большей ригидностью. Доля тех, кто считает внебрачный секс предосудительным высока почти во всех возрастных группах. Обращает на себя внимание резкое сокращение перmissивности в возрастной группе 26-30 лет. Согласно данным, приведенным в статье [Захаров 2015], по сравнению с 1990 г. возраст регистрации первого брака увеличился к 2013 г. более чем на три года: у мужчин с 23,9 до 27,6 лет, у женщин с 21,9 до 25,2 года. Таким образом, выделенная нами возрастная группа 26-30 лет – это группа заключения первого брака, чем можно объяснить резкое изменение установок по отношению к внебрачному сексу, возросшее требование верности в браке. Интересно обратить внимание еще на одну особенность динамики установок – параллельное движение крайних оценок в возрастных группах от 35 до 50 лет, после чего динамика переходит в более привычную и ожидаемую противофазу. В возрасте же 35-50 лет растет доля более мягких оценок внебрачного секса – оценка «всегда предосудительно» переходит в более мягкую форму «почти всегда», а полное принятие внебрачного секса заменяется позицией «иногда предосудительно». Жесткость позиций и категоричность оценок возвращается после 50 лет.

Возрастные различия в значительной мере проявляются и в сфере отношения к гомосексуализму взрослых партнеров. Самое либеральное отношение фиксируется в группе респондентов в возрасте от 21 до 25 лет – более 20% (при общем уровне перmissивности 9%), число тех, кто считает гомосексуализм абсолютно аморальным составляет 43% (общий показатель - 64%). В старших возрастах доля тех, кто считает гомосексуализм абсолютно предосудительным превышает 80%, толерантно к нему относятся лишь 1-3%.

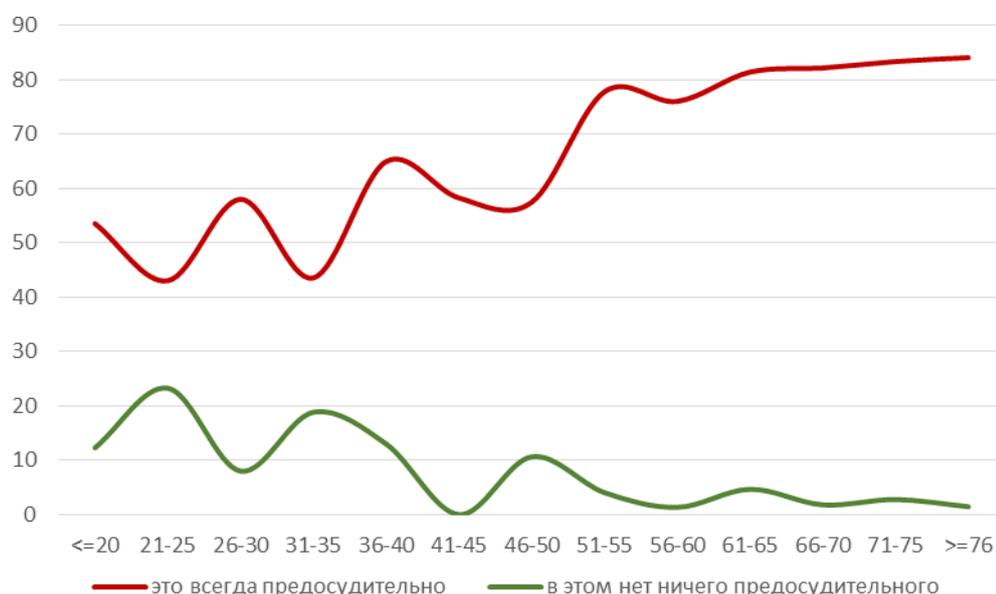

Рисунок 9. Динамика отношения к гомосексуализму в зависимости от возраста, %

Источник: расчеты автора на основе данных ISSP-2008 для России

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация установок – смещение акцентов в принципах социальной регуляции от наложенных извне запретов в сторону индивидуальной свободы и ответственности – глобальная тенденция, охватывающая все сферы индивидуального поведения, в т.ч. и сферу интимных отношений. В современных обществах сексуальное удовольствие и удовлетворенность признаются важными элементами личной жизни, имеющими право на существование как таковые, сексуальное поведение отделяется от репродуктивного, эротика становится легитимным элементом массового потребления взрослого человека. Однако фазы данного процесса различаются в разных обществах.

Тоталитарное государство стремится контролировать все сферы личной жизни. Ликвидация эротической культуры, маркировка сексуального как грязного, предосудительного – важнейший элемент системы тоталитарного контроля. Ярким примером влияния этой доктрины на массовое сознание является фраза, ставшая крылатой в 1986 г.: «в Советском Союзе секса нет». Сокращение контроля со стороны государства, расширение пространства индивидуальной свободы и ответственности повышают перmissивность в сфере интимного: либерализация установок в сексуальном поведении россиян была зафиксирована еще в 1960-е гг., и только усилилась с перестройкой и демократизацией. В ряду других стран Россия занимает более чем либеральные позиции по отношению к внебрачному сексу, сквозь пальцы смотрит на добрачные сексуальные отношения. Сложнее выстраивается система установок по поводу гомосексуальных отношений: некоторая либерализация взглядов, заметная в конце 1990-х гг., сменилось ростом ригидности, последовавшим за изменившимся тоном государственной политики и пропаганды.

Процессы либерализации социального пространства в России в последнее время все чаще сталкиваются с усилением консервативных тенденций – апелляцией к «национальным нравственно-этическим представлениям и традициям», противопоставлением безнравственной западной культуры и высокой православной морали. А. Вишневский отмечает, что консервативные тенденции возникают как способ привлечь традиционалистски настроенный российский массовый электорат: политики все чаще склоняются к эксплуатации антилиберальных, «государственнических» идеологий, во многом отвечающим настроениям массивного «низа» социальной пирамиды [Вишневский 2004]. Ретроориентация государственной политики, безусловно, сказывается на динамике установок в сфере сексуального поведения, но не может отменить основные тренды на разнообразии сексуальных практик и индивидуальной ответственности за сделанный выбор. Процессы модернизации, включающие в себя либерализацию нравов и морали, носят объективный характер — ни отменить сформировавшиеся в последние десятилетия сексуальные сценарии, ни подчинить их традиционным ценностям власть не может. Возможно лишь увеличение разрыва между официально прокламируемой системой религиозно-нравственных ценностей и реальным повседневным поведением людей, который рано или поздно придется признать. «Желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит».

ЛИТЕРАТУРА

- Бочарова О. А. (1994). Сексуальная свобода: слова и дела // Человек. 5: 98—107.
- Вишневский А. Г. (2004). Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Общественные науки и современность. 1: 17-25.
- Голод С.И. (1999). Сексуальная эмансипация женщин и проблема Другого // Журнал социологии и социальной антропологии. 2 (6): 105-114. URL: http://www.jourssa.ru/?q=ru/1999_2 (дата обращения: 30.10.2017)
- Захаров С.В. (2015). Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. № 625 – 626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (дата обращения: 30.10.2017)
- Католическая энциклопедия (2011). Том IV. М.: Издательство францисканцев. VIII с. + 1962 стб.; ил.
- Кон И.С. (2010). Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. 3-е издание, исправленное и дополненное. М.: Время. 608 с.
- Нисбет Р. (2007). Прогресс: История идеи. М.: ИРИСЭН. 557 с.
- Оруэлл Дж. (1989). «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс. 384 с.
- Сакевич В. (2005). Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп Weekly. № 221-222. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 30.10.2017)
- Сольц А. (1937). Аборт и алименты // Труд. 1937. 27 апр. № 97. Цит. по URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 30.10.2017)
- Темкина А. (2008). Сексуальная жизнь женщины между подчинением и свободой. СПб.: Издательство ЕУСПб. 376 с.
- Тольц М. С. (2014). От абортного термидора к законодательному либерализму: Политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши. Серия «Демографические исследования», выпуск 25. М.: Проспект: 139-150.
- Фабрикант М. С., В.С. Магун (2014). Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. №613-614. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (дата обращения: 30.10.2017).

DYNAMICS OF ATTITUDES IN THE SPHERE OF INTIMATE RELATIONSHIPS IN RUSSIA

LARISA KOSOVA

The processes of modernization are the central research topic of the social sciences. As R. Nisbet noted, the main interest of modern sociology lies in the study of the processes of transition from a closed, hierarchical society to an open, achievement-oriented one. The most important aspect of modernization is the shift in the principles of social regulation from prohibitions imposed externally towards personal freedom and responsibility. One of the behavioral spheres where such shifts are most noticeable is that of sexual relations. In modern societies, sexual pleasure and satisfaction are recognized as important elements of private life that have the right to exist as such, and not only as a necessary condition for procreation.

Modernization is a global process, but the phase differences in different countries are significant. The article analyzes the dynamics of attitudes towards sexual behavior, and shows the place of Russia among other countries. Calculations are based on sociological survey data, primarily the International Social Survey Programme (ISSP), which makes it possible both to track the dynamics of attitudes in time and to conduct cross-country comparisons. All data are obtained from the Joint Economic and Sociological Data Archive of the Higher School of Economics: <http://sophist.hse.ru>.

A totalitarian state strives to control all domains of private life. Eliminating erotic culture, denigrating sex as dirty and reprehensible, is an important element of the system of totalitarian control. Reducing state control increases permissiveness in the sphere of intimacy: the liberalization of attitudes towards the sexual behavior of Russians was recorded as far back as the 1960s, and only intensified with perestroika and democratization. Russians today have a more than liberal attitude to extramarital sex, and are fairly permissive regarding premarital sex. Attitudes to homosexual relations, however, are more complex. A certain liberalization of views seen in the 1990s has been replaced by an increased rigidity in the wake of the state's more recent conservative policy. But though the strengthening of these conservative trends in state policy has affected the dynamics of attitudes towards sexual behavior, it cannot reverse the main trends towards a diversity of sexual practices and individual responsibility for one's choices.

Key words: *Modernization, dynamics of attitudes in the sphere of sexual relations, comparative analysis, impact of state policy on attitudes, impact of social resources on attitudes*

LARISA KOSOVA (lkosova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2017.

REFERENCES

- Bocharova O. A. (1994). Seksual'naya svoboda: slova i dela [Sexual freedom: words and deeds] // Chelovek [Man]. 5: 98-107.
- Fabrikant M.S., Magun V.S. (2014). Semeynyye tsennosti rossiyan i yevropeytsev [Family values of Russians and Europeans] // Demoscope Weekly. №613-614 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (accessed: 30.10.2017).
- Golod S.I. (1999). Seksual'naya emansipatsiya zhenshchin i problema Drugogo [Sexual emancipation of women and the problem of another] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of sociology and social anthropology]. 2 (6): 105-114. URL: http://www.jourssa.ru/?q=ru/1999_2 (accessed: 30.10.2017)

- Katolicheskaya entsiklopediya [The Catholic Encyclopedia] (2011). Vol. IV. Moscow: Izdatel'stvo frantsiskantsev. VIII s. + 1962 stb .; il.
- Kon IS (2010). Seksual'naya kul'tura v Rossii: Klubnichka na berezke. 3-ye izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye [Sexual Culture in Russia: Strawberry on the Birch, 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Vremya. 608 p.
- Nisbet R. (2007). Progress: istoriya idei [History of the Idea of Progress]. Moscow: IRISEN: 557 p.
- Orwell G. (1989). "1984" i esse raznykh let ["1984" and essays of different years]. Moscow: Progress: 384.
- Savevitch V. (2005). Chto bylo posle zapreta aborta v 1936 godu [What happened after the abortion ban in 1936] // Demoscope Weekly. № 221-222. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (accessed: 30.10.2017).
- Sol'ts A. (1937). Abort i alimenty [Abortion and alimony] // Trud [Labor]. 1937. 27 April. № 97. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (accessed: 30.10.2017).
- Temkina A. (2008). Seksual'naya zhizn' zhenshchiny mezhdru podchineniyem i svobodoy [Sexual life of a woman between obedience and freedom]. SPb.: Izdatel'stvo EUSPb: 376 p.
- Tolts M.S. (2014). Ot abortnogo termidora k zakonodatel'nomu liberalizmu: Politika v oblasti brachno-semeynykh otnosheniy kak zerkalo istorii SSSR [From abortive Thermidor to legislative liberalism: the policy in the field of marriage and family relations as a mirror of the history of the USSR] // Razvitiye naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A. YA. Kvashi [Population development and demographic Policy. In memory of A. Ya. Kvasha]. Seriya "Demograficheskiye issledovaniya", vypusk 25. M.: Prospekt: 139-150.
- Vishnevsky A. G. (2004). Modernizatsiya i kontrmodernizatsiya: ch'ya voz'met? [Modernization and counter-modernization: Who will Take It?] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 1: 17-25.
- Zakharov S.V. (2015). Braki i razvody v sovremennoy Rossii [Marriages and divorces in modern Russia] // Demoscope Weekly. № 625 - 626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (accessed: 30.10.2017).

УКРАИНЦЫ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1897-2010 гг. В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ: ОТ ЯДРА «ЗЕЛЕННОГО КЛИНА» ДО АССИМИЛЯЦИИ

РЕНАТ ТЕМИРГАЛЕЕВ

Статья посвящена демографической истории украинцев Приморского края Российской Федерации. В конце XIX – начале XX вв. большая часть переселенцев в данный регион прибывала из украинских губерний Российской империи. В 1926 г. украинцы составляли 32,8% населения Владивостокского округа Дальневосточного края и более 40% его сельского населения. Вместе с тем перепись населения РФ 2010 г. показала лишь 2,5% украинцев на всей территории современного Приморского края. В данной статье делается попытка осветить демографическую историю украинцев Приморского края на протяжении XX века, выделить основные этапы данной истории, а также дать объяснение постепенному сокращению доли украинцев в регионе, особенно явственно проявившемся между переписями 1989 и 2010 гг., т.е. в основном в постсоветский период.

Ключевые слова: *ассимиляция, Дальний Восток, демография, Приморский край, Приморье, украинцы, этнодемография.*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дальний Восток Российской Федерации – сложный, противоречивый в отношении социально-экономического развития и весьма интересный для исследователя демографических процессов регион нашей страны. С одной стороны, это восточный фасад России, ключ к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Южная часть региона – Приморский край – наиболее экономически развитая и освоенная часть территории, близко расположенная к важнейшим мировым экономическим гигантам – Китаю, Японии, Южной Корее. Вместе с тем Дальний Восток известен и как один из наиболее депопулирующих регионов нашей страны. Изучение любых демографических процессов в его границах в этой связи приобретает особую важность.

Будучи регионом относительно позднего освоения, Дальний Восток стал своего рода фронтиром, зоной активного взаимовлияния культур разных народов – коренных народов края, народов соседних стран – китайцев, корейцев, японцев, маньчжуров, а также многочисленных переселенцев из Европейской части России, которые, представляя разные в хозяйственном, экономическом, культурном и этнографическом отношении регионы, вносили большой вклад в этнокультурную специфику Дальнего Востока нашей страны.

РЕНАТ ФАРИТОВИЧ ТЕМИРГАЛЕЕВ (renattemirgaleev@yandex.ru), Казанский Национальный Исследовательский Технический Университет им. А. Н. Туполева, Россия.

Статья поступила в редакцию в октябре 2017 г.

В 1880-е – 1910-е гг. южная часть Дальнего Востока, наиболее благоприятная с точки зрения агроклиматических условий, заселялась преимущественно выходцами из тех губерний Российской империи, территории которых сегодня входят в состав Украины. В 1926 г. украинцы составляли 32,8% населения южной части Дальнего Востока (Владивостокского округа Дальневосточного края). Это был один из наиболее густонаселенных украинцами регионов за пределами исторической Украины. При этом к 2010 г. доля украинцев в Приморском крае составила всего 2,5%. Все это позволяет видеть в данном случае один из интереснейших случаев ассимиляции русскими близкородственного народа в условиях проживания его вдали от исторической родины. Изучение демографической стороны процесса ассимиляции приобретает в этой связи большую актуальность.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Цель настоящего исследования – изучить демографическую историю украинского населения Приморского края¹, выявить ее основные этапы, установить причины снижения доли украинцев в численности населения региона с 1926 по 2010 г. и, в частности, резкого падения этой доли в последние десятилетия – с 1989 по 2010 г.

Объект исследования – украинское население Приморского края. В рамки исследования вошла территория компактного расселения украинцев в центральной и южной части современного Приморского края (исторический Южно-Уссурийский край). Источником статистических сведений послужили переписи населения Российской империи 1897 г., СССР – 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Российской Федерации – 2002 и 2010 гг. Следует отметить, что в различные исторические периоды на протяжении XIX и XX веков территория современного Приморского края входила в состав различных административно-территориальных единиц. Принимая во внимание особенности размещения населения на территории Приморья (плотность сельского населения, число городов) и учитывая необходимость сопоставления данных за разные исторические периоды, автор счел уместным применить следующий принцип: в 1897 г. рассматривается Южно-Уссурийский округ Приморской области, северная граница которого проходила примерно по 45 градусу с. ш., в 1926 г. – Владивостокский округ Дальневосточного края, в 1939 г. – Приморский край, включая Уссурийскую область, с 1959 по 2010 г. – Приморский край в современных границах (рисунок 1). В целях упрощения терминологии для всех рассматриваемых единиц в рамках статьи употребляется термин «Приморье». Для переписей с 1926 по 2010 гг. рассматриваются национальные категории («украинцы», «русские» и т.п.), для переписи 1897 г. – языковые категории («малорусский», «великорусский» язык и т.п.).

¹ В контексте исследования – Приморья, южной части края, в связи с изменениями административно-территориального деления и необходимостью учитывать данные за периоды, предшествующие образованию Приморского края в современных границах

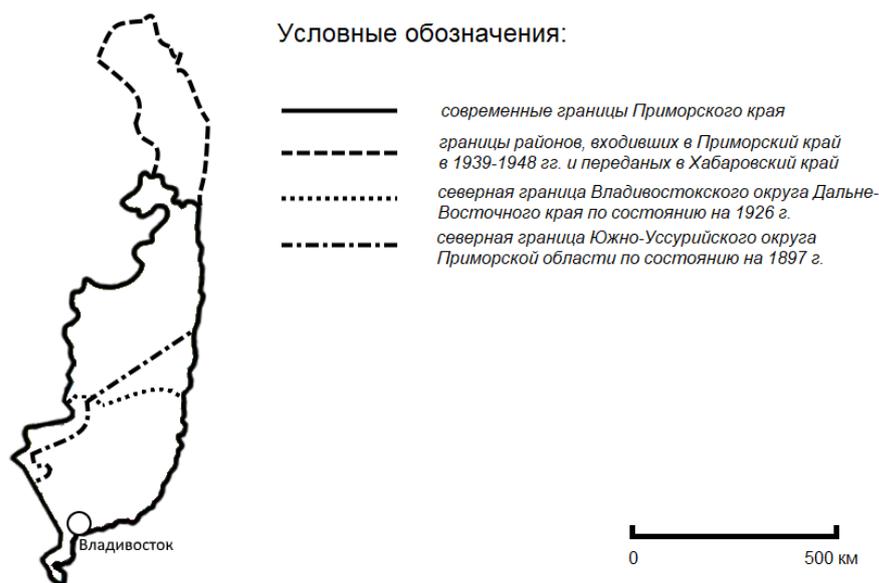

Рисунок 1. Картограмма соотношения территории исторических административно-территориальных единиц, рассмотренных в рамках настоящей статьи

Источник: составлено автором по [Атлас Союза... 1928, Географический атлас... 1941, Первая Всеобщая перепись... 1899]

ИЗУЧЕННОСТЬ ТЕМЫ

В научной литературе широкое освещение получили как тема миграций населения на Дальний Восток России в целом, так и различные аспекты жизни в регионе обширной украинской диаспоры. Следует отметить, что сам процесс переселения крестьян на Дальний Восток, с 1883 г. организовывавшийся при непосредственном участии государства, был детально задокументирован. Так, работа Ф. Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 г.» [Буссе 1898] представляет собой ценнейший источник информации о механизмах и организации переселения, роли в нем государства, а также дает весьма подробные статистические данные. Демографическая история Дальнего Востока, в частности, в период конца XIX – начала XX века наиболее подробно рассматривается в монографии выдающегося отечественного историка, специалиста в области исторической демографии В.М. Кабузана «Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917)» [Кабузан 1985]. Указывая районы выхода переселенцев, В.М. Кабузан убедительно демонстрирует тот факт, что с 1883 по 1917 г. именно выходцы из Украины составили более 2/3 переселенцев на территорию Приморской области. Вопросы заселения территории Дальнего Востока народами славянской семьи занимают центральное место в научном наследии Ю.В. Аргудяевой [Аргудяева 1997; 2006]. Нельзя не отметить вклад в изучение истории заселения Дальнего Востока таких видных ученых, как П.М. Полян и Ж.А. Зайончковская [Полян 2001; Зайончковская 2005].

Российско-украинские миграционные связи после распада СССР раскрывает в своей диссертации на соискание степени кандидата экономических наук Ю.Ю. Карпова [Карпова 2004]. Фундаментальным трудом, дающим во многом исчерпывающую информацию в

данной области, является монография «Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве» под редакцией Л.Л. Рыбаковского [Трансформация миграционных процессов... 2009]. Анализу миграционных процессов и изменению национального состава Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI в. посвящена соответствующая статья С.Н. Мищук [Мищук 2013]. Важнейшие аспекты миграции сельского населения Украины в Сибирь и на Дальний Восток в 1920-е гг. раскрывает О.Д. Розовык [Розовык 2013].

Не остались без внимания исследователей и различные формы самоорганизации украинского населения вдали от исторической Родины. Большой интерес представляют исследования А.В. Кравчука, посвященные украинскому национальному движению на Юге Дальнего Востока [Кравчук 2015].

Важнейшим вопросом, поднятым в рамках настоящей статьи, является ассимиляция украинского населения, происходившая непрерывно на протяжении всего XX века и продолжающаяся до сих пор. В этом отношении весьма интересна работа В.Н. Ракачева, посвященная ассимиляции украинцев на Кубани в 1920-е – 1930-е гг. – процессу весьма схожему с тем, который имел место в среде украинцев Дальнего Востока в целом и Приморья в частности [Ракачев 2012]. Характеристику процессов ассимиляции в последние десятилетия в статье об этнополитической ситуации на Дальнем Востоке России в определенной степени дает А. М. Кузнецов [Кузнецов 2015].

В описании сущности и направленности миграционных и ассимиляционных процессов автор опирался на обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в., составленный М.С. Савоскул [Савоскул 2015], в особенности на поколенческую теорию ассимиляции Х.Г. Дункана и теорию трех фаз процесса миграции С.Н. Айзенштадта.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЦАМИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Массовое переселение крестьянского населения на территорию современного Приморского края началось в 1880-е гг. Как отмечает В.М. Кабузан, «до 1882 г. крестьянское переселение на Дальний Восток носило стихийный характер... К концу 70-х гг. XIX в. прилив крестьянского населения сократился до крайности». В 1882 г. было предложено для быстрого заселения Южно-Уссурийского края организовать переброску крестьян морем за казенный счет [Кабузан 1985: 96]. Начиная с 1883 г. через порт в Одессе морским путем в южную часть современного Приморского края начинают прибывать первые партии переселенцев. Малоземелье, перенаселенность, отсутствие развитой промышленности, а также относительная близость Одесского порта предопределили регионы исхода переселенцев на Дальний Восток – районы Левобережной Украины (Черниговская, Полтавская и, в меньшей степени, Харьковская губернии)². По данным В.М. Кабузана

² Часть территории Черниговской губернии (Мглинский, Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды) в настоящее время входит в состав Российской Федерации. По переписи 1897 г.

(таблица 1), в период с 1883 по 1905 г. из 98 734 переселенцев в Приморскую область (подавляющее большинство оседало в южной части – Южно-Уссурийском крае) 77139 (78%) приходится на украинские губернии, в том числе на Левобережные – 43%. С 1905 по 1917 г. из 167547 переселенцев в Приморскую область на Украину приходится 102614 человек (61%). Морские перевозки крестьян на Дальний Восток прекратились в 1902 г. [Кабузан 1985: 147], однако в начале XX века началось регулярное движение по Транссибирской магистрали из Европейской части на Дальний Восток, что придало переселениям новый импульс. В общей сложности с 1883 по 1917 г. из 266 281 переселенцев в Приморскую область 179 753 были выходцами из Украины (67,5%).

Таблица 1. Заселение Приморской области Российской империи в 1883-1917 гг.

	1883-1905		1906-1917		Итого	
	Численность переселенцев	%	Численность переселенцев	%	Численность переселенцев	%
Всего	98734	100	167547	100	266281	100,00
Украина	77139	78,13	102614	61,24	179753	67,51
в т.ч. Левобережная Украина	42535	43,08	48291	28,82	90826	34,11
Черниговская губ.	24812	25,13	36147	21,57	60959	22,89
Полтавская губ.	17194	17,41	7459	4,45	24653	9,26
Харьковская губ.	529	0,54	4685	2,8	5214	1,96
в т.ч. Правобережная Украина	28480	28,85	47125	28,13	75605	28,39
Киевская губ.	27291	27,64	27677	16,52	54968	20,64
Подольская губ.	1	0,00	11125	6,64	11126	4,18
Волынская губ.	1188	1,20	8310	4,96	9498	3,57

Источник: [Кабузан 1985: 124-125, 149-151]

Заселенная преимущественно украинцами южная часть территории современного Приморского края стала ядром так называемого «Зелёного Клина» – именно такое неофициальное название по аналогии с «Жёлтым Клином» (Среднее и Нижнее Поволжье), «Малиновым Клином» (Кубань) и «Серым Клином» (юг Западной Сибири и Северный Казахстан) получило территориальное объединение украинцев Дальнего Востока. В начале XX века на Дальнем Востоке и, в частности, на территории современного Приморского края, действовали различные украинские национальные организации [Кравчук 2015].

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Рисунок 2 дает наглядное представление о тенденции сокращения доли украинского населения в Приморье в течение XX века. В 1897 г. – на пике переселенческого движения на юг Дальнего Востока, в котором, как показывалось ранее, преобладали выходцы из украинских губерний, в пределах Южно-Уссурийского округа зафиксировано 31413 украинцев или 25,2% населения округа. В 1926 г. в пределах Владивостокского округа зафиксировано 148768 украинцев или 32,8% населения, что составляет максимум за весь

большая часть населения этих уездов говорила на «великорусском» языке. На начальном этапе переселений (1883-1892 гг.) выходцы из данных уездов (4091 чел.) составляли 32% от переселенцев в Южно-Уссурийский край из Черниговской губернии, но после 1885 года их число и доля идет на убыль [Буссе 1898: 168-169].

рассматриваемый период. Перепись населения 1939 г., помимо резкого сокращения числа представителей иных национальностей (в первую очередь вследствие депортации корейцев в 1937 г.), показывает падение доли украинцев и рост доли русских. Дальнейшее снижение доли украинского населения, как показывает график, будет продолжаться, пусть и не в столь больших масштабах, и в 1959 г., и в 1970 г. Лишь с 1979 по 1989 гг. будет наблюдаться стабильное соотношение численности русских и украинцев без существенного сокращения доли последних (8,2%). Наконец, переписи населения 2002 г. и особенно 2010 г. показывают резкое падение доли украинского населения – 4,5% и 2,5% соответственно.

Таблица 2. Общая численность населения Приморского края, численность русских, украинцев и представителей прочих национальностей в разные годы с 1897 по 2010 г.

	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всего	124830	453419	906805	1381018	1721285	1976600	2256072	2071210	1956497
Русские	41929	209740	676866	1120703	1472322	1721606	1960554	1861808	1675992
Украинцы	31413	148768	168761	182004	162767	163116	185091	94058	49953
Прочие	51488	94911	61178	78311	86196	91878	110427	115344	230552

Источник: [Переписи населения... 2017]

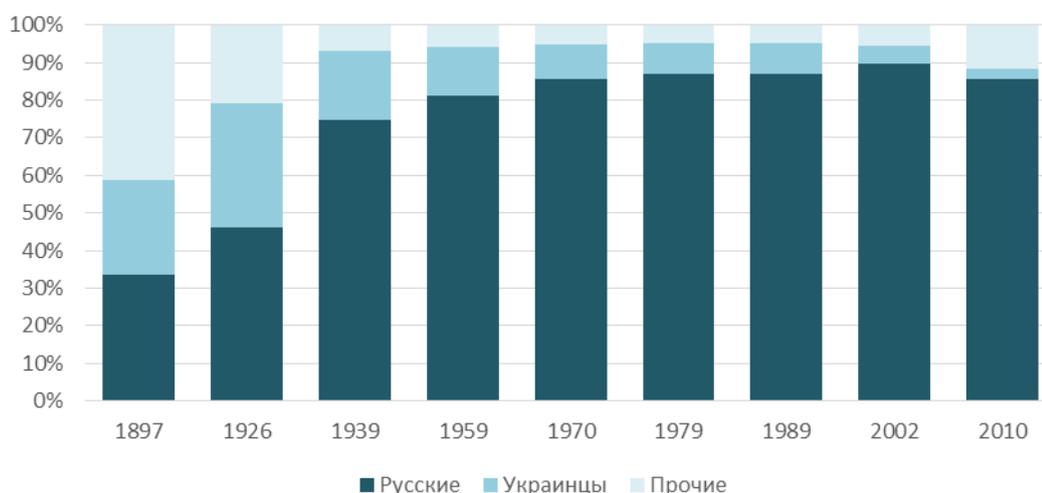

Рисунок 2. Доля русских, украинцев и прочих национальностей в общей численности населения Приморья с 1897 по 2010 г.

Источник: расчеты автора по [Переписи населения... 2017]

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Соотношение русских, украинцев и других национальностей Приморья в сельском населении с 1897 по 2010 г., в целом повторяя описанные тенденции для всего населения региона (максимум – в 1926 г., постепенное падение к 1979 г., стагнация доли в 1979-1989 гг., резкое падение по данным 2002 и 2010 г.), указывает на гораздо большие, чем во всем населении, доли украинцев. Так, в 1926 г. они составляли 41,3% сельского населения региона.

Таблица 3. Численность сельского населения Приморского края по национальностям в разные годы с 1897 по 2010

	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всего	95897	323500	438920	452715	467058	482360	512094	449233	467540
Русские	28749	109578	300065	332759	373042	394741	417224	393282	415778
Украинцы	30498	133663	110252	96177	70075	65165	67437	33100	18679
Прочие	36650	80259	28603	23779	23941	22454	27433	22851	33083

Источник: [Переписи населения... 2017]

Рисунок 3. Доля русских, украинцев и прочих национальностей в общей численности сельского населения Приморья с 1897 по 2010 г.

Источник: расчеты автора по [Переписи населения... 2017]

Данные всех рассмотренных переписей населения убедительно показывают, что украинское население Приморья всегда было гораздо менее урбанизированным. В 1897 г. в сельской местности проживало 97% украинцев региона. Данный показатель гораздо выше среднего по Южно-Уссурийскому округу (в то же время у русских этот показатель был, наоборот, ниже среднего – 68,5%). Лишь в 1960-е гг. у украинцев Приморья доля горожан превысила долю жителей сельской местности, в то время как в среднем по населению региона это произошло еще в 1930-е гг.

Таблица 4. Доля сельского населения у русских и украинцев Приморья в разные годы (с 1897 по 2010 г.)

	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всего	76,82	71,35	48,40	32,78	27,13	24,40	22,70	21,69	23,90
Русские	68,57	52,24	44,33	29,69	25,34	22,93	21,28	21,12	24,81
Украинцы	97,09	89,85	65,33	52,84	43,05	39,95	36,43	35,19	37,39

Источник: [Переписи населения... 2017]

Весьма любопытный штрих к демографическому «портрету» украинцев в Приморье в 1897 г. в сравнении с русскими дает соотношение мужчин и женщин. Если у русских на 1 женщину приходилось 3,2 мужчины, то у украинцев – 1,2 мужчины, т.е. налицо гораздо более равный гендерный баланс. На наш взгляд, это является следствием того, что украинцы переезжали на Дальний Восток семьями, направляясь преимущественно в

сельскую местность, в то время как русские чаще были временными служащими, военными, направлявшимися на Дальний Восток без семей, что говорит в пользу большей «укорененности» украинцев в Приморье.

Таблица 5. Число мужчин и женщин в общей численности населения русских и украинцев Приморья по данным переписи 1897 года

	мужчины	женщины	всего
Русские*	21872	6877	28749
Украинцы**	16686	13812	30498

Источник: [Переписи населения... 2017]

Примечания: * – Указавшие «великорусский» язык, ** – Указавшие «малорусский» язык.

Доля украинцев в Приморье в сравнении с РСФСР/РФ и Дальним Востоком

Если посмотреть на долю украинцев в населении Приморья в сравнении с РСФСР в целом, то можно сделать однозначный вывод: в 1926 г. регион резко выделялся на общероссийском фоне высокой долей украинцев, составлявшей 32,8% (в РСФСР в целом – около 8%). Но в дальнейшем доля украинцев в Приморье падала гораздо быстрее, чем в России в целом. Если с 1926 по 1939 г. темпы падения доли украинцев в Приморье и в РСФСР в целом были приблизительно сопоставимы, то с 1939 по 1989 г. на фоне стабильной доли украинцев в РСФСР, державшейся на уровне около 3%, доля украинцев в Приморье непрерывно сокращалась (кроме периода относительной стабилизации в 1979-1989 гг.). В 1989-2010 гг. в РСФСР/РФ в целом доля украинцев также начала снижаться, но темпы снижения в Приморье были все равно выше.

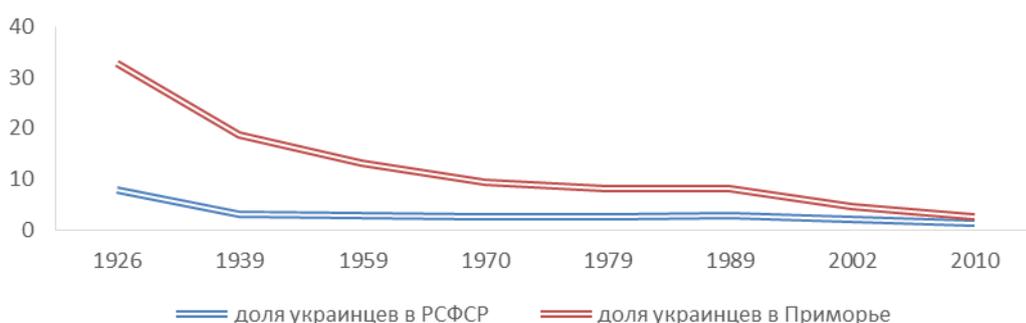

Рисунок 4. Изменение доли украинцев в населении РСФСР/РФ и Приморья в 1926-2010 гг.

Источник: [Переписи населения... 2017]

Примечание: в 1897 г. РСФСР не рассматривается из-за сложности выделения территории по сетке губерний.

В целом доля украинцев в населении РСФСР/РФ с 1926 по 2010 г. снизилась на 82,75%. Падение доли украинцев в Приморском крае за тот же период составило 92,2%.

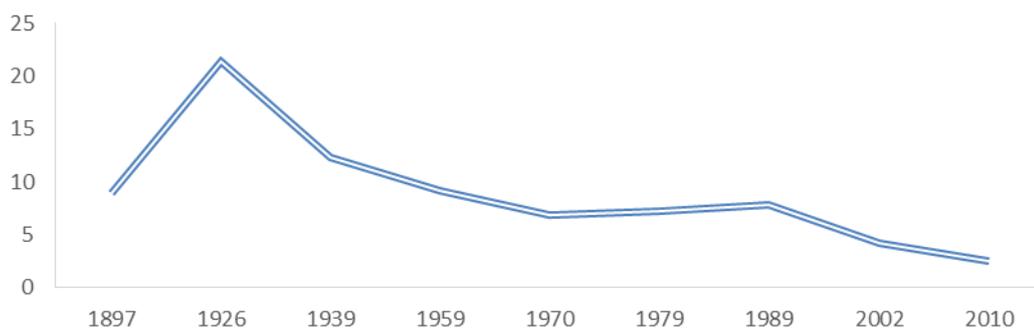

Рисунок 5. Изменение доли украинцев в населении современного ДФО

Источник: [Переписи населения... 2017]

В пределах современного Дальневосточного федерального округа тенденции изменения доли украинцев в целом повторяют таковые для Приморья, однако в 1970-1989 гг. наблюдается даже небольшой рост, на наш взгляд, связанный с притоком молодежи из Украины в рамках всесоюзных ударных комсомольскихстроек, крупнейшей из которых являлось строительство Байкало-Амурской магистрали.

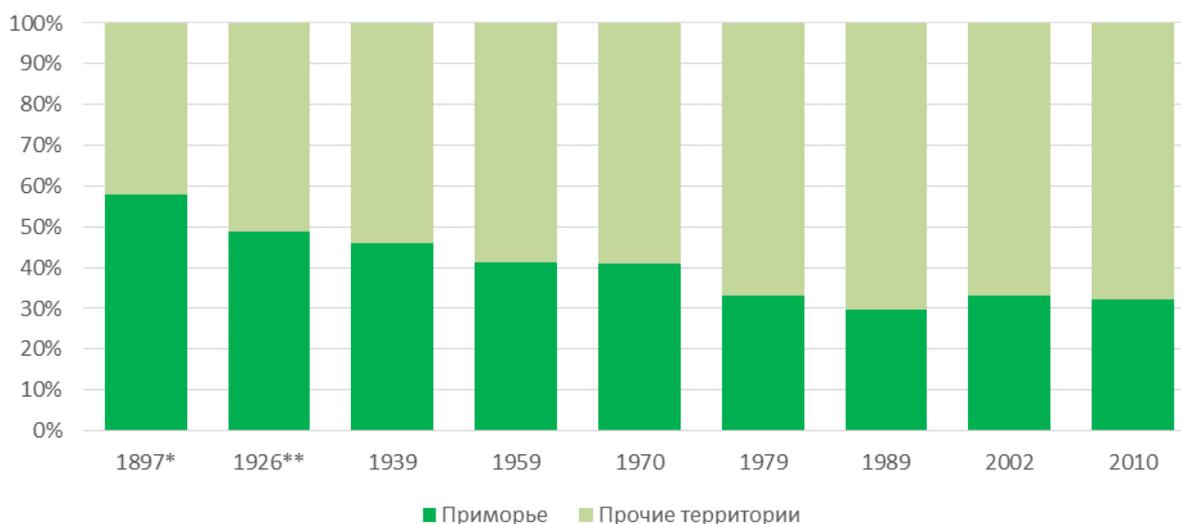

Рисунок 6. Изменение доли Приморья в общей численности украинцев на территории современного ДФО

Источник: [Переписи населения... 2017]

Наконец, еще одним интересным показателем, характеризующим демографические процессы в среде украинцев Дальнего Востока, является доля Приморья в общей численности украинцев на территории современного Дальневосточного федерального округа на протяжении периода с 1897 по 2010 г. Из данных, представленных на рисунке 6, видно, что доля Приморья в указанный период постепенно сокращалась. Если в 1897 г. на территории современного ДФО почти 60% украинцев проживали в Южно-Уссурийском округе, то в 1989 г. в Приморском крае жили менее трети украинцев Дальнего Востока. На наш взгляд, это связано с притоком новых волн переселенцев из разных регионов СССР, в т.ч. из Украины, в иные субъекты региона, связанные с освоением природных ресурсов

Крайнего Севера, строительством новых промышленных предприятий, инфраструктурных сооружений и др. на фоне устойчивого сокращения численности украинского населения Приморья.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ УСКОРЕННОЙ АССИМИЛЯЦИИ УКРАИНЦЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД С 1989 ПО 2010 Г.

Одним из важных вопросов, встающих перед исследователем демографии украинского населения Приморья, становится выявление причин резкого сокращения его доли, последовавшего в период с 1989 по 2010 г.

На наш взгляд, значительное (с 8,2% в 1989 г. до 2,5% в 2010 г.) сокращение доли украинцев в Приморском крае едва ли можно объяснить массовым исходом этнических украинцев на территорию современной Украины. Для этого отсутствовали объективные предпосылки – будь то более высокий уровень жизни в «титульной» стране (как в случае с массовой эмиграцией немцев из России и Казахстана в Германию), притеснения со стороны этнического большинства (сказывается этническая, культурная, лингвистическая и религиозная близость русских и украинцев вкупе с нивелировкой даже самых незначительных различий за десятилетия совместного проживания) или снятие административных барьеров к возвращению на историческую родину (наиболее характерный пример – возвращение крымских татар на историческую родину в конце 1980-х – начале 1990-х гг.).

На взгляд автора, наиболее реалистично выглядит сценарий постепенной ассимиляции украинского населения русским в условиях длительного совместного проживания на максимально отдаленной от исторической родины территории. Если в последние десятилетия советской истории ассимиляция «старых» украинцев, чьи предки прибыли в Приморье еще в конце XIX – начале XX веков могла быть компенсирована притоком новых выходцев с территории Украинской ССР в рамках строительства новых промышленных предприятий, всесоюзных комсомольскихстроек и т.п., то с распадом СССР процесс ассимиляции ускорился многократно.

Важнейшей составляющей процесса ассимиляции является постепенное смещение этнической идентичности у новых поколений и консервация «старой» идентичности у более пожилых представителей той или иной национальности. Наглядным подтверждением активного протекания обозначенного процесса в среде украинцев Приморского края является рисунок 7, на котором отражены доли населения разных возрастов у русских и украинцев Приморского края по данным переписей населения 2002 и 2010 г.

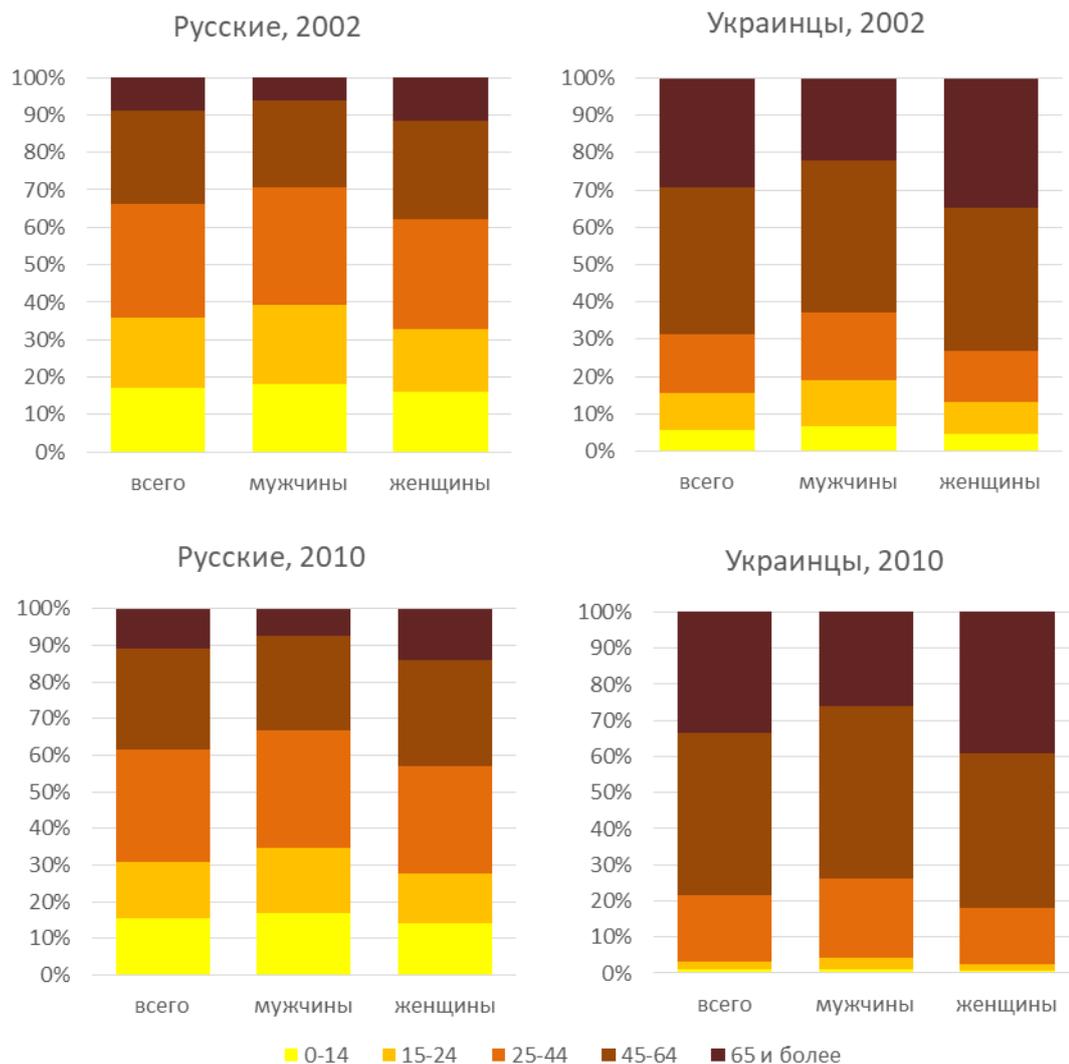

Рисунок 7. Доля различных возрастных групп в общей численности русских и украинцев Приморского края в 2002 и 2010 гг.

Источник: расчеты автора по [Население отдельных национальностей... 2004], [Население наиболее многочисленных национальностей... 2013]

Приведенные графики показывают, что в 2002 г. 60% указавших в переписных листах украинскую национальность, составляли лица в возрасте 45 лет и старше, из них почти 25% – лица старше 65 лет. У русского населения Приморского края аналогичные цифры составляли около 34% и 9% соответственно. Еще более выпукло проблема «постарения» украинской идентичности проявилась в 2010 г., когда доля лиц в возрасте 45 лет и старше в общем числе украинцев региона превысила 75%, из них около 33% – лица старше 65 лет. До очень низких значений упала доля молодежи до 24 лет, назвавшей себя украинцами. Если в 2002 г. таковых было 10%, то к 2010 г. стало меньше 5%.

В завершение сравнения возрастной структуры украинцев и русских в Приморском крае приведем данные о медианном возрасте для обеих национальностей в регионе. Если у русских в 2010 г. он составлял 36,6 года, то у украинцев – 58,1 года. Особенно бросается в

глаза резкое увеличение медианного возраста за восемь лет между переписями – на 7,4 года, что позволяет сделать весьма неутешительный прогноз на будущее.

Таблица 6. Медианный возраст русских и украинцев в Приморском крае в 2002 и 2010 гг.

	Русские			Украинцы		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
2002	34,0	31,3	36,9	50,5	47,4	53,1
2010	36,6	33,7	39,5	58,1	55,2	60,2
В том числе сельское население						
2002	32,0	29,8	34,8	50,8	47,5	53,7
2010	35,7	32,9	39,0	58,2	55,3	60,2

Источник: [Население отдельных национальностей... 2004], [Население наиболее многочисленных национальностей... 2013]

В условиях этнической, религиозной, культурной близости двух народов, большую роль в сохранении идентичности может играть использование родного языка. Если предположить, что на рубеже XIX - XX вв. переселенцы из украинских губерний, учитывая их проживание в массе в сельской местности, где родной язык традиционно дольше сохраняет позиции, чем в городе, в подавляющем большинстве говорили на украинском языке, то уже к середине 1920-х гг. позиции украинского языка серьезно пошатнулись. По данным на 1926 г. во всем Дальневосточном крае из 315203 украинцев в качестве родного указали украинский язык 51,7% или 162998 человек [Народность и родной язык населения СССР 1928: 136-137].

Таблица 7. Доля языков, указанных в качестве родных этническими украинцами по отдельным регионам Российской Федерации и по стране в целом, 2010 г.

	Украинский	Русский
Приморский край	15	85
Белгородская область	24	76
Ямало-Ненецкий автономный округ	38	62
Российская Федерация	24	76

Источник: [Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку... 2013]

В 2010 г. в Приморском крае среди лиц, назвавших себя украинцами, лишь 15% назвали родным языком украинский, остальные 85% – русский, что наглядно демонстрирует масштабы языковой ассимиляции. Данный показатель значительно ниже среднего как для Российской Федерации в целом, где украинский назвали родным 24% этнических украинцев, так и для некоторых приграничных с Украиной регионов РФ, к примеру, Белгородской области (также 24%). Есть основания полагать, что украинским языком в среде этнических украинцев Приморского края в большей степени владеют недавние переселенцы с территории Украины, т.к. в масштабах России наибольшие показатели владения украинским в среде украинцев по национальности – в регионах нового освоения, в частности, в Ямало-Ненецком автономном округе (38%).

Вывод о значительной большем влиянии ассимиляционных, чем миграционных, процессов на снижение доли украинского населения не только в Приморском крае, но и на всей территории РФ, подтверждает в своей монографии и Ю.Ю. Карпова: «Численность украинцев в России также сократилась, на что повлияли три фактора: естественная убыль,

миграционный отток и изменение национальной принадлежности. В 1989-2002 гг. численность населения России, несмотря на миграционный прирост, сократилась. В основном естественная убыль происходила за счет русских, украинцев и белорусов, доля которых в населении весь период составляла не менее 85%. В результате депопуляции численность украинцев сократилась не менее чем на 210-230 тыс. человек. За эти же годы из России выбыло украинцев больше, чем сюда прибыло на 18,8 тыс. человек. Но численность украинцев в период с 1989 г. до осени 2002 г. сократилась не на 250 тыс. человек, а на 1420 тыс. Стало быть, примерно 1,2 млн. украинцев просто «исчезли» [Карпова 2004].

Д.Д. Богоявленский отмечает, что различия в динамике численности народов страны определяются тремя факторами – различиям в естественном движении населения у разных народов (особо подчеркивая важность различий в уровне рождаемости), миграциями (приток извне или отток за рубеж) и, наконец, изменением этнического самоопределения. Говоря о первом факторе, он указывает, что учет движения населения по национальности в России прекратился в 2000-х гг.: «Государственная статистика перестала разрабатывать сведения о естественном и миграционном движении населения в разрезе национальностей в 2008 г. Но и до того этот учет был неполон. Начиная с 1997 г., с исчезновением записи о национальности в персональных документах, ее перестали обязательно записывать в актах гражданского состояния – теперь записывают по желанию. Из-за этого полнота разработки естественного движения по национальности с каждым годом становилась все меньше (в 2003-2008 гг. национальность не была указана у 44% родившихся и 50% умерших), и достоверность такого учета уменьшалась» [Богоявленский 2012]. Статистика миграции, по мнению ученого, очень ненадежна в целом: «Правила миграционного учета часто меняются, что ухудшает их сопоставимость. По-видимому, имеется значительный недоучет миграции. И даже когда велся учет национальности мигрантов, почти у каждого пятого прибывшего национальность не была указана».

Рассматривая ассимиляцию украинцев юга Приморья в контексте теорий Дункана [Han 2006] и Айзенштадта [Eisenstadt 1954], следует отметить, что несмотря на целый ряд недостатков, подробно описанных М.С. Савоскул [Савоскул 2015], в большом количестве случаев они весьма точно описывают этапы ассимиляции групп населения, оказавшихся в совершенно новых для них экономических, социальных и культурных условиях. И всё же вряд ли обе эти теории могут лечь в основу объяснения причин ассимиляции украинского населения региона. Так, в теории Х. Дункана речь идет об этапах ассимиляции иммигрантов в среде принимающего сообщества. Уссурийский край к моменту начала активного заселения его украинцами представлял собой слабозаселенную местность, а контакты с аборигенным населением явно не подпадают под понятие контактов с принимающим сообществом. Кроме того, миграция украинцев была преимущественно сельской, и на протяжении нескольких десятилетий по большей части украинские в национальном отношении села региона жили несколько обособленно от преимущественно русской городской среды. В этом плане можно с осторожностью говорить, что (как минимум в первые десятилетия пребывания в рассматриваемом регионе) украинцы были устойчивы к ассимиляционным факторам, выделенным как Дунканом, так и Айзенштадтом. С другой стороны, по мере увеличения притока русских переселенцев, а также с увеличением

времени пребывания на экстремально отдаленной от исторической родины территории, явная культурная, лингвистическая и языковая близость украинцев с русским населением, только усиливавшаяся с течением времени, в особенности в позднесоветский период, неизбежно привела их к ассимиляции. Межэтнические контакты усилились с началом ускоренной урбанизации, начавшейся в 1930-е гг. и растворение украинцев в доминирующей русской среде отчетливо прослеживается именно с этого времени.

Весьма интересные сведения можно найти в данных Всероссийской переписи населения 2010 г. по этнически однородным и этнически смешанным супружеским парам. В России в 2010 г. из числа национальностей бывшего СССР, проживающих преимущественно вне Российской Федерации (казахи, армяне, азербайджанцы, белорусы, молдаване и т.д.), из 296 352 семейных ячеек с украинской национальной принадлежностью мужа, 237 544 (80,2%) составляют этнически смешанные пары. В семьях с женами-украинками (258 122) этнически смешанные пары составляют 77,2%. В обоих случаях по этому показателю украинцы уступают лишь немцам, белорусам и национальностям стран Прибалтики. Еще более выпукло картина смотрится при рассмотрении отдельно тех украинцев, которые родились в России – в этом случае показатели смешанных браков составят 92,7% для мужей-украинцев и 84,4% для жен-украинок [Переписи населения... 2017].

Наиболее подробный анализ распространенности этнически смешанных семей и межэтническим расстояниям по данному признаку приводит Е.Л. Сороко. По данным за 2010 г., на основании распространенности смешанных браков, именно украинцы с показателем 0,66 оказались на наименьшем межэтническом расстоянии от русских [Сороко 2014].

Выводы

Основные выводы, сделанные по итогам настоящего исследования:

1. Динамика доли украинцев в общей численности населения Приморского края в период с 1897 по 2010 гг. позволяет выделить несколько этапов:

Первый этап по данным переписей начинается в 1897 г., однако фактически его начало необходимо сместить к 1883 г. – началу массовой украинской колонизации Южно-Уссурийского края, и заканчивается в середине 1920-х гг. В этот период доля украинцев росла и достигла максимума в 1926 г. – 32,8%

Второй этап приходится на середину 1920-х – конец 1930-х гг., когда доля украинцев на территории современного Приморского края упала практически в два раза по сравнению с 1926 г. Данное падение прямо коррелирует с общей тенденцией снижения доли украинского населения в РСФСР в этот же период.

Третий этап приходится на конец 1930-х – начало 1970-х гг., когда доля украинцев продолжала поступательно сокращаться – до 9,5% в 1970 г. Данное падение не коррелирует с тенденциями, характерными для украинского населения РСФСР в целом (где доля украинцев в указанный период стабильно находилась в районе 2,5%) и представляет собой

сугубо местный тренд, связанный, по всей видимости, с усилением ассимиляционных процессов в условиях отсутствия или малозначительности внешнего притока нового украинского населения.

Четвертый этап представляет собой промежуток времени между началом 1970-х и концом 1980-х гг. Он характеризуется стабилизацией доли украинцев в регионе (на уровне 8,2% в 1979 и 1989 гг.). По нашему мнению, данную тенденцию необходимо рассматривать в связке с ситуацией на Дальнем Востоке в целом, где в этот же период доля украинцев даже несколько возросла в связи с притоком новой волны переселенцев с территории Украины в рамках строительства новых промышленных объектов, освоения месторождений, возведения объектов ударных комсомольских строек, крупнейшей из которых была Байкало-Амурская железнодорожная магистраль (БАМ).

Наконец, **пятый этап**, начавшийся на рубеже 1980 – 1990-х гг. и продолжающийся до сих пор, характеризуется резким падением доли украинцев в Приморском крае – с 8,2% в 1989 г. до 2,6% в 2010 г. Причина этого падения заключается в продолжающейся неуклонной ассимиляции украинского населения русским в условиях отдаленности от исторической родины, культурной, религиозной и языковой близостью народов, постепенной утратой родного языка. Ассимиляционные процессы не останавливались в среде украинского населения Приморского края начиная с середины 1920-х гг., хотя несколько замедлились в результате нового притока переселенцев в 1970-е годы. Этот этап также характеризуется постепенным «постарением» украинского населения Приморского края, его медианный возраст достиг к 2010 г. 58 лет.

2. Доля украинцев в общей численности населения Приморья сокращалась быстрее, чем в России в целом. В РСФСР/РФ с 1926 по 2010 г. она снизилась на 82,75%. Падение доли украинцев в Приморском крае за тот же период составило 92,2%.
3. Украинское население Приморья во все рассматриваемые периоды было гораздо менее урбанизированным, чем русское. В 1897 году 97% украинцев региона проживало в сельской местности, а рубеж в 50% горожан украинское население Приморья перешагнуло лишь в 1960-е гг. – на 30 лет позже русского населения. Это хорошо коррелирует с историческими особенностями преимущественно крестьянского заселения региона украинцами из малоземельных областей.
4. Доля Приморья в общей численности украинцев на территории Дальнего Востока с 1897 по 2010 г. непрерывно сокращалась, что отражает как сокращение численности украинцев собственно в Приморье, так и новые волны переселенцев с территории Украины, направлявшиеся в другие субъекты региона во второй половине XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Аргудяева Ю.В. (1997). Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – нач. XX в.). М.: Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. 314 с.

- Аргудяева Ю.В. (2006). Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток: ДВО РАН. 312 с.
- Атлас Союза Советских Социалистических Республик (1928). Авт. предисл. А. Енукидзе. М.: Изд. ЦИК СССР. 108 с. URL: http://maps.marywig.org/m/Russian_and_Soviet_maps/various/Atlas_USSR_1928/ (дата обращения: 29.10.2017)
- Богоявленский Д. Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. №531-532. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php#_FN_12 (дата обращения: 29.10.2017)
- Буссе Ф.Ф. (1898). Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 г. с картой. СПб.: Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза». 129 с. URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1991/> (дата обращения: 29.10.2017)
- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки (1928). Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: ЦСУ СССР. 138 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/16537-vyp-4-narodnost-i-rodnoy-yazyk-naseleniya-sssr-1928#page/172/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 29.10.2017)
- Географический атлас СССР для средней школы (1941). М.: Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР. 42 с. URL: <http://istmat.info/node/44869> (дата обращения: 29.10.2017)
- Зайончковская Ж.А. (2005). Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции: 479-490 (Под ред. О. Глезер и П. Поляна).
- Кабузан В.М. (1985). Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917). М.: Наука. 260 с. URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1875/> (дата обращения: 29.10.2017)
- Карпова Ю. Ю. (2004). Миграционный обмен между Россией и Украиной: предпосылки, результаты и последствия: дис. ... канд. экон. наук. Москва: Российская академия наук, Институт социально-политических исследований.
- Кравчук А. В. (2015). Политические аспекты украинского национального движения на юге Дальнего Востока в первой четверти XX века: о проблемах институализации идеологии сепаратизма мигрантов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 6: 248-254
- Кузнецов А. М. (2012). Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 1: 67-79
- Мищук С. Н. (2013). Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX - начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2: 210-221
- Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации (2013). Всероссийская перепись населения 2010 года. Москва: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 29.10.2017)

- Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации (2013). Всероссийская перепись населения 2010 г. Москва: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf (дата обращения: 29.10.2017)
- Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации (2004). Всероссийская перепись населения 2002 года. Москва: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 29.10.2017)
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXVI. Приморская область: Тетрадь 1. (1899). Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел. 44 с., 1 л. карт.
- Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств (2017) // Демоскоп Weekly. №743-744. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 29.10.2017)
- Полян П.М. (2001). Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал». 328 с.
- Ракачев В. Н. (2012). Изменение национальной структуры населения Кубани под влиянием социально-политических процессов 1930-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2: 184-186
- Розовык О. Д. (2013). Миграция сельского населения УССР в Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток в 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 5: 185-189
- Савоскул М. С. (2015). Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 4: 56-65
- Сороко Е. Л. (2014). Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 1(4): 96-123
- Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве (2009). Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Academia. 431 с.
- Eisenstadt S.N. (1954) The absorption of immigrants. A comparative study based mainly on the Jewish community in Palestine and the State of Israel. London: Routledge and Kegan Paul LTD. 275 p.
- Han P. (2006) Theorien zur internationalen Migration // Stuttgart: Lucius and Lucius:195-209

DEMOGRAPHIC HISTORY OF THE UKRAINIANS OF PRIMORSKY KRAI 1897-2010: FROM THE «ZELENY KLIN» CORE TO ASSIMILATION

RENAT TEMIRGALEEV

The article is devoted to the demographic history of Ukrainians of the Primorsky Krai (region) of the Russian Federation. In the late 19th – early 20th centuries most of the settlers in this region came from the Ukrainian provinces of the Russian Empire. In 1926, Ukrainians constituted 32.8% of the population of the Vladivostok District of the Far East and more than 40% of its rural population. At the same time, the 2010 census of the Russian Federation showed only 2.5% of Ukrainians throughout the territory of the modern Primorsky Krai. The author highlights the demographic history of Ukrainians in Primorsky Krai during the 20th century, shows the main stages of their demographic history, and explains the causes of the gradual decrease in the proportion of Ukrainians in the region, especially evident between the 1989 and 2010 censuses, i.e. mainly in the post-Soviet period.

Key words: assimilation, demography, ethnodemography, Far East, Primorsky Krai, Primorye, Ukrainians.

RENAT TEMIRGALEEV (renattemirgaleev@yandex.ru), KAZAN NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER A. N. TUPOLEV, RUSSIA.

DATE RECEIVED : OCTOBER 2017.

REFERENCES

- Argudyaeva Yu.V. (1997). Krestyanskaya semya u vostochnykh slavyan na yuge Dalnego Vostoka Rossii (50-e gg. XIX v. – nach. XX v.) [Eastern Slavic Peasant family in the south of the Far East of Russia (1850s - early XX century)]. M.: Ros. akad. nauk. In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya, In-t istorii, arheologii i etnografii narodov Dal. Vostoka DVO RAN. 314 s.
- Argudyaeva Yu.V. (2006). Etnicheskaya i etnokulturnaya istoriya russkikh na yuge Dalnego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Kn. 1. Krestyane [Ethnic and ethnocultural history of Russians in the south of the Far East of Russia (second half of the 19th century - early 20th century). Book. 1. Peasants]. Vladivostok: DVO RAN. 312 s.
- Atlas Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Atlas of the USSR] (1928). Moscow: Izd TSIK SSSR. 108 p. URL: http://maps.mapywig.org/m/Russian_and_Soviet_maps/various/Atlas_USSR_1928/ (accessed: 29.10.2017)
- Bogoiavlensky D. D. (2012). Perepis 2010: etnicheskii srez [2010 Census: Ethnic Section]. // Demoscope Weekly. №531-532 URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema03.php#_FN_12 (accessed: 29.10.2017)
- Busse F.F. (1898). Pereselenie krestyan morem v Yuzhno-Ussuriyskiy kray v 1883-1893 g. s kartoyu [Resettlement of peasants by the sea to the South Ussuri region in 1883-1893, with map]. Saint-Petersburg: Tip. Vyisochayshe utverzhennogo Tovarischestva “Obschestvennaya Polza”. 129 p. URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1991/> (accessed: 29.10.2017)

- Eisenstadt S.N. (1954) *The Absorption of Immigrants. A Comparative Study Based Mainly on the Jewish Community in Palestine and the State of Israel*. London: Routledge and Kegan Paul LDT. 275 p.
- Geograficheskiy atlas SSSR dlia srednei shkoly [Geographical Atlas of the USSR for Middle school] (1941). Moscow: Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii pri SNK SSSR. 42 p. URL: <http://istmat.info/node/44869> (accessed: 29.10.2017)
- Han P. (2006) *Theorien zur internationalen Migration*. // Stuttgart: Lucius and Lucius:195-209.
- Kabuzan V.M. (1985). *Dalnevostochnyy kray v XVII – nachale XX vv. (1640-1917)* [Far East region in the XVII – early XX centuries. (1640-1917)]. Moscow: Nauka. 260 p. URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1875/> (accessed: 29.10.2017)
- Karpova Yu. Yu. (2004). *Migratsionnyy obmen mezhdru Rossiei i Ukrainoy: predposylki, rezultaty i posledstviya* [Migration exchange between Russia and Ukraine: prerequisites, results and consequences]: PhD thesis. Moscow: RAS, Institute for Social and Political Studies.
- Kravchuk A. V. (2015). *Politicheskie aspekty ukrainskogo natsionalnogo dvizheniya na yuge Dalnego Vostoka v pervoy chetverti XX veka: o problemah instutualizatsii ideologii separatizma migrantov* [Political aspects of the Ukrainian national movement in the south of the Far East in the first quarter of the twentieth century: the problems of institutionalization of the ideology of separatism of migrants] // *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obschestvennyye nauki*. 6: 248-254
- Kuznetsov A. M. (2012). *Etnopoliticheskaya situatsiya na Dalnem Vostoke Rossii: nekotorye problemy i perspektivy* [Ethnopolitical situation in the Russian Far East: some problems and prospects] // *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 1: 67-79
- Mischuk S. N. (2013). *Migratsiya i natsionalnyy sostav naseleniya na Dalnem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v.* [Migration and national composition of the population in the Far East of Russia in the late XX – early XXI century] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2: 210-221
- Naselenie naibolee mnogochislennykh natsionalnostey po rodnomu yazyiku po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii [Population of the most numerous nationalities in the native language by subjects of the Russian Federation] (2013). *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g* [All-Russian Census 2010]. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf (accessed: 29.10.2017)
- Naselenie naibolee mnogochislennykh natsionalnostey po vozrastnyim gruppam i polu po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii [Population of the most numerous nationalities by age groups and sex by subjects of the Russian Federation] (2013). *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 goda* [All-Russian Census 2010]. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (accessed: 29.10.2017)
- Naselenie otdelnykh natsionalnostey po vozrastnyim gruppam i polu po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii [Population of selected nationalities by age groups and sex by subjects of the Russian Federation] (2004). *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 goda* [All-Russian Census 2010]. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 29.10.2017)

- Perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii, SSSR, 15 novyih nezavisimyyh gosudarstv [Censuses of the Russian Empire, the Soviet Union, 15 new independent states] (2017) // Demoscope Weekly. №743-744. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (accessed: 29.10.2017)
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. LXXVI. Primorskaya oblast' : Tetrad' 1. [The first Census of the Russian Empire] (1899). Pod red. N. A. Trojnickogo. SPb: Izd. Centr. stat. kom. M-va vn. del. 44 p., 1 l. kart.
- Polyan P.M. (2001). Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditelnyh migratsiy v SSSR [Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. M.: Izd-vo «OGI-Memorial». 328 s.
- Rakachev V. N. (2012). Izmenenie natsionalnoy strukturyi naseleniya Kubani pod vliyaniem sotsialno-politicheskikh protsessov 1930-h gg. [The change in the national structure of the population of the Kuban under the influence of socio-political processes in the 1930s] // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 2: 184-186
- Rozoviyk O. D. (2013). Migratsiya selskogo naseleniya USSR v Sibir, Zabaykale i Dalniy Vostok v 1920-h gg. [Migration of the rural population of the Ukrainian SSR to Siberia, Transbaikalia and the Far East in the 1920s] // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 5: 185-189
- Savoskul M. S. (2015) Obzor teorii mezhdunarodnoi migratsii naseleniia vtoroi poloviny 20 v. [Theory of international migration in the second half of the 20th century] Regionalnye issledovaniia [Regional research]. 4: 56-65
- Soroko E. L. (2014). Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiiskoi Federatsii [Ethnically mixed families in the Russian Federation]. // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 4: 96-123
- Transformatsiia migratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve. Pod red. L. L. Rybakovskogo [Transformation of migration processes in the post-Soviet space. Ed. L. L. Rybakovsky] (2009). Moscow: Academia. 431 p.
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki [All-Union Census of December 17, 1926: summary] (1928). Vyip. 4: Narodnost i rodnoy yazyk naseleniya SSSR. Moscow: TsSU SSSR. 138 p. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/16537-vyp-4-narodnost-i-rodnoy-yazyk-naseleniya-sssr-1928#page/172/mode/inspect/zoom/4> (accessed: 29.10.2017)
- Zayonchkovskaya Zh.A. (2005). Migratsii i demograficheskoe budushee Sibiri i Dalnego Vostoka [Migrations and the demographic future of Siberia and the Far East] // Rossiya i ee regionyi v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii: 479-490 (Pod red. O. Glezer i P. Polyana).

ПЕРВАЯ ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАРОДОНАСЕЛЕНИЮ ГЛАЗАМИ ДВУХ РУССКИХ УЧАСТНИКОВ-ЭМИГРАНТОВ

МАРК ТОЛЬЦ

Публикуются сообщения С.С. Кона и А.М. Кулишера о первой Всемирной конференции по народонаселению (Женева, 1927), появившиеся в изданиях русской послереволюционной эмиграции, которые недоступны современному читателю. Эти сообщения дополнены предисловием и комментариями к их текстам. В предисловии рассказано о вкладе авторов сообщений в работу этого важного научного форума и его значении для их последующей научной деятельности. Отмечены положительные особенности публикуемых материалов в сравнении с другими сообщениями о первой Всемирной конференции по народонаселению.

Ключевые слова: история демографии, первая Всемирная конференция по народонаселению (Женева, 1927), русская послереволюционная эмиграция, Станислав Салезиевич Кон (1888-1933), Александр Михайлович Кулишер (1890-1942).

После окончания гражданской войны за пределами России вынуждено оказалась значительная часть ее интеллектуального потенциала. Известно, что представители русской эмиграции внесли большой вклад в мировую науку, плодотворно работая во многих областях знания. В демографии среди эмигрантов этой волны наиболее заметными фигурами были Александр Кулишер и Станислав Кон. Неслучайно именно они стали участниками первой Всемирной конференции по народонаселению в Женеве в 1927 г. В России до сих пор мало что известно о работе этой конференции, сыгравшей важную роль в консолидации усилий демографов, работающих в разных странах, ученые из СССР в ней не участвовали. Но российская наука была достойно представлена на ней двумя исследователями-эмигрантами.

Кон и Кулишер оставили очень важные свидетельства о первой Всемирной конференции по народонаселению в Женеве [Кон 1927а; Юниус (Кулишер) 1927], появившиеся в изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью. Они, несомненно, заслуживают републикации, которая и предпринята нами (см. ниже).

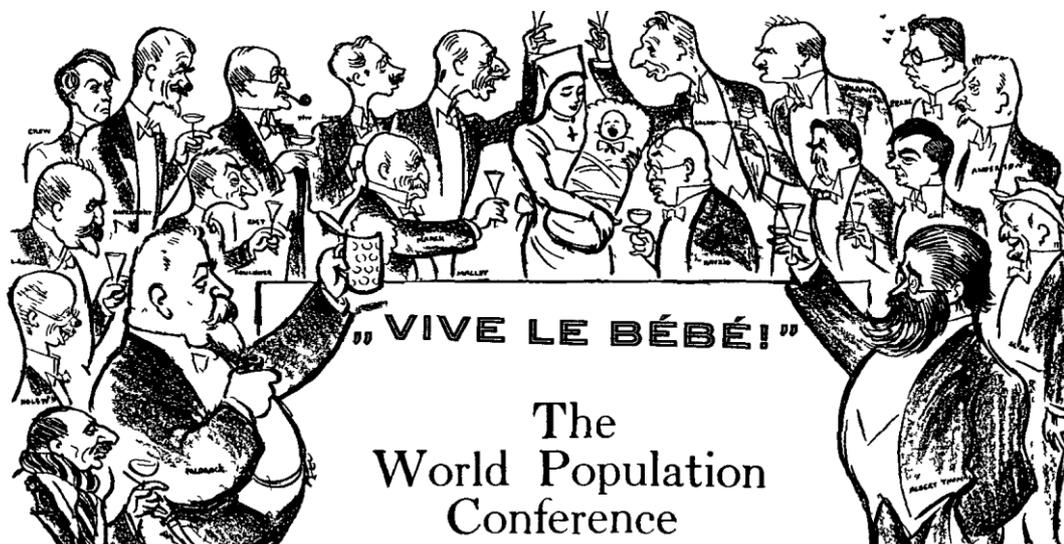
МАРК ТОЛЬЦ (mtolts@huji.ac.il), Иерусалимский университет, Израиль.
(ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И ПРИМЕЧАНИЯ)

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР (1890-1942).

СТАНИСЛАВ КОН (1888-1933).

СТАТЬЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В СЕНТЯБРЕ 2017 Г.

Бэкграунд этих ученых был разным, что заведомо предполагало и некоторое различие в их взглядах на работу конференции. Кон был экономистом и статистиком. Ему посчастливилось иметь таких учителей, как выдающиеся представители этих областей науки П.Б. Струве и А.А. Чупров [Дмитриев 2009]. Первой областью специализации Кулишера было правоведение, на смену которому пришла демография. Главным учителем для него в области изучения народонаселения, несомненно, был отец – М.И. Кулишер, создатель оригинальной теории миграции, которую сын творчески развивал после его смерти и уже успел к тому времени применить в изучении событий гражданской войны в России [Тольц 2014]. Кон и Кулишер представляли два основных центра русской послереволюционной научной эмиграции – пражский и парижский. Кон в Праге тесно сотрудничал с таким известным экономистом-эмигрантом, как С.Н. Прокопович. Кулишер в Париже был теснейшим образом связан с эмигрировавшим из России известным историком и политическим деятелем П.Н. Милюковым.

Юмористическое изображение из публикации, посвященной социальной программе первой Всемирной конференции по народонаселению [Chance 1927: 291].

Конечно, встает вопрос, на который у нас нет прямого ответа: каким могло быть общение на конференции двух ее русских участников-эмигрантов? Возможно, дальнейшая работа в архивах прольет на это определенный свет. Отметим, что их патроны – Милюков и Струве – в эмиграции были постоянными политическими оппонентами (см., например, [Яковлева 1996]). Но и Кон, и Кулишер, несомненно, были вполне самостоятельными исследователями и принадлежали к пересекающимся интеллектуальным кругам. Свидетельства этого мы находим в мемуарах С.И. Гессена, известного философа, правоведа и педагога, работавшего в это время, как и Кон, в Праге. В них он пишет, что Кулишер был «закадычным моим другом детства», непосредственные контакты, с которым продолжались до середины 1930-х годов во время приездов Гессена в Париж, где тогда жил Кулишер [Гессен 2010: 804]. Там же Гессен вспоминал, что в середине 1920-х годов при написании в Праге одной из его известных работ – «Правовое государство и социализм» –

«очень много дали мне беседы с выдающимся экономистом и статистиком, учеником А.А. Чупрова, автором превосходного учебника статистики, изданного им по-чешски¹, – С.С. Коном (S. Kohn)». Далее Гессен пишет, что и Кон стал его другом: «Я очень подружился с ним, особенно во время его продолжительной, тяжелой болезни, преждевременно сведшей его в могилу» [Гессен 2010: 796]. Когда Кон умер, именно в газете, где работал Кулишер, появился обширный некролог, написанный Гессеном [Гессен 1933].

Вклад двух русских участников-эмигрантов в работу конференции был достаточно заметным. Кон даже входил в состав ее Генерального Совета (General Council; см. [Sanger 1927: 12]). Его выступление в прениях о проблеме оптимума населения вошло в стенограмму конференции [Sanger 1927: 96-98]. В публикации ее материалов он значится представителем Чехословакии [Sanger 1927: 365]. Однако ранее в программе конференции Кон был указан как представитель России [Programme... 1927]. Причина отмеченного расхождения остается неизвестной. Зато Кулишер определенно был назван представителем России [Sanger 1927: 365]. Впрочем, один раз рядом с его фамилией в публикации материалов конференции ошибочно был указан СССР [Sanger 1927: 290]. Тремя рабочими языками конференции были английский, немецкий и французский, но все ее материалы позднее были напечатаны на английском языке. Кон выступал в прениях на французском языке. В отличие от него Кулишер свободно владел всеми тремя названными языками, его доклад о миграции [Koulisher 1927]² и два выступления в прениях на эту тему [Sanger 1927: 102-103, 290] не потребовали перевода – они были на английском языке. Возможно, знание английского языка помогало проявлению его заметной активности на конференции.

Ведь решающая роль в организации и успешном проведении конференции принадлежала М. Сэнгер, которая возглавляла движение за планирование семьи в США [From Geneva... 1994]. Она же была редактором тома материалов конференции, напечатанного весьма быстро. Уже в мартовском номере 1928 г. журнала «Обзор контроля над рождаемостью», издававшегося движением Сэнгер, появилось объявление о том, что первые экземпляры этой книги доставлены в США из Англии, где она печаталась [Advertisement 1928]. Стоит отметить, что в этом объявлении среди немногих специально перечисленных авторов материалов конференции был назван Кулишер. Справедливость такого выделения по прошествии времени подтвердилась тем, что положения, представленные им в Женеве в 1927 г., не утратили актуальности и продолжают и сейчас привлекать внимание специалистов (см., например, [Bashford 2007]).

Естественно, что наибольшее число публикаций, посвященных различным аспектам работы конференции, появилось вскоре после ее окончания в уже упомянутом журнале Сэнгер [Chance 1927; Drysdale 1927; Haldane 1927; Observer 1927]. Публиковались такие материалы и в ведущих газетах разных стран (см., например, [Huxley 1927; Moore 1927]). Специальных демографических журналов на английском языке в то время еще не было, но

¹ Имеется в виду книга Кона на чешском языке «Основы теории статистического метода» [Kohn 1929].

² Необходимо отметить, что в публикациях Кулишера на разных языках написание его фамилии давалось неодинаково: Koulisher на английском, Kulischer на немецком и Koulicher на французском, а при упоминании его фамилии на этих языках в ссылках на русские тексты она часто приводится как Kulisher.

сообщения о результатах конференции появились в научных изданиях, посвященных географии [Close 1927] и экономике [Carr-Saunders 1927b]. Публикация двух сообщений о работе конференции в русскоязычных изданиях стала достойным вкладом в освещение итогов конференции русской послереволюционной эмиграции.

Особую ценность в этих публикациях представляют свидетельства Кона и Кулишера о том, что не вошло в том ее материалов. Среди них надо прежде всего отметить рассказ Кулишера о регламенте конференции. В свою очередь Кон освещает некоторые важные аспекты обсуждений, отсутствующие в опубликованной стенограмме. Конечно, эти две публикации разнятся по объему и характеру изложения материала, что закономерно. Сообщение Кулишера писалось для выходившей в Париже наиболее солидной и широко читаемой газеты русского послереволюционного зарубежья «Последние новости». Его автор был явно ограничен объемом газетной площади, отведенной этому материалу. Кон опубликовал свой отчет о конференции в пражском периодическом научном издании – «Русском экономическом сборнике», и у него, вероятно, не было серьезных ограничений в объеме сообщения.

Участие в конференции, несомненно, стимулировало новые исследования обоих ее русских участников. Через пять лет Кон опубликовал на английском языке свою обширную монографическую работу «Статистика естественного движения населения Европейской России во время мировой войны, 1914-1917» [Kohn 1932]. Тогда же Александр Кулишер в соавторстве с братом Евгением, тоже эмигрантом, выпустил на немецком языке книгу «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» [Kulischer, Kulischer 1932], которая прочно вошла в канон мировой миграциологии. Но, возможно, еще важнее то, что именно на женеvской конференции Александр Кулишер впервые сформулировал свои представления о мировых демографических процессах, получившие в дальнейшем развитие в его публикациях, которые позволяют сегодня говорить о нем, как об одном из первопроходцев теории демографического перехода (см. [Вишневский, Тольц 2015]).

Публикуемые тексты приводятся в соответствии с правилами современной орфографии при сохранении основных особенностей пунктуации авторов. В них исправлены очевидные опечатки. Написание личных имен и географических названий соответствует тому, как они были первоначально напечатаны. Все примечания, в том числе данные внутри текстов сообщений, подготовлены мною.

КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Юниус [Кулишер А.М.]

Последние новости (Париж). 1927. 10 сентября: 3.

Если посадить в банку пару мух: самца и самку, снабдив их определенным количеством пищи, то размножение идет сначала медленно, потом, по мере увеличения [числа] особей, все скорее и скорее; затем, с истощением запасов пищи, рождаемость уменьшается, а смертность увеличивается, пока все население банки не вымрет. Если подбавлять пищу, держа ее общие запасы на одном уровне, то и количество мух остается на одном, раз

достигнутом, максимальном уровне. Наконец, если поставить мух в особо благоприятные условия: перегоня взрослых мух в другую банку со свежей пищей (но в том же неизменном количестве), – так что старая банка обращается в родовспомогательное заведение для личинок, – то количество мушиного населения, рождаемость и смертность испытывают сильные колебания вверх и вниз (резкое улучшение при переходе в свежую банку, потом резкое ухудшение), но, в среднем, остается все-таки на том же раз достигнутом максимальном уровне.

Неспециалист с «сатирическим» складом ума, пожалуй, мог бы заметить, что все эти последствия можно заранее предвидеть с точки зрения «здравого смысла», и не совсем понятно, зачем их нужно еще подтверждать экспериментальным путем. Американский профессор Р. Пирль, читавший вступительный доклад на только что закончившейся конференции по народонаселению в Женеве, держится другого мнения (см. [Pearl 1927]). Он полагает, что эти опыты иллюстрируют закон развития всякого «населения», – не только мушиного, но и всех видов живых существ, в том числе и человеческого рода. Это развитие обязательно идет по некоторой кривой, именуемой «логистической»: эта кривая поднимается сначала отлого, потом все более резко, затем достигает некоторой высшей горизонтали, на которой и останавливается совершенно. То обстоятельство, что высота этой горизонтали в данном случае была определена по воле экспериментатора, произвольно определившего количество пищи, предоставленное данному мушиному обществу, – между тем, как размер средств существования человеческого общества зависит в большей или меньшей степени от труда самого, этого общества, – не смущает докладчика. По его мнению, все возможные экономические и социальные факторы, воздействующие на развитие населения, могут быть подведены под общее понятие закона увеличивающейся тесноты, которому подвержено всякое население, развивающееся в определенном пространстве. Пройдя стадию усиливающегося размножения, определяемого чисто математическим результатом увеличения числа особей, оно подпадает под действие закона тесноты, выражающегося в уменьшении рождаемости и в увеличении смертности. Одно из этих явлений может быть ослаблено или устранено благодаря увеличению другого: напр., население может держать свою смертность на низком уровне, т.е. сохранять более длинную продолжительность жизни, если оно сдерживает свое количество в требуемых условиях размере путем низкой рождаемости. Но так или иначе оно достигнет своей «асимптоты», на которой и должно остановиться. Это утверждение Пирль подтверждал ссылками на развитие населения в Англии, Соед. Штатах и др. странах в XIX веке.

Эта, крайне рискованная, по мнению не только социологов, но и видных биологов, теория³ наметила лейтмотив конференции, в организации которой видную роль сыграли американские мальтузианцы, впрочем, привлечшие к этой организации целый ряд американских и английских ученых, авторитетность и беспристрастие которых стоят вне сомнения, а также и почти все европейские правительства. Приняли участие и финансовые силы, показавшие изумленным европейцам, как американцы умеют «делать науку».

³ Современную оценку данного подхода и объяснение его весьма ограниченных возможностей см., например, [Андреев 1994].

Всем приглашенным лицам было оказано поистине роскошное гостеприимство, за которое им против воли удалось дать лишь весьма небольшой эквивалент: роль большинства членов сводилась к молчаливому присутствию и лишь небольшое меньшинство получило возможность высказаться ... в течение пяти минут, а сверхпривилегированные, получившие десять минут, чувствовали себя полубогами. Впрочем, устроители были не совсем неправы, утверждая, что общение в частном порядке представителей науки разных стран может быть иногда не менее полезно, чем публичные дискуссии, и что изящная обстановка этого общения отнюдь не мешала делу.

И все же, за приятным научным и «общественным» общением чувствовался конфликт, – и не только конфликт научных мнений. Америка, не желающая терять достигнутого ею исключительно высокого уровня благосостояния масс, наглухо закрывшая свои двери перед новыми пришельцами, поставила перед всем миром вопрос: что же дальше? И сама же дала устами своих представителей, – отчасти поддержанных англичанами, – суровый ответ: да, «неограниченные возможности» XIX века кончились. Род человеческий должен сообразоваться с определенными размерами своих, уже в значительной мере заполненных, ресурсов. Наблюдающееся повсюду в передовых странах уменьшение рождаемости есть (это, конечно, говорилось в крайне дипломатической «ученой» форме), – единственный выход из страшной грызни за место и хлеб, которая иначе была бы неизбежной. Эта мысль особенно явственно звучала в докладах проф. Ферчайльда (один из авторов американских иммиграционных скорпионов⁴) и Иста (см. [Fairchild 1927; East 1927]), утверждавших, что пищевые ресурсы земного шара могут быть увеличены лишь в малой степени, – что роль пищевых средств, независимых от сельского хозяйства, ничтожна, – и что народам нужно выбирать между численностью населения и его благосостоянием. Все эти утверждения вызывали возражения со стороны, главным образом, французских ученых, указывавших на неопределенность всей этой арифметики. Особенно резкое столкновение произошло между проф. Истом и Бурдоном, по вопросу о судьбе промышленных народов, живущих привозным хлебом. Американец утверждал, что положение этих западноевропейских народов является «искусственным» и может стать грозным, т.к. страны, вывозящие хлеб (т.е. прежде всего Сев. и Южная Америка) должны будут когда-нибудь ограничить этот вывоз в интересах своего населения. Что это, – возмутился француз (см. [Bourdon 1927]), – возвращение к временам самодовлеющих государств и даже провинций; после ликвидации, свободы мирового передвижения – ликвидация мировой торговли? А с другой стороны, немецкий профессор Гротьян (см. [Grotjahn 1927]) указывал, как реально происходит «приспособление количества человеческого рода». Да, передовые народы не ждут завершения спора ученых: они «приспособляются», да еще как: в Германии, которая еще недавно пугала мир своей плодovitостью, теперь, за каких-нибудь три года рождаемость упала так, что близок момент, когда должно начаться уменьшение населения. Но это «приспособление» идет своеобразным путем: поистине ужасны цифры прямого вымирания, поголовного безбрачия и бесплодия интеллигенции, чиновничества и т.д.

⁴ Имеются в виду ограничительные американские иммиграционные законы 1921 и 1924 годов.

Как бы то ни было, пока далеко до решения этим путем вопроса о мировых излишках населения. Первые два дня конференции, посвященные вопросу о внутренних факторах развития населения, были, как все чувствовали, только «перестрелкой». На третий день «добралась до картечи», т.е. до вопроса о переселениях. Блестящий доклад председателя международного бюро труда А. Тома был мягким и дипломатичным по форме (см. [Thomas 1927]). Осторожны были его выводы: международное урегулирование переселения в «свободные места» есть пока отдаленный идеал; сейчас нужно хотя бы устроить институт для «чисто научного» изучения этого вопроса. Но ... но пора покончить с тем положением, когда об этом вопросе бояться говорить и не дают говорить. Мы вернулись к временам, когда страны отгораживались друг от друга и ... оратор сделал паузу: «Господа, ведь дело идет о международном мире». Эта мысль была развита одним из последующих ораторов⁵, не связанным официальным положением и указавшим на тот факт, что большие переселения, – за исключением «свободного» XIX века, – были всегда связаны с войнами. Если теперь представители богатых стран не желают видеть у себя излишков бедных народов, то они должны изо всех сил помогать им найти средства существования у себя дома. А потом выступали представители и «богатых» и «бедных», и все сходились на том, что вопрос «нужно изучать». Но уже один этот факт, одно признание авторитетнейшим научным синклитом необходимости нарушить чреватое страшными угрозами молчание, является крупной заслугой конференции.

МИРОВОЙ КОНГРЕСС ПО ВОПРОСАМ НАСЕЛЕНИЯ

С. Кон

Русский экономический сборник. Т. XI. Прага: Пламя, 1927: 91-102.

31 августа – 3 сентября⁶ состоялся в Женеве первый международный конгресс по вопросам населения, собравший со всех концов света, биологов, гигиенистов, социологов, экономистов и статистиков. Проблема населения, живо занимающая людей науки и политики уже более столетия, впервые была подвергнута обсуждению в столь компетентном и многосторонне-подготовленном международном собрании. Инициатива созыва конгресса вышла из Америки, от нескольких частных лиц, интересующихся вопросом, которые и взяли на себя труд по организации конгресса. Их инициатива нашла живую поддержку со стороны группы американских и английских биологов и статистиков, к которым они обратились, и которые составили первоначальное ядро подготовительного комитета. Во главе его стал сэр Бернард Маллет, известный английский демограф, бывший долготелетний директор английского бюро по регистрации движения населения (Registrar General) и бывший президент Лондонского Королевского Статистического Общества.

⁵ Здесь Кулишер, не называя себя, чтобы сохранить тайну псевдонима, пишет о своем выступлении в прениях по докладу Тома (см. [Sanger 1927: 290]).

⁶ Первое рабочее заседание конференции состоялось утром 31 августа 1927 г., что совпадает с датой указанной Коном, но открыта она была приемом, организованным вечером 30 августа [Drysdale 1927: 255]. Однако в томе материалов конференции по непонятной причине на титульном листе датой ее начала указано 29 августа 1927 г. (см. [Sanger 1927: 3]).

Комитету удалось собрать в Женеве около 150 ученых⁷, в том числе ряд виднейших авторитетов в разных областях науки, в компетенцию которых входит, с той или иной стороны, проблема населения. Из биологов присутствовали, между прочим, Дэвенпорт (Нью-Йорк), Пэрль (Балтимора, С. Шт., он же известный статистик), Гольдшмидт (Берлин), Гексли (Лондон); из гигиенистов Бэрнар (Париж), Уэлч (Балтимора), Гротьян (Берлин); из экономистов и статистиков Ирвинг Фишер (Нью-Хэвен, С. Шт.), Р.А. Фишер (Англия), Э. Селигман (Нью-Йорк), Джини (Рим), Марк (Париж), Кучинский (Берлин) и др. Хотя инициаторы конгресса принадлежат к неомальтузианским кругам и их главным мотивом было, по-видимому, поставить перед миром вопрос об опасностях, грозящих человечеству в связи с перенаселением нашей планеты, однако уже в докладах, представленных конгрессу (составивших довольно солидный том) (см. [Sanger 1927]) налицо довольно разнообразные точки зрения, и нельзя сказать, чтобы они давали только односторонне-мальтузианское освещение вопроса (хотя в некоторых докладах эти ноты звучат сильно). Еще меньше это можно сказать о занятиях конгресса. Мальтузианские тенденции некоторой части собрания (главным образом англичан и американцев) встретили сильную оппозицию со стороны другой части собрания, главным образом французов и бельгийцев, но также и представителей других наций, в частности немцев, причем всех объединила резолюция, требующая строго-объективного и чисто научного дальнейшего изучения вопроса.

Конгресс открылся приветственной речью сэра Маллета (см. [Mallet 1927]), в которой он, останавливаясь на вопросе о цели созыва конгресса, отметил, что те, кто бы ждал от трехдневных заседаний разрешения всех или хотя бы части проблем населения, или какого-нибудь международного соглашения по этому вопросу, конечно, разочаруются. Но нельзя не верить, что углубленное обсуждение вопроса собранием специалистов из разных стран, в строго научном духе, на основе имеющегося запаса фактов и статистических данных, подвинет нас несколько к этой цели. Это будет только началом, за которым, для дальнейшего изучения вопроса, должны будут последовать другие конгрессы, в не слишком больших промежутках времени, при чем необходимо было бы создать постоянную международную организацию, которая бы следила за вопросами населения, производила и поощряла исследования, и созывала периодически конгрессы. Для обсуждения этой организационной стороны дела сэр Маллет предложил выбор небольшой комиссии, которая к концу конгресса представила бы свои конкретные предложения. Это и было сделано собранием.

В течение своих занятий конгресс подвергнул обсуждению четыре больших вопроса: 1) вопрос о некоторых общих биологических законах роста населения у живых существ и возможности распространения их на человеческие общества, 2) экономическую проблему населения и, в частности, вопрос о так называемом оптимуме населения, 3) вопрос о так называемых «дифференциальных нормах рождаемости», т.е. о различиях в той пропорции, в которой разные классы и группы населения участвуют в создании будущих поколений, 4) проблему международных миграций.

⁷ Согласно другому источнику, всего в конференции приняло участие 200 человек [Observer 1927: 287].

Первому вопросу был посвящен доклад профессора Pearl'я, (которым занятия конгресса и открылись) о «биологии роста населения» (см. [Pearl 1927]). Докладчик обратил внимание конгресса на факт, установленный биологами, что у самых разнообразных организмов рост населения совершается по характерной кривой, которую докладчик, следуя бельгийскому математику Verhulst'у (говорившему о ней еще в первой половине прошлого века) называет «логистической кривой». Население растет сначала медленно, но потом все быстрее, пока рост его не достигнет стадии максимальной быстроты; после этого начинается замедление: население растет все медленнее и медленнее, и, наконец, совсем приостанавливается в своем росте. Этот процесс наблюдался в большой точности в ряде лабораторных работ над дрожжами, некоторыми бактериями, наконец, в работах, произведенных в лаборатории самого проф. Пэрля над мухой *Drosophila Melanogaster*, результаты которых он привел в докладе. Кроме того, статистика показывает, что в ряде стран население следовало в своем росте, поскольку это может быть установлено сравнением переписей, приблизительно той же кривой; таковы Швеция, Соединенные Штаты, Франция, Австрия, Венгрия, Италия, Норвегия, Шотландия, Сербия, Япония, Ява, Филиппины. Правда, период, за который мы располагаем данными переписей по этим странам, недостаточно велик, чтобы можно было с полной уверенностью утверждать, что рост населения человеческих обществ в точности следует указанному закону, но положение это, по мнению докладчика, очень вероятно. А в отношении местного населения Алжира, для которого имеется ряд переписей, произведенных французами, можно сказать, несомненно, что оно проделало цикл развития, в точности соответствующий «логистической кривой». Резюмируя, докладчик формулирует следующие тезисы: 1) статистика показывает, что у самых разнообразных организмов, от бактерий и дрожжевых грибов до человека, население следует в своем росте кривой определенного типа; 2) математические исследования показывают, что подобная кривая с необходимостью вытекает из некоторых простых допущений относительно влияния густоты населения на рождаемость и смертность; 3) эти допущения относительно влияния густоты населения на рождаемость и смертность экспериментально подтверждаются работами над населением мух *Drosophila Melanogaster*.

Собрание отнеслось в общем с некоторой сдержанностью к этой попытке истолковать численное развитие человеческого населения как частный случай общего биологического «закона» роста населения у живых организмов⁸. Причем интересно, что против такого слишком прямолинейного распространения этого закона на человеческое общество протестовали сами биологи. Так, генетик Haldane из Кэмбриджского университета заметил, что если проф. Пэрль может считать, что человеческие общества, следуют в своем росте его кривой, то это только потому, что мы располагали данными лишь за сравнительно недавнее время, и притом время, исключительное в истории человечества (см. [Sanger 1927: 39-40]). Есть основание предполагать, что во времена Римской Империи имело место в определенных районах регулярное уменьшение населения, связанное с социально-экономическими причинами⁹. Проф. Гольдшмидт заявил, что именно выводы

⁸ См. примечание 3.

⁹ Данный пример не найден в публикации материалов конференции. Вероятно, Кон приводит его по собственной записи этого выступления.

проф. Пэрля показывают, насколько следует быть осторожным в такого рода аналогиях. В человеческом обществе условия жизни индивидуума совершенно отличны от условий жизни его в мире насекомых; здесь только в крайне редких случаях увеличение или сокращение пищевых ресурсов может отражаться *непосредственно* на плодовитости (см. [Sanger 1927: 49]).

К биологам присоединились и статистики и экономисты. R.A. Fisher выразил и с чисто фактической стороны сомнение в том, подходит ли напр. рост населения Англии со времени имеющихся переписей под кривую проф. Пэрля (см. [Sanger 1927: 43-46]). Проф. Rappard (Женева) отметил совершенно случайный характер даты, с которой начинаются статистические сведения для Соединенных Штатов (см. [Sanger 1927: 54]). Но нужно сказать, что некоторые экономисты и социологи признавали все же, что сильная аналогия кривой проф. Пэрля с кривой роста населения ряда стран налицо и что нельзя пройти мимо этого разительного факта.

По этому поводу позволительно заметить, что аналогия внешнего вида кривой роста сама по себе отнюдь не говорит еще о приложимости соответствующего «закона» развития, предполагающего определенный причинный механизм процесса. Довольно несомненно, что причинный механизм, определяющий рост человеческого населения – другой и неизмеримо более сложный, чем у мух *Drosophila Melanogaster*.

Второй вопрос – об оптимальном населении – был предметом доклада Г.П. Фэрчайльда, профессора социологии Нью-Йоркского Университета (см. [Fairchild 1927]). Проф. Фэрчайльд начал с указания, что верховным критерием в проблеме населения должен быть не возможно больший рост населения, а *возможно высокий уровень его жизни*. Стать на эту точку зрения мешают старые укоренившиеся предрассудки, далее забота о военном превосходстве над другими нациями, религиозное усердие, стремящееся к увеличению числа верующих данной религии или секты, наконец, национальная мегаломания, считающая благом для человечества возможное распространение именно своей нации или расы. Если отбросить эти соображения, и стать последовательно на единственно правильную, по мнению докладчика, точку зрения, что вопрос о численности населения должен подчиняться критерию возможного повышения уровня жизни населения, тогда сразу же возникает вопрос об определении оптимальной численности населения, т.е. такой численности, которая в данных условиях обеспечивала бы наивысший уровень жизни населения. Ниже этой оптимальной точки мы имеем дело с недонаселением, выше ее – с перенаселением, причем докладчик отмечает, что первое является в истории случаем значительно более редким, чем второе. Определить в каждом данном случае оптимальную численность населения есть задача, нелегкая, но основная для науки о населении. Первой необходимой ступенью к такому диагнозу является анализ факторов, от которых зависит уровень жизни населения. Таких факторов докладчик находит три: 1) численность населения, 2) земля и ее плодородие, 3) то, что он называет «степенью развития искусств» (stage of arts), и что должно означать всю совокупность технических орудий, методов и познаний, прилагаемых человеческим обществом для добывания нужных ему материальных благ. Докладчик пытается анализировать связь между этими факторами, но ограничивается лишь самым общими указаниями, заключая, что во всяком случае, при

данном уровне «искусств» и данном плодородии почвы уровень жизни может быть повышен лишь за счет сокращения численности населения¹⁰.

К докладу проф. Фэрчайльда примыкал по теме доклад профессора генетики Гарвардского университета, Э. Иста, о «населении и продовольственных ресурсах» (см. [East 1927]). Докладчик оценивает весьма пессимистически продовольственные перспективы мира, считая, что, если не предполагать каких-нибудь революционизирующих изобретений в земледельческой технике, то земля может прокормить не свыше 5 миллиардов людей, каковая цифра, при теперешней норме роста населения будет достигнута через 100 лет. Докладчик считает, что никакое усилие к повышению урожайности земли – если оно не будет сопровождаться ограничением численности населения – неспособно реально улучшить положение. – «Это бы сводилось к производству большего количества пшеницы для того, чтобы кормить большее количество людей, которые бы в свою очередь производили большее количество пшеницы и т. д.». Нельзя не отметить, что с статистической стороны доклад был обоснован довольно скупо.

В обоих этих докладах, относящихся к экономической проблеме населения и взаимно дополняющих друг друга, как видим, сильно ощущается мальтузианская тенденция; в особенности это относится к докладу проф. Иста. В прениях, общих, по обоим докладам, эта тенденция была подвергнута частью ораторов решительной критике. По поводу соображений проф. Фэрчайльда указывалось на то, что круг из четырех факторов, о которых он говорит, – уровень жизни, население, земля и «искусства» – не так уж фатально замкнут, ибо рост населения способен сам по себе вызывать рост изобретательности и технический прогресс, т.е. существенные изменения в «уровне искусств»; указывалось далее, что докладчик совершенно не учитывает «относительных» элементов в современном перенаселении, связанных с неравномерным распределением благ; далее, что современный момент в развитии населения многих стран дает основания не столько к опасениям о перенаселении, сколько, наоборот, к опасениям о недонаселении; это относится не только к Франции, где эта опасность не нова, но и к другим странам и, в особенности, к современной Германии, представители которой приводили в прениях разительные цифры, характеризующие процесс сокращения рождаемости в Германии в последние годы.

По поводу пессимистических прогнозов проф. Иста указывалось, что, с одной стороны, совершенно невозможно предвидеть те технические перемены в земледелии, которые произойдут в течение ближайших 100 лет, что, с другой стороны, население мира, в общем и целом, должно будет проявить тенденцию к замедлению роста и к стабилизации.

Особенно сильно эта противомальтузианская аргументация развивалась ораторами, говорившими на французском языке, – англичане и американцы скорее защищали мальтузианские позиции; это дало повод председательствовавшему на заседании проф.

¹⁰ Отметим, что в материалах конференции было опубликовано краткое изложение выступления Кона в прениях по докладу Фэрчайльда (см. [Sanger 1927: 96-98]). Более полное представление о позиции Кона дает его публикация на русском языке: [Кон 1927b].

Раппару к остроумному замечанию, что «люди французской речи проповедуют размножение, а люди английской речи проповедуют практику людей французской речи»¹¹.

В чем, однако, все присутствующие были согласны, это в признании необходимости дальнейшего возможно широкого и углубленного изучения проблемы.

Третья проблема, занимавшая конгресс – «дифференциальные нормы размножения» – была освещена в целом ряде докладов, представленных профессорами Карр-Саундерсом, Гротьяном, Марком, Метхорстом и Джини (см. [Carr-Saunders 1927a; Grotjahn 1927; March 1927; Methorst 1927; Gini 1927]). В докладах собран весьма поучительный и интересный материал исследований, производившихся по этому поводу в разных странах хотя надо отметить, что мы находимся лишь в начальной стадии изучения вопроса.

Суть проблемы, как было выше отмечено, состоит в том, что, благодаря разной интенсивности размножения, разные классы и группы населения в разной степени участвуют в создании будущих поколений; отсюда неизбежность существенных изменений в составе будущих поколений с точки зрения разных психических и физических признаков. Изменения эти могут быть и благоприятными, и неблагоприятными; задача науки – по возможности их предугадать и оценить.

До сих пор наиболее изученным является вопрос о различиях в рождаемости у классов населения, различающихся по «социальному положению», главным образом по положению имущественному.

В докладе проф. Карр-Саундерса приведены интересные данные по Англии, характеризующие эти различия в отношении «социальных классов», которых английская статистика различает 8, но из которых – в виду некоторой непоследовательности в принципах классификации – для нас представляют интерес первых пять. В 1911 году семьи, в которых жена не достигла 45 летнего возраста, характеризовались следующим числом оставшихся в живых детей:

Социальный класс	Количество живых детей в среднем на семью
I	1,68
II	2,05
III	2,32
IV	2,37
V	2,68

Мы видим, что от высшего к низшему социальному классу (неквалифицированных рабочих) среднее количество детей, которое оставляет после себя супружество (рождения у женщин в возрасте свыше 45 лет уже более или менее редки), правильно повышается, причем у первого (высшего) класса оно составляет лишь 1,68, т.е. в среднем на целых 16% меньше заменяемого им числа родителей.

Из этого бы вытекало, что высший класс (если бы он не пополнялся выходцами из низших классов) в течение небольшого числа поколений очень сильно должен был бы сократиться в своей относительной численности в составе населения. И ясно, что средний уровень в населении тех *наследственных* черт, носителем которых является высший класс

¹¹ Это замечание не вошло в публикацию материалов конференции.

населения должен будет понижаться. Некоторые из этих черт положительны, некоторые, наоборот, отрицательны. Бесспорно положительной чертой являются умственные способности, интеллектуальная тонкость. Здесь имеются прямые данные, свидетельствующие о том, что более интеллигентные семьи размножаются слабее: так, данные некоторых английских школьных исследований обнаруживают отрицательную корреляцию между интеллигентностью ребенка, устанавливаемую соответствующими «test'ами», и численностью детей в его семье

Приведенные в прочих докладах данные по другим странам обнаруживают подобную картину: более зажиточные группы населения и группы, занимающие более высокое социальное положение, размножаются слабее, чем менее зажиточные и низкие по социальному положению группы населения. В особенности низка рождаемость у группы высших либеральных профессий. А некоторые специальные исследования обнаруживают, что у выдающихся людей рождаемость падает до минимума.

По некоторым данным эти различия в интенсивности размножения разных классов с течением времени углубляются (так по данным проф. Карр-Саундерса в Англии в [первой] половине XIX в. их почти не было), по другим данным они ослабевают; особенно интересен случай Германии, где за последних 25 лет в некоторых городах, по которым имеются сведения, рождаемость рабочих слоев упала значительно сильнее, чем зажиточных слоев, так что нормы рождаемости тех и других сблизилась (хотя еще не сравнялись). Проф. Гротьян отметил, что это падение рождаемости у германского пролетариата есть нечто совершенно новое в мировой истории (осторожнее было бы прибавить: поскольку за прежние времена имеются данные).

Интересны также различия, обнаруживаемые в рождаемости в зависимости от религии: у католиков она в общем держится на наиболее высоком уровне, но и у них она в последнее время заметно падает. Интересны также изменения в расовом составе человечества в связи с различной размножаемостью рас: германская раса определенно оттесняет по численности латинскую, а славянская – германскую и латинскую.

Я не могу излагать здесь подробнее материалов по этому вопросу, с которыми познакомился конгресс, ни содержания возникших прений; последние, кстати, мало прибавили к материалу докладов. Но одна постановка этого интереснейшего вопроса, который должен со временем привлечь самое серьезное внимание науки и политики, составляет существенную заслугу организаторов конгресса.

К этому вопросу примыкал по теме еще один доклад, заслушанный конгрессом уже в самом конце занятий, именно доклад E.D. Lidbetter'a (Лондонское Евгеническое Общество) на тему «Наследственность, болезненность и нищета» (см. [Lidbetter 1927]). Докладчик изложил результаты исследования, произведенного Лондонским Евгеническим Обществом над населением одного из районов Лондона, пользующимся общественным призреванием. Всего было обследовано 2850 лиц со стороны физических и умственных недостатков и генеалогии этих недостатков в их семьях, далее со стороны рождаемости и выживания детей. Эта группа бедных образует как бы замкнутое общество, чаще всего брачующееся в своих пределах. Исследование обнаружило чрезвычайное постоянство у них умственно-дефективного типа и типа «слабо-вырожденного», отличающегося тупостью и

апатией. Размножаемость в этой среде очень велика, значительно выше средней для английского населения, что составляет по мнению докладчика серьезную евгеническую опасность.

В прениях по докладу с разных сторон указывалось, что выводы докладчика грешат чрезмерным пессимизмом. В частности, проф. Марк (Париж) сослался на результаты своих исследований, показывающих, что размножаемость населения, пользующегося общественным призрением, ниже, чем у других классов населения (см. [Sanger 1927: 339-340]). Некоторые ораторы прямо ставили докладчику вопрос, каким же путем он полагал бы нужным бороться с обнаруженной им опасностью: стерилизацией, или усилиями, направленными на поднятие этого слоя населения из нищеты? Надо отметить, что за стерилизацию докладчик не высказался, не усматривая в ней разрешения вопроса.

После заслушания еще доклада д-ра Кру (Crew) о «плодовитости и бесплодности» (см. [Crew 1927]), посвященного почти целиком биологической стороне вопроса, собрание перешло к обсуждению четвертой большой проблемы населения – проблемы миграций. С большим вниманием был заслушан доклад по этому вопросу директора Международного бюро Труда, Альберта Тома (см. [Thomas 1927]).

Докладчик отметил, что вопрос миграций теснейшим образом связан с вопросами естественного движения населения, не только потому, что миграции являются в значительной мере функцией естественных демографических процессов, но и потому, что они, в свою очередь, способны сильно влиять на эти демографические процессы, облегчая (или, наоборот, осложняя и ухудшая) то положение населения, которое складывается под влиянием его естественного роста. Более того, миграции есть та сторона проблемы населения, на которую возможно непосредственное воздействие мерами регулирования, между тем как на естественное движение населения такое воздействие несравнимо сложнее и труднее.

Остановившись, далее, на современном положении проблемы миграций, докладчик характеризует те существенные изменения, которые произошли в условиях, направлении и характере эмиграции в послевоенное время.

Былая свобода, с которой эмигранты передвигались в свое время, ныне подверглась существенным ограничениям; государства осуществляют все более строгий контроль над миграционными потоками. В частности, страны иммиграции ставят иммигрантам подчас чрезвычайно сильные преграды. Политика Соединенных Штатов в последние годы является здесь достаточным примером. В связи с этим, а также с некоторыми другими обстоятельствами, размеры эмиграции после войны сильно сократились по сравнению с довоенным временем. Но страны эмиграции должны искать выхода для избытка своего населения. Отсюда назревают конфликты, грозящие в будущем войнами, может быть более страшными, чем минувшая.

В настоящее время имеют место некоторые двусторонние международные соглашения, которыми государства регулируют свои взаимные отношения в области миграции. Но к этому прибегают главным образом в тех случаях, когда страна иммиграции так же заинтересована в последней, как и страна эмиграции.

Каков же выход из этих конфликтов, в которых страны иммиграции защищают свое суверенное право вести ту демографическую политику, какую они считают нужной, а страны эмиграции защищают право на жизнь своего слишком густого населения? Нельзя ли найти мирные пути к более разумному размещению населения на поверхности земли, при котором явно недонаселенные территории не сосуществовали бы с перенаселенными? В частности, нельзя ли поставить уже сейчас вопрос о некоей междугосударственной высшей инстанции, регулирующей рационально и беспристрастно миграционные потоки и решающей об открытии или закрытии границ каждого данного государства для тех или иных категорий населения?

Немедленное осуществление такого идеала, конечно, несбыточно, оно бы встретило непреодолимые трудности. Но некоторая подготовка к его реализации, в частности, подготовка умонастроения, внедрение в сознание людей необходимости и возможности мирного и разумного разрешения этих конфликтов, – могут быть уже сейчас нашей задачей. Для этого, прежде всего, необходимо признание и пропаганда некоторых простых принципов или директив, как-то: а) население имеет право выселяться и оседать вне своей страны лишь с известными условиями и с подчинением некоторым предписаниям; абсолютная свобода переселения не соответствует более условиям жизни современного мира; б) государства иммиграции должны иметь право отбора иммигрантов (осуществляемое при некотором международном контроле), ибо жизненные интересы страны не должны быть угрожаемы иммиграцией; в) интервенция некоторой международной инстанции (к которой государства примыкают свободно) с целью регулирования миграционных вопросов и конфликтов не должна почитаться нарушением суверенитета, а проявлением международного сотрудничества наций в общих интересах и т. п.

Конкретно, необходимо, прежде всего, создание международного института, научного центра, первой задачей которого было бы изучение проблем эмиграции, как в их международном, так и в национальном аспекте. Вторая задача – более деликатная, но еще более важная – состояла бы в том, чтобы, пока неосуществимо создание международной инстанции для разрешения и регулирования миграционных вопросов, указанный научный центр стремился бы приобрести необходимый авторитет, чтобы предлагать нациям средства удовлетворения потребностей и пути выхода из противоречий интересов, и, таким образом, постепенно готовить почву для осуществления правильного международного регулирования в этой области.

Конечно, подготовка к этому умов в ответственных политических кругах современного мира и в частности, тех, которые соприкасаются с международными учреждениями, есть вещь нелегкая. Но – кончает докладчик – «не стоит иметь международных учреждений для того, чтобы отступать назад каждый раз, когда встанет какой-нибудь крупный жизненный вопрос международного значения».

По докладу развернулись оживленные прения, в которых наметились довольно определенно два течения: более пессимистическое, видящее на пути разрешения миграционной проблемы и миграционных конфликтов чрезвычайные трудности, и более оптимистическое, считающее, что конфликты интересов здесь не столь глубоки и вопрос

миграции есть скорее вопрос разделения труда между нациями (в особенности защищал эту точку зрения профессор Женевского Университета Л. Герш) (см. [Sanger 1927: 282-284]).

Представители стран эмиграции обрисовывали трудное положение в их странах, возникшее в связи с преградами, ставимыми в последнее время эмиграции; интересно, что лишь представитель Италии, д-р Больдрини заявил, что сокращение эмиграции не отразилось на увеличении безработицы в Италии; если последнее имеет место, то оно будто бы иного происхождения (см. [Sanger 1927: 280]).

Представители стран иммиграции (Соединенных Штатов и Франции) подчеркивали гигиенические и евгенические мотивы в миграционной политике своих правительств, указывая, что с серьезностью этих мотивов нельзя не считаться.

Идея международной инстанции, регулирующей миграционные дела, многим ораторам показалась нереальной, некоторые даже высказывали опасения, как бы научный международный центр по вопросам миграции не обострил положения. Но большинство отнеслось положительно к идее научного центра и к необходимости энергичной работы над подготовкой умонастроения к мирному разрешению миграционных проблем.

Заключительное (частное) заседание конгресса было посвящено заслушанию и обсуждению доклада выбранной в первом заседании комиссии по организационному вопросу. Признана была необходимой подготовка организации «перманентной международной унии» по вопросам населения для объективного, чисто научного изучения этих вопросов с разных сторон (в частности, с социологической и биологической)¹². С этой целью был избран временный комитет из 10 лиц с правом кооптации добавочных членов. В составе комитета представлены довольно разнообразные точки зрения, разные страны и разные специальности, хотя нельзя не отметить некоторого преобладания представителей наук биологических над представителями социально-экономических наук. Надо надеяться, что временный комитет в скором времени приступит к осуществлению возложенных на него заданий.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М. (1994). Логистическое население // Народонаселение: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кваши и др. М.: Большая российская энциклопедия: 208-209.
- Вишневский А., М. Тольц (2015). Незамеченный вклад в теорию демографического перехода // Демографическое обозрение. 2(4): 6-34. URL: <https://demreview.hse.ru/2015-4/179982792.html> (дата обращения: 13.12.2017).
- Гессен С.И. (1933). С.С. Кон // Последние новости (Париж). 21 февраля: 2.
- Гессен С. И. (2010). Избранное. М.: РОССПЭН. 960 с.

¹² В результате в 1928 г. был создан Международный союз по научным исследованиям проблем народонаселения, преобразованный в 1947 г. в Международный союз по научным исследованиям в области народонаселения [IUSSP 2017].

- Дмитриев А.Л. (2009). Кон Станислав Салезиевич // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН: 354-356.*
- Кон С. (1927а). Мировой конгресс по вопросам населения // *Русский экономический сборник. XI. Прага: Пламя: 91-102.*
- Кон С. (1927б). К вопросу об оптимуме населения // *Русский экономический сборник. XI. Прага: Пламя: 103-112.*
- Тольц М. (2014). Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // *Демоскоп Weekly. 603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (дата обращения: 13.12.2017).*
- Юниус [Кулишер А.М.] (1927). Куда идет человечество? // *Последние новости (Париж). 10 сентября: 3.*
- Яковлева Т.А. (1996). Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. Иркутск: Издательство ИГЭА. 216 с.
- [Advertisement] (1928): Just received from England! // *Birth control review. 12(3): 98.*
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // *Comparative studies in society and history. 49(1): 170-201.*
- Bourdon J. (1927). Is the increase in the population a real danger for the food supply of the world? // *Sanger M., ed. Proceedings...: 111-113.*
- Carr-Saunders A.M. (1927a). Differential fertility // *Sanger M., ed. Proceedings...: 130-143.*
- Carr-Saunders A.M. (1927b). The population conference at Geneva // *The economic journal. 37(148): 670-672.*
- Chance J. (1927). The world population conference – the social programme // *Birth control review. 11(11): 291, 310.*
- Close C.F. (1927). The world population conference of 1927 // *The geographical journal. 70(5): 470-472.*
- Crew F.A.E. (1927). Concerning fertility and sterility in relation to population // *Sanger M., ed. Proceedings...: 214-233.*
- Drysdale C.V. (1927). The first world population conference: some impressions // *Birth control review. 11(10): 255-256, 278.*
- East E.M. (1927). Food and population // *Sanger M., ed. Proceedings...: 85-92.*
- Fairchild H.P. (1927). Optimum population // *Sanger M., ed. Proceedings...: 72-85.*
- From Geneva to Cairo: Margaret Sanger and the first world population conference (1994) // *The Margaret Sanger papers project newsletter. URL: https://www.nyu.edu/projects/sanger/articles/from_geneva_to_cairo.php (дата обращения: 13.12.2017).*
- Gini C. (1927). Some Italian enquiries into differential reproductivity // *Sanger M., ed. Proceedings...: 157-169.*
- Grotjahn A. (1927). Differential birth rate in Germany // *Sanger M., ed. Proceedings...: 149-157.*
- Haldane C. (1927). More impressions of the conference // *Birth control review. 11(10): 257-258.*
- Huxley J. (1927). Too many people seen as real world danger // *The New York Times. 16 October: 6.*

- IUSSP (2017). The history of the IUSSP // IUSSP website. URL: <https://www.iussp.org/en/about/history> (дата обращения: 13.12.2017).
- Kohn S. (1929). *Základy teorie statistické metody*. Praha: Nakl. Státního úřadu statického. 483 p.
- Kohn S. (1932). The vital statistics of European Russia during the world war 1914-1917 // The cost of the war to Russia. New Haven: Yale University press: 1-154.
- Koulisher A. (1927). Some aspects of the migration problem // Sanger M., ed. Proceedings...: 305-309.
- Kulischer A., E. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Lidbetter E.D. (1927). Heredity, disease and pauperism // Sanger M., ed. Proceedings...: 326-334.
- Mallet B. (1927). Opening address // Sanger M., ed. Proceedings...: 17-19.
- March L. (1927). Differential increase in the population in France and in the world // Sanger M., ed. Proceedings...: 143-148;
- Methorst H.W. (1927). Results of differential birth rate in The Netherlands // Sanger M., ed. Proceedings...: 169-190.
- Moore E. (1927). The world population conference // *The Spectator* (London). 9 September: 8.
- Observer (1927). The world population conference – international aspects // *Birth control review*. 11(11): 287-288.
- Pearl R. (1927). Biology of population growth // Sanger M., ed. Proceedings...: 22-38.
- Programme of world population conference (1927) // *Birth control review*. 11(10): 251.
- Sanger M., ed. (1927). *Proceedings of the World population conference*. London: Edward Arnold. 383 p.
- Thomas A. (1927). International migration and its control // Sanger M., ed. Proceedings...: 256-265.

THE FIRST WORLD POPULATION CONFERENCE THROUGH THE EYES OF TWO RUSSIAN EMIGRANT PARTICIPANTS

MARK TOLTS

This publication provides Stanislas Kohn's and Alexander Kulischer's overviews of the first World Population Conference (Geneva, 1927). The authors of the overviews were Russian post-revolutionary émigrés, whose publications are now almost inaccessible to contemporary readers. A preface and helpful explanations have been added to the overviews. The preface highlights the contribution of the authors of the overviews to the work of the conference and shows the significance of the conference for their later scholarly efforts. The positive features of the published materials are noted in comparison with some other reports on the first World Population Conference.

Key words: history of demography, the first World Population Conference (Geneva, 1927), Russian post-revolutionary emigration, Stanislas Kohn (1888-1933), Alexander Kulischer [Koulischer] (1890-1942).

MARK TOLTS (mtolts@huji.ac.il), HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM, ISRAEL.
(PREFACE, PREPARATION OF THE TEXT FOR PUBLICATION AND COMMENTS)

ALEXANDER KULISCHER [KOULISHER] (1890-1942).

STANISLAS KOHN (1888-1933).

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2017.

REFERENCES

- [Advertisement] (1928): Just received from England! // Birth control review. 12(3): 98.
- Andreev E.M. (1994). Logisticheskoe naselenie [Logistic population] // Narodonaselenie [Population]. Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic dictionary] / A.Ya. Kvasha et al., eds. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: 208-209.
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // Comparative studies in society and history. 49(1): 170-201.
- Bourdon J. (1927). Is the increase in the population a real danger for the food supply of the world? // Sanger M., ed. Proceedings...: 111-113.
- Carr-Saunders A.M. (1927a). Differential fertility // Sanger M., ed. Proceedings...: 130-143.
- Carr-Saunders A.M. (1927b). The population conference at Geneva // The economic journal. 37(148): 670-672.
- Chance J. (1927). The world population conference – the social programme // Birth control review. 11(11): 291, 310.
- Close C.F. (1927). The world population conference of 1927 // The geographical journal. 70(5): 470-472.
- Crew F.A.E. (1927). Concerning fertility and sterility in relation to population // Sanger M., ed. Proceedings...: 214-233.

- Dmitriev A.L. (2010). Kon Stanislav Salezievich [Kohn Stanislav Salezievich] // Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya [Social thought of Russia abroad]. Entsiklopediya [Encyclopedia] / V.V. Zhuravlev, ed. Moscow: ROSSPEN: 354-356.
- Drysdale C.V. (1927). The first world population conference: some impressions // Birth control review. 11(10): 255-256, 278.
- East E.M. (1927). Food and population // Sanger M., ed. Proceedings...: 85-92.
- Fairchild H.P. (1927). Optimum population // Sanger M., ed. Proceedings...: 72-85.
- From Geneva to Cairo: Margaret Sanger and the first world population conference (1994) // The Margaret Sanger papers project newsletter. URL: https://www.nyu.edu/projects/sanger/articles/from_geneva_to_cairo.php (дата обращения: 13.12.2017).
- Gini C. (1927). Some Italian enquiries into differential reproductivity // Sanger M., ed. Proceedings...: 157-169.
- Grotjahn A. (1927). Differential birth rate in Germany // Sanger M., ed. Proceedings...: 149-157.
- Haldane C. (1927). More impressions of the conference // Birth control review. 11(10): 257-258.
- Hessen S.I. (1933). S.S. Kon [S.S. Kohn] // Poslednie novosti (Paris) [The latest news (Paris)]. 21 February: 2.
- Hessen S.I. (2010). Izbrannoye [Selected works]. Moscow. ROSSPEN. 960 p.
- Huxley J. (1927). Too many people seen as real world danger // The New York Times. 16 October: 6.
- IUSSP (2017). The history of the IUSSP // IUSSP website. URL: <https://www.iussp.org/en/about/history> (дата обращения: 13.12.2017).
- Junius [Kulisher A.M.] (1927). Kuda idet chelovechestvo? [Where is humankind heading?] // Poslednie novosti (Paris) [The latest news (Paris)]. 10 September: 3.
- Kohn S. (1927a). Mirovoy kongress po voprosam naseleniya [The world population conference] // Russkiy ekonomicheskii sbornik [Russian economic collection]. XI. Prague: Plamya: 91-102.
- Kohn S. (1927b). K voprosu ob optimume naseleniya [On the question of the optimum population] // Russkiy ekonomicheskii sbornik [Russian economic collection]. XI. Prague: Plamya: 103-112.
- Kohn S. (1929). Základy teorie statistické metody. Praha: Nakl. Státního úřadu statistického. 483 p.
- Kohn S. (1932). The vital statistics of European Russia during the world war 1914-1917 // The cost of the war to Russia. New Haven: Yale University press: 1-154.
- Koulisher A. (1927). Some aspects of the migration problem // Sanger M., ed. Proceedings...: 305-309.
- Kulischer A., E. Kulischer (1932). Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Lidbetter E.D. (1927). Heredity, disease and pauperism // Sanger M., ed. Proceedings...: 326-334.
- Mallet B. (1927). Opening address // Sanger M., ed. Proceedings...: 17-19.
- March L. (1927). Differential increase in the population in France and in the world // Sanger M., ed. Proceedings...: 143-148;

- Methorst H.W. (1927). Results of differential birth rate in The Netherlands // Sanger M., ed. Proceedings...: 169-190.
- Moore E. (1927). The world population conference // The Spectator (London). 9 September: 8.
- Observer (1927). The world population conference – international aspects // Birth control review. 11(11): 287-288.
- Pearl R. (1927). Biology of population growth // Sanger M., ed. Proceedings...: 22-38.
- Programme of world population conference (1927) // Birth control review. 11(10): 251.
- Sanger M., ed. (1927). Proceedings of the World population conference. London: Edward Arnold. 383 p.
- Thomas A. (1927). International migration and its control // Sanger M., ed. Proceedings...: 256-265.
- Tolts M. (2014). Vklad sem'i Kulisherov v mirovuyu migratsiologiyu [The Kulisher family's contribution to the world migration studies] // Demoscope Weekly [Demoscope Weekly]. 603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (accessed: 13.12.2017).
- Vishnevsky A., M. Tolts (2015). Nezamechenny vklad v teoriyu demograficheskogo perekhoda [An unnoticed contribution to demographic transition theory] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 2(4): 6-34. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--4/179982792.html> (accessed: 13.12.2017).
- Yakovleva T.A. (1996). Puti vrozozhdeniya. Idei i sud'by emigrantskoy pechati P.B. Struve, P.N. Milyukova i A.F. Kerenskogo [Ways of rebirth. Ideas and the fate of the emigrant press of P.B. Struve, P.N. Milyukov and A.F. Kerensky]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGEA. 216 p.